

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»

М. Д. Чертыкова

**ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЭМОЦИИ
В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ:
ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА**

Абакан
2015

УДК 81'367.625:811.512.1(075.8)

ББК 81.006.31+81.63я73

Ч45

***Печатается по рекомендации Научно-технического совета
и по решению Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»***

Рецензенты: **П. Е. Белоглазов**, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка ХакНИИЛИ, г. Абакан;
Б. Б. Саналова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник БНУ «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», г. Горно-Алтайск.

Чертыхова, М. Д.

Ч45 Глаголы со значением эмоции в хакасском языке: парадигматика и синтагматика / М. Д. Чертыхова; отв. ред. Ю. В. Псянчин. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2015. – 160 с.

ISBN 978-5-7810-1378-4

Монография посвящена системному описанию лексико-семантической группы глаголов и фразеосочетаний со значением эмоции в хакасском языке. В работе рассматриваются особенности парадигматической и синтагматической организации эмотивной глагольной лексики, приводится семантическая классификация исследуемой лексико-семантической группы, дается детальный анализ семантики глаголов и фразеосочетаний, отражающих базовые эмоции, выявляются системные взаимоотношения, а также функционирование в различных стилях речи.

Издание предназначено широкому кругу лингвистов, языковедам-тюркологам, преподавателям, а также рассчитано на использование в вузовских лекционных и практических курсах, в частности, Института филологии и Межкультурной коммуникации ХГУ им. Н. Ф. Катанова, при подготовке магистрантов по специальности 45.04.01 – Филология, направленность «Языки народов РФ (хакасский язык)», бакалавров по специальностям 44.03.05 – Педагогическое образование, направленность «Хакасский язык и литература, история», 44.03.05 – Педагогическое образование, направленность «Хакасский язык и литература, русский язык», аспирантов по специальности 45.06.01 – Языковедение и литературоведение, направленность 10.02.02 – Языки народов РФ (хакасский язык).

Результаты анализа материала могут быть использованы при составлении словарей идеографического типа.

УДК 81'367.625:811.512.1(075.8)

ББК 81.006.31+81.63я73

ISBN 978-5-7810-1378-4

© ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2015

© Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, 2015

© Чертыхова М. Д., 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. Парадигматика лексико-семантической группы глаголов эмоции в хакасском языке	11
1.1. ЛСГ глаголов как одно из проявлений системности в языке. Особенности организации ЛСГ глаголов эмоции	11
1.2. Системные взаимоотношения глаголов эмоции внутри лексико-семантической группы	20
1.3. Семантические оппозиции глаголов со значением эмоции в хакасском языке.....	31
ГЛАВА II. Семантическая классификация ЛСГ глаголов эмоции в хакасском языке	34
2.1. Глаголы, выражающие положительные эмоции в хакасском языке.....	38
2.1.1. Глаголы со значением радости.....	38
2.1.2. Глаголы со значением любви и доброжелательного отношения	43
2.1.3. Глаголы со значением удовлетворения	49
2.1.4. Глаголы со значением желания.....	49
2.2. Глаголы, выражающие отрицательные эмоции в хакасском языке.....	55
2.2.1. Глаголы со значением злости	55
2.2.2. Глаголы со значением раздражения	58
2.2.3. Глаголы со значением страха	61
2.2.4. Глаголы со значением печали	64
2.2.5. Глаголы со значением страдания	71
2.2.6. Глаголы со значением зависти	72
2.2.7. Глаголы отрицательной эмоционально-этической оценки.....	75
2.3. Глаголы, обозначающие нейтральные эмоции	81
2.3.1. Глаголы со значением удивления	81
2.3.2. Глаголы со значением беспокойства	87
2.4. Глаголы, выражающие проявление эмоции.....	89
Глаголы со значением смеха и плача (антонимические и синонимические корреляции)	89
2.5. Соматические фразеосочетания с семантикой эмоции.....	101
2.6. Фразеосочетания со значением ненависти	113
2.7. Одиночные глаголы со значением эмоции	115
2.8. Пограничные зоны ЛСГ глаголов эмоции (на примере с ЛСГ глаголов говорения).....	119

ГЛАВА III. Синтагматическая характеристика глаголов эмоции в хакасском языке	122
3.1. Обязательные позиции конструкций глаголов эмоции	123
3.1.1. Позиция субъекта при глаголах эмоции	123
3.1.2. Позиция причины (или стимула) эмоционального переживания при глаголах эмоции	125
3.2. Периферийные позиции конструкций глаголов эмоции	131
Заключение	133
Библиографический список	136
Условные сокращения	148
Приложение	150

ВВЕДЕНИЕ

Одним из наиболее важных и ярких аспектов человеческой деятельности, эксплицируемых в языке, являются эмоции, которые, как считают психологи, составляют ядро личности. Каждый человек, как носитель конкретного языка, вступает в различные отношения с другими людьми, предметами и явлениями окружающей действительности. При этом он может испытывать различные эмоции. «Человек и его эмоции, с одной стороны, являются частью самой объективной действительности, а с другой – участвуют в формировании языковой картины мира: человек как активный отражающий субъект, язык как средство отражения; эмоции человека как одна из форм отражаемой действительности. В этом заключается специфика эмоций человека: они и субъект отражения в языке, и способ выражения самих себя и отношения к действительности в процессе познания и деятельности человека в этом мире. Эмоции и чувства имеют своим основанием весь организм человека и являются результатом его активного взаимодействия с объективной действительностью» [Шведидзе, 1997, с. 3].

Эмоция, как всякое сложное и многогранное явление, является объектом исследования в разных отраслях науки: психологии, психиатрии, биологии, философии, языкознанию, соответственно, имеется множество толкований данного понятия. Однако суть всех этих определений сводится к тому, что мы читаем в Большом психологическом словаре: эмоции (от лат. *emovere* – возбуждать, волновать) – особый вид психических процессов или состояний человека, которые проявляются в переживании каких-либо значимых ситуаций (радость, страх, удовольствие), явлений и событий в течение жизни. Эмоции являются одним из главных регуляторов психической жизни и возникают в процессе практически любой активности человека. Эмоции возникли в процессе эволюции: с их помощью животные могли оценивать биологическую значимость явлений окружающего мира и внутреннего состояния организма [Большой психологический словарь, 2004, с. 601]. Понятие «эмоция» обычно понимается как переживание, душевное волнение. «Эмоция есть отражение мозгом человека и животных какой-либо актуальной потребности (ее качества и величины) и вероятности (возможности) ее удовлетворения, которую мозг оценивает на основе генетического и ранее приобретенного индивидуального опыта» [Симонов, 2008, с. 277].

Эмоциональный аспект человеческой деятельности находит свое отражение в языковой картине мира. В лингвистике в последние десятиле-

тия исследователи обращают особое внимание на проблемы эмотивной лексики, в частности, глагольной [см. работы Апресян, 1993, 1995; Бабенко, 1982, 1985, 1989; Васильев, 1971; Жуковская, 1975; Зализняк, 1983; Похмелькина, 1975; Мыльникова, 1969; Шаховский, 1987, 1992; Швелидзе, 1997 и др.]. В этих работах затрагиваются проблемы описания и анализа эмотивной лексики с различных точек зрения: семантическая структура слова, классификация в функционально-семантическом плане, языковые средства выражения эмоций; специфические и синтаксические средства номинации эмоциональной деятельности, разработка психолингвистической теории эмоциональности слова. Как видим, эмоциональные проявления человека рассматриваются в различных языковых аспектах. В своей монографии «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» В. И. Шаховский проводит категоризацию человеческих эмоций в лексико-семантической системе – по компонентам семантики, типам лексики, ее различным группировкам и функционирование этой системы при выражении эмоций [Шаховский, 2008]. В. И. Шаховский отмечает, что эмоции представляют собой разновидность человеческих страстей, которые пронизывают все сферы жизни человека и отражаются на всех уровнях его языка, поэтому не только лексика языка, но и фонетика и грамматика также пронизаны эмоциональными обертонами. Под грамматикой эмоций понимается эмоциональный синтаксис и эмоциональная морфология (аффиксация, грамматические формы слов в тексте). Фонетика эмоций включает эмоциональную интонацию, которая имеет не только коммуникативную, но и смысловую функцию. Известно, что интонация культуросоносна и эксплицирует образованность и воспитанность говорящих. Она выражает все оттенки настроений и эмоциональных состояний, является носителем коммуникативных смыслов и средством психологического воздействия на человека [Шаховский, 2010, с. 21]. В. И. Шаховский также склонен разделять термины «эмоция» и «эмотивность»: «На языковом уровне эмоции трансформируются в эмотивность; эмоция – психологическая категория, а эмотивность – языковая, поскольку эмоции могут и вызываться и передаваться (выражаться, проявляться) в языке и языком» [Шаховский, 2008, с. 3]. Однако среди всех частей речи в языковой системе наиболее приспособленной для отражения эмоций считается глагол, поскольку «эмотивная лексика ситуативна в своей денотативной основе, ибо эмоции нерасторжимо связаны с субъектом, их испытывающим, и объектом, их вызывающим» [Бабенко, 1989].

Исследование лексико-семантической группы (далее ЛСГ) глаголов эмоции соприкасается, прежде всего, с областью психологии в плане отражения психических состояний или переживаний в системе языка, или же, как считает Н. В. Сердобольская: «...ряд языковых явлений определяется так называемой наивной картиной мира народа, говорящего на

данном языке» [Сердобольская, 2010, с. 75]. Понятие «эмоция» обычно понимается как переживание, душевное волнение. Эмотивная лексика отражает такой человеческий фактор в языке, как вербализованные эмоциональные реакции, состояния и отношения говорящих к миру и к самим себе в этом мире [Шаховский, 1992, с. 12].

По содержанию эмоции подразделяются на положительные и отрицательные или же на позитивные и негативные. Однако американский психолог К. Изард пишет, что эти понятия требуют некоторого уточнения в зависимости от того, «какое воздействие она оказывает на внутриличностные процессы и процессы взаимодействия личности с ближайшим социальным окружением при учете более общих этологических и экологических факторов». Например, такая эмоция, как гнев, безоговорочно относящаяся к категории отрицательных, может способствовать выживанию индивида или защите его личного достоинства, сохранению личностной целостности, исправлению социальной несправедливости. Или же радость, обычно понимаемая как одно из самых позитивных чувств, проявляется в форме злорадства, и она может принести испытывающему ее человеку вред [Изард, 1999, с. 34].

Наше исследование глаголов эмоции в хакасском языке является фрагментом обобщающего исследования семантического поля глаголов, обозначающих внутренние психические переживания человека, которое включает в себя также глаголы мышления, восприятия, поведения и говорения. При этом изучение парадигматики и синтагматики глагольных единиц методом поля является наиболее эффективным. При выделении семантических подгрупп в составе ЛСГ или же семантического поля особенно значимыми являются приемы компонентного, оппозитивного, контекстологического анализа.

В определении ЛСГ мы придерживаемся мнения Э. В. Кузнецовой: «Лексико-семантическая группа – это объединение слов, относящихся к одной части речи и семантически соотнесенных друг с другом по лексическим значениям» [Кузнецова, 1969, с. 99]. Под глаголами эмоции мы понимаем глаголы, обозначающие различные аспекты психической деятельности человека. Основное их отличие от глаголов других ЛСГ состоит в том, что они обозначают не действие, активно совершаемое субъектом, а реакцию субъекта на определенные семантические раздражители.

В исследованиях ЛСГ предполагается выделение в значениях глаголов при их сравнении с идентификатором тождественных и дифференциальных сем. С этим подходом тесно связан подход синтагматический, поскольку принадлежность к определенной группировке обычно предполагает однотипную сочетаемость.

Тем самым наш подход к изучению ЛСГ глаголов, как системе языка, предусматривает сочетание парадигматических характеристик иссле-

дуемых глаголов с их синтагматическими параметрами, поскольку сочетаемостные возможности глагола зависят от семной структуры глагола. В парадигматических отношениях находятся лексемы, которые объединены по общности категориально-лексической семы и заменяют или потенциально могут заменять друг друга в предложении. А также парадигматически связаны между собой идентификатор – выразитель категориально-лексической семы группы и глаголы, которые содержат в своих значениях тождественные и дифференциальные семы. Синтагматические отношения возникают между сочетающимися в коммуникативном акте словами, принадлежность к определенной группировке обычно предполагает однотипную сочетаемость. Иными словами, глагол-название, как единица словаря или элемент языковой системы, противопоставляется глаголу-синтагме как единице речи, которая реализуется только в определенном контексте.

Нужно отметить, что при отображении эмоций доминирует эмотивная лексика глагольной принадлежности. Однако определенное место в составе ЛСГ глаголов эмоции хакасского языка, как и другого любого языка, занимают глагольно-именные фразеосочетания, например, **істі кӱй** «завидовать, страдать от зависти», букв. «нутро горит», **айназы тут** «сердиться», букв. «[его] черт держит», **істі тарлан** букв. «[его] нутро теснится, сердиться, злиться», **хырт тут** – букв. «раздражение держать, раздражаться», **кӱннине чат** «нравиться, быть по душе», букв. «[его] лежать в душу» и т. д. Такие фразеосочетания, как и глаголы эмоции, обозначают эмоциональную сферу жизнедеятельности человека и содержат в своей семантической структуре категориально-лексическую сему «испытывать какое-либо эмоциональное переживание или отношение». Считаем, что высказывание Ф. А. Ахмедовой о том, что абсолютное большинство глагольных фразеологизмов являются выразителями человеческого чувства, и это свойство продиктовано тем, что фразеологизмы относятся к числу выразительных средств языка, основывающихся на метафоричности значения [Ахмедова, 2010], можно отнести и к рассматриваемым нами фразеологизмам со значением эмоции.

Основной *целью* нашего исследования является лексико-семантическое описание глаголов эмоции в хакасском языке, в частности, выяснение внутренних и внешних соотношений компонентов различных микросистем в многоуровневой структуре ЛСГ глаголов эмоции. Для достижения данной цели ставятся следующие *задачи*: 1) методом сплошной выборки выявить глаголы эмоции на основании словарных данных, контекстов (из различных источников) и составить их семантическую классификацию; 2) выявить и охарактеризовать парадигматические отношения и системные связи глаголов эмоции (синонимии, антонимии, полисемии); 3) выявить и охарактеризовать синтагматические особенности данных глаголов.

Актуальность настоящей работы объясняется необходимостью системного изучения глаголов эмоции хакасского языка. Глаголы со значением эмоции впервые подвергаются системному исследованию не только в хакасском языке, но и в других тюркских языках. В целом же, исследование различных ЛСГ не только в хакасском, но и в других тюркских языках Южной Сибири актуально, и определяется, во-первых, недостаточной разработанностью теоретической лексикологии этих языков, малой изученностью ЛСГ глагольных лексем, во-вторых, необходимостью выяснения статуса данной ЛСГ в общеязыковой структуре, и, в-третьих, необходимостью детального описания парадигматики (представления в разных классификациях, в т. ч. – в словарях) и синтагматики (особенностей сочетаемости и функционирования в тексте) глагольных слов данной ЛСГ. Данное исследование находится в русле работ, ставящих задачей изучение свойств ЛСГ, как единиц определенных семантических полей, составляющих систему лексикологии. Кроме того, глаголы со значением эмоций не были до сих пор предметом специального описания в хакасском языке. Несмотря на важность исследования семантических группировок, глаголы эмоции не подвергались специальному анализу на материале хакасского языка, за исключением отдельных статей автора (см. библиографический список). Недостаточны словари идеографического типа, что также свидетельствует о значимости данного исследования. В 2013 году издан Словарь-справочник ЛСГ (глаголы говорения и движения) (составители М. Д. Чертыкова, А. Н. Чугунекова), который на данный момент является единственным словарем систематизации глагольной лексики в тюркских языках. Системное исследование лексики в рамках отдельно взятой группировки (поля, ЛСГ) дает хороший готовый материал для идеографических и понятийных словарей.

Выбор *методов* исследования предопределен характером материала и поставленными задачами. Основным методом является традиционный описательный метод, позволяющий провести наблюдения над структурно-семантическими особенностями глаголов эмоции. Описание семантической структуры глаголов эмоции проводится с использованием современных методов семантического анализа. Подход к изучению ЛСГ глаголов, как одной из микросистем языка, предусматривает сочетание парадигматических характеристик исследуемых глаголов с их синтагматическими параметрами, поскольку сочетаемостные возможности глагола зависят от его семной структуры. В исследовании ЛСГ предполагается выделение в значениях глаголов при их сравнении с идентификатором тождественных и дифференциальных сем.

Материалом для исследования послужили глаголы и фразеосочетания со значением эмоций, картотека которых включает более двухсот единиц в более чем в двух тысячах употреблений, собранных методом сплошной выборки из произведений хакасских писателей и публицистики.

Результаты нашего исследования могут быть использованы в современных исследованиях по общему языкознанию и лексикологии хакасского и других тюркских языков, в вузовских лекционных и практических курсах, а также при составлении идеографических словарей.

Монография включает введение, 3 главы, заключение, список текстовых источников, условные сокращения, библиографию и приложение, где все глаголы и фразеосочетания расположены с учетом их семантической общности категориально-лексического и дифференциального характера.

ГЛАВА I.

ПАРАДИГМАТИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ ЭМОЦИИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. ЛСГ ГЛАГОЛОВ КАК ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ СИСТЕМНОСТИ В ЯЗЫКЕ. ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЛСГ ГЛАГОЛОВ ЭМОЦИИ

Глагол – это семантически и морфологически наиболее сложная часть речи, которая является конструктивным центром предложения. Семантическая структура глагола более емкая и гибкая, чем все другие грамматические категории. Глагольная лексика как системная группировка языка в последнее время привлекает внимание исследователей во всех разноструктурных языках. Глаголы более структурированы, что делает их «благодатным материалом» для изучения системных отношений в лексике. «Исследование глагольных лексико-семантических групп оказывается важным не только с чисто лексикологической точки зрения. Многие явления грамматики глагола, его словообразования невозможно убедительно объяснить без обращения к типовой лексической семантике, которая воплощена в базовых единицах отдельных лексико-семантических групп» [Кузнецова, 1989, с. 13].

Одним из важных вопросов лингвистики является вопрос о системности языка, которая проявляется в совокупности элементов, связанных внутренними семантическими отношениями, которые равносильны отношениям, существующим между явлениями действительности. Словарный состав любого языка представляется как система лексических единиц, в рамках которых исследуются различные аспекты лексических единиц в их взаимосвязи как части единого целого. В лингвистике известны разные виды лексических объединений: семантическое поле, лексико-семантическая группа, тематическая группа, синонимический ряд и другие, внутри которых лексемы вступают в парадигматические отношения, т. е. они могут быть связаны прямыми оппозициями, а могут соотноситься только ассоциативно.

К парадигматике относятся группировки слов в системе языка, основой которых выступает оппозиция, – синонимия, антонимия, гипонимия, паронимия, гнездо слов, семья слов, лексико-семантическая группа, а также наиболее общая группировка слов – поле [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 438]. Парадигматика – один из двух

аспектов системного изучения языка, определяемый выделением и противопоставлением двух типов отношений между элементами и/или единицами языка – парадигматических и синтагматических; раздел науки о языке, занимающийся парадигматическими отношениями, их классификацией, определением области их действия и т. п., противопоставляется синтагматике по типу изучаемых отношений и их группировок [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 366].

«Лексическая система, – пишет Э. В. Кузнецова, – это не просто структурированная совокупность отдельных слов, а система взаимосвязанных, пересекающихся классов слов разного объема и характера» [Лексико-семантические группы..., 1989, с. 5].

Еще в советском языкознании Л. В. Щерба и В. В. Виноградов выдвинули ценные положения о том, что слова каждого языка образуют систему, и становление общетеоретических основ исследования лексики, как системы, связано с их именами [Виноградов, 1986; Щерба, 2007]. В отличие от всех предшествующих научных школ и направлений, которые изучали в слове лишь его логическую и психическую стороны, В. В. Виноградов расценивает лексическое значение как языковую категорию.

На современном этапе развития языкознания представления о том, как человек в своем языке классифицирует, оформляет в виде категорий окружающую действительность, существенно изменились. Основная идея такова: «сам окружающий человека мир не хаотичен, он определенным образом структурирован, соответственно – восприятие и отражение человеком действительности носит упорядоченный характер» [Моисеева, 2005, с. 78].

Понятие ЛСГ в работах А. А. Уфимцевой [1986], Д. Н. Шмелева [1973], О. С. Ахмановой [2004], В. И. Кодухова [1974], М. К. Шаковой [1984] и других авторов, сводится к тому, что это группировка слов одной части речи, объединенных однородностью или близостью значения. Э. В. Кузнецова, опираясь на определение Ф. П. Филина [1957] и учитывая конкретизацию категории ЛСГ в исследованиях последних десятилетий, дает следующее определение, в котором отметила существенные признаки ЛСГ: лексико-семантическая группа – это класс слов одной части речи, имеющих в своих значениях достаточно общий интегральный семантический компонент (или компоненты) и типовые уточняющие (дифференциальные) компоненты, а также характеризующихся сходством сочетаемости и широким развитием функциональной эквивалентности и регулярной многозначности [Кузнецова, 1989, с. 7].

Тема эмоциональной лексики в русистике, несмотря на наличие немалого количества разработанных подходов ее исследования, до сих пор остается актуальной. Так, в работах изучается соотношение эмоционального компонента с предметно-логической частью лексического значения слова; исследуется соотношение эмоциональности и других лингвистических категорий. Категоризация человеческих эмоций в лексико-семантической системе исследуется по компонентам семантики, типам лексики, ее различным группировкам. Например, в работах В. И. Шаховского раскрыты основные закономерности семантики и функционирования эмотивной лексики [Шаховский, 1987]. Семантическому анализу глаголов психической деятельности человека посвящены работы Л. М. Васильева [1971, 1981], в которых автор исследует системные связи языковых значений, лексико-семантических парадигм и типов семантических полей. Десять семантических классов русского глагола (ощущения, эмоционального состояния, эмоционального переживания, мышления, знания и др.) представляют обширное и сложное семантическое поле психической деятельности человека. Автор привлекает глагольную фразеологию, демонстрируя сложные отношения между подгруппами, отношения перекрещивания, наложения. При делении глаголов на основные семантические классы используется тематический принцип. Глаголы эмоционального переживания, эмоционального состояния, эмоционального отношения включены в область чувств. Глаголы эмоционального состояния обозначают разные чувства, а также внешние проявления этих чувств. От глаголов эмоционального переживания их отличает то, что переживание мыслится как процесс. Каждая группа глаголов (эмоционального состояния, переживания, отношения) подразделяется на ряд подгрупп, которые находятся в различных оппозициях друг к другу. Границы между подгруппами подвижны, что свидетельствует об их семантической близости не только между собой, но и с глаголами желания, поведения и др.

Л. Г. Бабенко системно исследовала языковые и речевые возможности на лексическом уровне в русском языке [Бабенко, 1989]. Исследование производилось в совокупности с объединением эмотивной лексики в типологические классы. Эмотивная лексика является доминирующим средством отображения эмоций в языке, участвует в отображении национального этического самосознания и в создании языковой картины «мира чувств».

Глагольная лексика, представленная в рамках ЛСГ, является наиболее сложной, интересной и пока еще мало изученной областью тюркской лексикологии. Здесь исследованию глагольных систем положил начало

Н. К. Дмитриев. Он выделил следующие семантические группы глаголов в татарском языке: глаголы речи, мышления, активного действия и движения [Дмитриев, 19652]. Затем предпринимались попытки сгруппировать наиболее употребительные корневые и синтетические глаголы в казахском языке [Кульмагамбетова, 1956]. В своей диссертации на соискание доктора филологических наук Гасан Керам оглы Кулиев провел этимологический анализ и проследил лексико-семантическое развитие глагольной лексики, в частности, глаголов чувственного восприятия на материале огузской группы тюркских языков [Кулиев, 1975]. Предложены семантические классификации тюркских глаголов в отдельных языках, например, В. Ф. Вещилова глаголы турецкого языка делит на следующие четыре группы: 1) глаголы движения, обозначающие перемещение субъекта в пространстве; 2) глаголы действия, обозначающие воздействие субъекта на объект; 3) глаголы жизненных процессов: питания, осязания, зрения, речи, слуха, чувства, мышления и т. п.; 4) глаголы явлений природы [Вещилова, 1962]. Анализ башкирских глаголов по функционально-когнитивным характеристикам проведен в докторской диссертации М. Г. Усмановой [Усманова, 2002]. В предложенных семантических классификациях выделены следующие наиболее общие семантические разряды: 1) глаголы движения; 2) глаголы действия; 3) глаголы речи; 4) глаголы, связанные с процессом мышления, зрения и слуха; 5) глаголы состояния. А. А. Цалкаламанидзе разделил глаголы в узбекском языке по семантико-синтаксическим признакам на две группы: 1) глаголы, отличающиеся действиями, семантические признаки которых направлены; 2) глаголы, отличающиеся действиями, семантические признаки которых не направлены. В первой группе за основу берется способ, скорость и манера действия. Также в эту группу входят невольные (механические) действия, динамические глаголы с дифференциальным признаком. Подобные глаголы также можно назвать субъектными (абсолютными) глаголами. А во второй группе глаголы действия, объединенные по общесемантическому признаку, обозначающие изменения места объекта в определенной области [Цалкаламанидзе, 1987, с. 79].

Также значительным этапом в исследовании глагольной системы в тюркских языках было системное изучение отдельных ЛСГ. Так появились работы по исследованию глаголов чувственного восприятия в тюркских языках [Юлдашев, 1961], глаголов движения в узбекском языке [Халиков, 1967]. Впоследствии к изучению отдельных ЛСГ обращались М. Оразов [1983], А. М. Сарыбаева [1988], Ю. В. Псянчин [1990], А. Т. Тыбыкова [1991], Иштанова Р. [2002] и другие. Все эти исследования проводились на системно-семантическом уровне.

Изучение ЛСГ глаголов тюркских языков Южной Сибири началось в 90-х гг. прошлого столетия представителями Новосибирской научной школы. В их работах сопоставлялись эмотивные глаголы в алтайском, хакасском, тувинском и казахском языках [Козырев, 1999], проводилась семантическая классификация и рассматривались семантические и функциональные особенности глаголов интеллектуальной деятельности в алтайском языке [Саналова, 2007], глаголов поведения в тувинском языке [Салчак, 2005], глаголов движения в тувинском языке [Барыс-Хоо, 2006].

Исследователи сибирских тюркских языков в последние десятилетия при изучении лексики все более фиксируют внимание на семантических группировках слов в плане парадигматики и синтагматики. Поскольку глагол занимает центральное положение в семантической структуре предложения, сочетая в себе синтаксический и семантический аспекты, он привлекает к себе внимание не только лексикологов, но и синтаксистов. Например, представители Новосибирской научной школы разрабатывают целую систему описания синтаксической семантики и критериев разграничения моделей и их вариантов [Черемисина, 1989, 1993, 1998; Н. Ч. Серээдар, 1995; Черемисина, Озонова, Тазранова, 2008 и др.].

В хакасском языке тема семантических группировок глагольной лексики остается открытой. Здесь системно описаны пока две ЛСГ глаголов: говорения [Чертыкова, 2005] и движения [Чугунекова, 2002]. В выше указанных работах глагольно-именные фразеосочетания рассматривались наряду с глаголами или же не включались в состав ЛСГ. Остальные же ЛСГ глаголов тюркских языков Южной Сибири еще ждут своих исследователей. Кроме того, как в хакасском, так и в других тюркских языках Южной Сибири, отсутствуют специализированные словари, что также говорит в пользу значимости данного исследования, поскольку изучение глагольной лексики является актуальным и в плане подготовки словарей идеографического типа, в частности, также дополнения и уточнения материалов, изданного в 2013 году Словаря-справочника ЛСГ хакасских глаголов [Чертыкова, Чугунекова, 2013].

Внутренняя структура глагола – есть отражение его семантических и синтагматических свойств. Она зависит от принадлежности единиц ЛСГ к той или иной части речи и строится с учетом иерархии семантических компонентов, которые выделяются в ходе анализа в значении лексем, составляющих ЛСГ. Важность выявления внутренней структуры заключается в том, что правильно и адекватно описанная структура – это правильно определенные и упорядоченные связи, которые могут быть характерны для всех или некоторых ЛСГ.

ЛСГ в разных языках имеют схожую структуру (что подчеркивает общность человеческого мышления), но абсолютной четкой системности в построении, объеме и конфигурации лексических объединений нет: являясь незамкнутой, подвижной системой, лексика в полной мере отражает обусловленность языковой структуры человеческим фактором. Трудность построения внутренней структуры в том, что у лексических единиц очень много свойств, которые переплетаются, поэтому четко и однозначно упорядочить единицы довольно сложно. Большинство классификаций ЛСГ в исследовательских работах сопровождаются особыми оговорками, примечаниями и т. п.

Вопрос о том, какие единицы находятся в ядерной части ЛСГ глаголов эмоции, а какие на периферии, разными исследователями решается по-разному. Глаголы, в значении которых закреплены основные характеристики процесса эмоциональной деятельности, расположены в центральной (ядерной) части ЛСГ, это глаголы с исконно первичной эмоциональной семантикой, обозначающие базовые эмоции (например, **хын** «любить», **хорых** «бояться», **өрін** «радоваться», **пу харахтаң көрбе** «ненавидеть» и т. д.). Содержательная природа таких слов, закрепленная в лексической семантике, соответствует их семантико-синтаксической функции в речи. Малоупотребительные глаголы (например, **чархан** «тяготиться чем-л.», **чидік** употр. чаще в отриц. форме «быть в нетерпении» и т. д.), а также и глаголы, обозначающие эмоцию во вторичных ЛСВ (например, **хырт хылын** (букв. «вести себя раздраженно, относиться к кому-л. с раздражением, недолюбливать», **сағын** в ЛСВ «хотеть»), оказываются на периферии.

Как и всякая системная группировка, ЛСГ глаголов эмоции имеет иерархическую структуру, построенную по принципу градации (постепенного уточнения) категориально-лексической семы и которая определяется, в первую очередь, характером значений составляющих его единиц. Глаголы эмоции объединяются в одну ЛСГ на основе общности лексико-категориальной семы «чувствовать» или же «испытывать, переживать какое-либо чувство или эмоцию», составляющей семантическую основу группы, и уточняющейся в каждом отдельном глаголе с помощью дифференциальных сем. Полным выразителем этой семы является базовый, ведущий глагол – идентификатор с наиболее общим отвлеченным значением, который находится во главе группы, остальные члены группы составляют привативные оппозиции по отношению к базовому слову. Если, например, в русском языке таким базовым словом – идентификатором ЛСГ глаголов эмоции является малосодержательный глагол *чувство-*

вать, то в хакасском языке такой глагол отсутствует, что является специфической особенностью ЛСГ глаголов эмоции данного языка.

В русском языке базовым глаголом ЛСГ глаголов эмоции является *чувствовать*, с которым привативно связаны более содержательные, не уступающие ему по частотности глаголы эмоции. Объединившись вокруг идентификатора *чувствовать*, они составляют ядро лексико-семантической группы. Это такие глаголы, как *радоваться*, *злиться*, *веселиться*, *печалиться* и т. д. Также специфика русского языка позволяет обозначать эмоцию глагольно-именным образованием вроде *чувствовать радость*, *чувствовать раздражение*, *чувствовать тоску* и т. д.

По семантическому признаку «форма эмоционального явления» мы вслед за Л. М. Васильевым [Васильев, 1981, с. 97] все глаголы распределили по трем основным подгруппам. Внутри каждого разряда глаголы делятся на несколько подгрупп в соответствии с общностью их инвариантного значения:

- 1) глаголы эмоционального состояния (настроения) (например, **пичелен** «печалиться, горевать», **иреелен** «мучиться», **кӱӱлен** «любить кого-л.; испытывать чувство влюбленности к лицу противоположного пола» и др.). Эти глаголы обозначают различные эмоциональные состояния, при которых переживаются те или иные продолжительные чувства, вызванные отношением к чему-кому-либо. Ядерная семема данной подгруппы – «находиться в каком-либо эмоциональном состоянии». Т. П. Болотина считает, что от близких к ним глаголов эмоционального переживания они отличаются главным образом тем, что их семантическая структура и синтаксические свойства указывают, прежде всего, на определенное эмоциональное состояние, оставляя как бы в тени переживаемые при этом состоянии чувства [Болотина, 2012]. Л. М. Васильев глаголы, обозначающие разнообразные эмоциональные состояния, включает в одну подгруппу с глаголами, выражающими внешнее их проявление;
- 2) глаголы эмоционального переживания (например, **ӱрӱн** «радоваться», **хорых** «бояться», **морсын** «восхищаться», **ӱкпелен** «гневаться, сердиться, горячиться, негодовать», **кӱӱнӱне кӱр** – «нравиться» и др.).

Ядерная семема данной подгруппы – «испытывать, переживать какое-либо чувство». Глаголы эмоционального переживания очень близки по своим семантическим и по формальным признакам к предшествующей подгруппе. Т. П. Болотина выделяет следующие признаки глаголов эмоционального переживания, отличающие их от глаголов эмоционального состояния:

а) глаголы эмоционального переживания обычно не содержат в своей семантике указаний на состояние и его выражение;

б) глаголы эмоционального переживания не являются, как правило, членами оппозиций по семам бытийности (становления);

в) глаголы эмоционального переживания в большинстве своем требуют объектных позиций, глаголы эмоционального состояния лишь допускают их при себе [Болотина, 2012, с. 23].

3) глаголы эмоционального отношения (**сағын** «скучать», **хын** «любить», **көблен** «влюбляться», **пу харахтаң көрбе** «ненавидеть», **айа** «жалеть» и т. д.). Глаголы эмоционального отношения неоднородны по своему характеру. Одни из них (например, **хын** «любить», **пу харахтаң көрбе** «ненавидеть» и т. д.) выражают преимущественно переживание какого-либо чувства, вызванного отношением к кому-чему-либо. Рассматриваемые глаголы по значениям перекрещиваются с глаголами эмоционального переживания и состояния. Инвариантное значение глаголов данной подгруппы – «чувствовать, испытывать какие-либо эмоции в отношении кого-чего-либо». Эти глаголы можно разделить на две подгруппы:

а) глаголы, выражающие позитивные отношения: **хын** «любить, испытывать сердечные чувства к кому-чему-л.; **ачын** 1) «жалеть»; 2) «сходить»; 3) «испытывать нежные сердечные чувства» и др.;

б) глаголы, выражающие негативное отношение: **хазырлан** «свирепеть, злиться на кого-л.»; **хыртыстан** «раздражаться» и др.;

4) внешнее (физическое) проявление эмоций: **хатхыр** «смеяться (громко), хохотать», **охсан** «целовать», **мөңісіре** «унывать, быть грустным», **ылға** «плакать», **сығыдын** «тихо, беззвучно плакать» и т. д.). У этих глаголов сложная семантика, некоторые авторы их относят к глаголам звучания [Усманова, 2002], а также к классу номинаций физиологических реакций или состояний. Сложность семантики этих слов создается сочетанием двух равноправных категориально-лексических сем. В предикате могут быть так тесно объединены указания на психическую и физическую реакции человека, а физическая реакция оказывается столь комплексной, что создаются лексикографические трудности, связанные с выбором родового понятия [Лопатин, 1975]. Мы склоняемся к выделению этих глаголов в категорию эмотивной лексики, поскольку считаем, что в них выделяется первичное эмоциональное значение, которое коммуникативно весомее.

Как уже отмечалось, внутренняя структура ЛСГ глаголов имеет сложную организацию и включает в себя следующие парадигматические

группировки более низкого разряда – подгруппы, микрогруппы, синонимические ряды.

В начальной ступени семантической классификации глаголы эмоции хакасского языка делятся на три тематические категории: а) глаголы, выражающие *положительные* эмоции (**хын** «любить», **өрін** «радоваться», **хатхыр** «смеяться» и т. д.); б) глаголы, выражающие *отрицательные* эмоции (**хорых** «бояться», **тарын** «сердиться», **пу харахтаң көрбе** «ненавидеть» и т. д.); в) глаголы, выражающие *нейтральные* эмоции (**хайха**, **чапсы** «удивляться» и т. д.).

Далее структура ЛСГ глаголов эмоции представляет веерный тип организации, когда на одной ступени конкретизации расположены семантические объединения, называемые подгруппами (подпарадигмами), которые помимо указания на общую категориальную сему всей ЛСГ, включают в свою семантическую структуру еще и инвариантную сему всей группы. Наиболее многочисленными подгруппами являются глаголы, выражающие такие базовые эмоции, как злость, печаль, раздражение и т. д. Выразителем общей инвариантной семы подгруппы является базовый глагол или реже базовое глагольно-именное сочетание, которое представляет собой ее системообразующее качество, «сообщающее» «семантическую тему» всей парадигме. А. М. Кузнецов называет основные признаки, характерные для базовых лексем: 1) центральные слова просты по своему морфемному составу; 2) они обладают широкой сочетаемостью; 3) обладают психологической важностью для носителя языка; 4) не должны быть недавними заимствованиями; 5) значение лексемы не может быть уже какого-либо другого слова группы [Кузнецов, 1980, с. 77]. Например, подгруппа глаголов злости с доминантой **тарын** «сердиться» находится на четвертой ступени конкретизации структуры ЛСГ глаголов эмоции. Все глаголы со значением злости на этой ступени обладают общим категориально-лексическим значением «испытывать какие-либо эмоции» и инвариантным значением «испытывать, проявлять чувство гнева, неудовлетворения», которые далее дифференцируются на общие значения синонимических рядов. Подобная многоступенчатость парадигматических отношений, реализующаяся в гипонимических связях глаголов, пронизывает всю лексическую систему и является основным принципом организации ЛСГ.

Далее пятую ступень в ЛСГ глаголов занимают синонимические ряды. В качестве основополагающих видов отношений, связывающих элементы одной ЛСГ, являются такие отношения, как включенность, подчинение, синонимия, гиперонимия, антонимия.

Следует отметить, границы между подгруппами подвижны так же, как и между ЛСГ. Один и тот же глагол может входить в две или более подгруппы в силу специфики семантических особенностей или по наличию в его значении различных дифференциальных сем. Например, глагол **ўрўк** в ЛСВ «сильно напугаться» состоит в подгруппе глаголов страха, а в ЛСВ «удивляться, поражаться» – в подгруппе глаголов удивления. Глагол **ачын** «жалеть; шадить; испытывать нежные сердечные чувства» является глаголом эмоционального переживания (если описывается конкретная ситуация), а если же он обозначает постоянный характер действия, то глагол выражает эмоциональное состояние. Глагол **уйат** «стыдиться». *Оолах, ўгренізн тоозып, мундир кизібіскенде, ічезінең хада чўрерге уйадып настабысхан* (Ксо, 6) – Мальчик, закончив учебу, одел мундир, и тогда он стал стыдиться появляться на людях с матерью. В данном предложении глагол **уйат** «стыдиться» обозначен оттенком «постоянно», в силу чего он относится к глаголам эмоционального состояния. *Алыгбын мин. Оприс, сым полба, хырыс мині, сўкле, уйаттыр* (П, 132) – Дурак я. Оприс, только не молчи, ругай меня, оскорбляй, заставляй стыдиться. В данном случае наблюдаем функционирование глагола **уйат** «стыдиться» в качестве глагола эмоционального переживания.

В целом иерархическую структуру ЛСГ глаголов со значением эмоции в хакасском языке можно отразить таким образом:

- 1) идентификатор (отсутствует);
- 2) микрогруппы глаголов со значением положительной, отрицательной и нейтральной эмоции;
- 3) семантические подгруппы внутри каждой микрогруппы;
- 4) синонимические ряды внутри каждой подгруппы;
- 5) глагол со значением эмоции.

ЛСГ рассматриваемых глаголов может соприкасаться на уровне полисемии с ЛСГ глаголов речи, поведения, глаголов интеллектуальной деятельности и др.

1.2. СИСТЕМНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ЭМОЦИИ ВНУТРИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

Одним из аспектов исследования глагольных ЛСГ является установление взаимоотношений между ее членами. Наиболее ярко системные связи глаголов обнаруживаются в их распределении по семантически объединенным подгруппам. Отношения между словами неразрывно связаны с отношениями между реалиями объективной действительности и их отражением в сознании человека. Иными словами, реалии в действи-

тельности связаны предметными отношениями, концепты в мышлении связаны логическими отношениями, а отношения между значениями лексических единиц, обозначающих данные реалии и концепты, относятся к сфере языка и называются семантическими.

Основными типами семантических связей являются синонимические, антонимические, гипонимические, деривационные и другие отношения. Эти связи находятся между собой во взаимосвязи и взаимодействии на уровне семантических и сочетаемостных структур глаголов.

Синонимические отношения. Синонимические связи являются одной из основных форм проявления системности ЛСГ. В составе ЛСГ глаголы рассматриваются на уровне синонимических рядов.

В понимании синонимов мы придерживаемся традиционных представлений: это слова, относящиеся к одной части речи, значения которых содержат тождественные элементы; различающиеся элементы этих значений устойчиво нейтрализуются в определённых позициях, т. е. несмотря на то, что синонимы выражают общее понятие, они все-таки расходятся в оттенках. Синонимы делятся на абсолютные, идеографические, стилистические, окказиональные, однокоренные.

Синонимические ряды образуют лексические синонимы, т. е. близкие или тождественные по значению слова, по-разному называющие одно и то же понятие, но отличающиеся друг от друга оттенками значения, либо стилистической окраской. Доминантой (базовым или опорным словом) синонимического ряда выступает наиболее употребительное, семантически наименее содержательное и стилистически нейтральное слово.

Вслед за рядом исследователей, считаем, что синонимические ряды должны состоять из синонимов-семем, а не из синонимов-лексем (лексема – слово во всей совокупности его значений, семема – одно из значений слова) [Иванникова, 1972]. «В абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения; любое знаковое значение возникает в контексте, под которым мы понимаем ситуационный или эксплицитный контекст, неважно какой, поскольку в неограниченном или продуктивном тексте (живом языке) мы всегда можем превратить ситуационный контекст в эксплицитный контекст» [Ельмелев 1999, с. 303]. Такой подход широко распространён в теоретических работах по синонимии. Он позволяет рассматривать синонимический ряд как группу слов, объединённых сходством лексических значений и, как правило, обладающих теми или иными различиями, семантическими и стилистическими. Многозначные слова в этом случае могут вступать в синонимические отношения по одному из своих лексико-семантических вариантов. Изучение функционирования синонимических лексем в предложении – это иссле-

дование живых процессов в языке, специфики актуализации значения лексем, которое позволяет проследить индивидуальные авторские словоупотребления и обнаружить приращение смыслов в содержании той или иной языковой единицы.

При выделении глаголов в синонимический ряд используются как компонентный анализ, так и приемы дистрибутивно-статистического метода. С помощью этих методов устанавливается степень синонимичности слов в пределах одной парадигмы, а также тождественные и дифференциальные семы в значениях глаголов при их сравнении с идентификатором.

Например, глаголы злости представлены 21 глагольной единицей и фразеосочетаниями, которые образуют отдельную подгруппу в составе ЛСГ глаголов эмоции. Все они обозначают возбужденное негативно настроенное переживание неприятного чувства, вызванного различными причинами. Эти глаголы объединены общим инвариантным значением «испытывать, проявлять чувство гнева, неудовлетворения», выразителем которого является многозначный глагол **тарын** «нервничать, сердиться, возмущаться, раздражаться, злиться, гневаться, обижаться». В рамках данной подгруппы отношения тождества между глаголами и фразеосочетаниями представлены четырьмя синонимическими рядами: 1) синонимический ряд глаголов с общим значением «испытывать чувство злости, негодования»; 2) синонимический ряд глаголов с общим значением «проявлять чувство гнева, злости, негодования»; 3) синонимический ряд глаголов с общим значением «внутренне переживать чувство злости, обиды»; 4) синонимический ряд фразеосочетаний с общим значением «злиться». За общностью инвариантного значения глаголов злости стоят дифференциальные признаки в семантике каждого глагола.

Контекстуальные синонимы, также их называют речевыми, – это слова, которые приобретают одинаковое значение в условиях определенного контекста. Обычно такие синонимы нетождественны и не имеют общих сем в языке. Для их сближения достаточно понятийной соотнесённости, то есть ими могут становиться слова, вызывающие в сознании говорящего или пишущего определённые ассоциации. Абсолютно разные понятия могут вступать в синонимические отношения, означать одно и то же и свободно заменять друг друга в определённом контексте, но только в его пределах. В словарях они не фиксируются. В ЛСГ глаголов эмоции таких синонимов обнаружено нами не так уж много. Например, глагольно-именное сочетание **тіс хычырат** (букв. «скрипеть зубами»), на наш взгляд, еще не закрепился в языке как фразеологизм, однако мы встречаем его употребление в контексте в значении «злиться, озлобляться»:

Амыр даа кізілер, оларны көріп, тістерін хычыратханнар – Даже спокойные люди озлоблялись, глядя на них. В данном случае сочетание **тіс хычырат** может синонимизироваться и взаимозаменяться с глаголом **тарын** «нервничать, сердиться, возмущаться, раздражаться, злиться, гневаться, обижаться».

Глагольно-именное сочетание **харахха кір** (букв. «входит в глаза»), также не будучи устоявшимся фразеосочетанием, является индивидуальным, контекстуальным употреблением в значении «нравиться» в предложении *Синің хызың минің оолгыма харахха кірче, пирерзің ме?* (Хп, 47) – Твоя дочь нравится моему сыну, отдашь ли ее? Здесь сочетание **харахха кір** является контекстуальным синонимом фразеосочетания со значением «нравиться» – **көңніне кір**.

Даниярның төреен аалынзар айланганына чоо чөпсінгем (Д, 15) – Я был сильно удовлетворен возвращением Данияра в родную деревню = *Даниярның төреен аалынзар айланганына чоо өрінгем* – Я был очень рад возвращению Данияра в родную деревню. В данном предложении функциональным эквивалентом глаголу **чөпсін** 1) «быть удовлетворенным, удовлетворяться, удовольствоваться чем-л.; остаться довольным»; 2) чаще употр. в отриц. форме; чөпсінмеске «быть недовольным, неудовлетворенным») может выступить глагол **өрін** «радоваться».

Отношения функциональной эквивалентности. Под функциональной эквивалентностью обычно понимается способность слова употребляться в речи вместо других единиц лексико-семантической системы, не будучи синонимом. «Функциональными эквивалентами являются такие слова, которые способны выполнять одну и ту же функцию в рамках одного и того же или одних и тех же предложений» [Кузнецова, 1989, с. 123]. Помимо синонимичных отношений между лексическими единицами на основе их первичных или вторичных значений исследователи выводят категорию функциональной эквивалентности между лексемами. «В семантических оппозициях глаголов одной группы заложены потенциальные возможности их нейтрализации при употреблении в контекстах, снимающих различия этих глаголов, делающих их функционально эквивалентными» [Кузнецова, Боровикова, 1989, с. 113]. Отношения функциональной эквивалентности по сути своей являются синонимическими в широком смысле или же их называют «контекстуальными», «потенциальными» синонимами. В отдельно взятом контексте может произойти нейтрализация семантических различий глаголов – членов одной ЛСГ, это могут быть родо-видовые оппозиции, например, между идентификатором и одним из членов ЛСГ, обычно периферийной ее части. Э. В. Кузнецова отмечает, что нейтрализация их семантических различий

осуществляется через посредство строго определенных контекстных позиций двумя путями:

- 1) путем возникновения дополнительного семантического признака у базового глагола, когда его обобщенное значение конкретизируется в контексте;
- 2) путем исчезновения, погашения различительного семантического признака у маркированного глагола, когда его конкретное значение обобщается благодаря отсутствию в контексте семантических оппозиций, поддерживающих данный семантический признак глагола [Кузнецова, Боровикова, 1989, с. 113].

«В семантических оппозициях глаголов одной группы заложены потенциальные возможности их нейтрализации при употреблении в контекстах, снимающих различия этих глаголов, делающих их функционально эквивалентными» [Кузнецова, Боровикова, 1989, с. 113]. Таким образом, явление функциональной эквивалентности представляет собой более широкое понимание синонимии, ориентированное на функционирование в предложении слова – синтагмы. В отдельно взятом контексте может произойти нейтрализация семантических различий глаголов – членов одной ЛСГ, когда при замене одних слов другими не меняется смысл предложения. В основе данной нейтрализации в качестве инвариантной семы лежит категория общего функционирования. Например, для глагола **чохсын** «1) чувствовать, ощущать, замечать отсутствие кого-л., чего-л.; **паламны чохсынчам** чувствовать отсутствие своего ребенка; 2) чувствовать потерю кого-л., чего-л.; тужить о потере, тосковать о ком-л., о чем-л.; характерно наличие вторичного значения «тосковать о ком-л., о чем-л.». В хакасском языке нет отдельного глагола, репрезентирующего значение «скучать, тосковать». Однако в контекстах это значение вполне могут реализовать (и взаимозаменять) глаголы **чохсын** и **сагын** в своих вторичных ЛСВ «скучать, тосковать». Например, *Арокка паза Хыспинчаа удаа сагынадырбын, олар минің харындастарым нога* (Тко, 21) – Я часто скучаю по Ароку и Хыспинче, они же мои братья. *Мин айланганча, алган чахсым, чахсы чуртап чөрчет, магаа сагынма* (Хчк, 20) – До моего возвращения, моя суженая, живи хорошо, не скучай по мне. *Ол чиріме хайда-хайдар сагын парчам теен* (Хч, 4) – Он сказал, мол, сильно скучает по своей родине.

Как мы уже говорили, в структуре ЛСГ глаголов эмоции в хакасском языке нет идентификатора – выразителя общей категориально-лексической семы глаголов эмоции как в русском языке – глагол *чувствовать*. Однако отношения функциональной эквивалентности наблюдаются в родо-видовых привативных связях между доминантой семантической

подгруппы и одним из ее членов (например, **хытхыр** «смеяться» – **кідіре** «смеяться раскатисто, гоготать»; **ылға** «плакать» – **сүркүңне** «всхлипывать») или же между глаголами – представителями разных подгрупп (**хыргыстан** «1. раздражаться; 2. злиться», и **пу харахтаң көрбе** «ненавидеть»).

К отношениям функциональной эквивалентности больше всего подвержены глаголы с нейтральным, малосодержательным значением. При анализе их семантических структур обнаруживается сходство, проявляющейся в однотипности вторичных значений глаголов. «Более содержательные глаголы со специализированными значениями, как правило, оказываются вне этих отношений, они однозначны и незаменимы. Имеет значение также и то, каков характер действия, выраженного в основном значении глагола. Более широкие связи с другими глаголами по линии функциональной эквивалентности (и большую способность к многозначности) имеют те глаголы, которые обозначают конкретно-физические действия. Возможности же глаголов, передающих действия обобщенно-социального характера, в этом плане гораздо ограниченнее [Боровикова, Кузнецова, 1982, с. 58].

Антонимические отношения. Общепринятая трактовка антонимов гласит: антонимы – это слова одной части речи, различные по звучанию, имеющие прямо противоположные значения. Более подробное определение дает Д. Н. Шмелев: **антонимы** – семантически соотносительные слова, противопоставленные «по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку» [Шмелев, 1977, с. 202]. В рамках ЛСГ глаголов эмоции в антонимических отношениях находятся глаголы, выражающие противоположность эмоциональных действий и состояний. Например, антонимами являются как отдельные лексемы (**örin** «радоваться» – **пичеллен** «печалиться», **махта** «хвалить» – **хырыс** «ругать» и др.), так и отдельно взятые семантические подгруппы (глаголы смеха – глаголы плача, глаголы радости – глаголы печали и др.).

Следует также отметить, что антонимы обладают общей категориальной семьей, объединяющей эти слова, и специфическими семемами, которые противопоставляют их друг другу. Например, глаголы **хатхыр** «смеяться» – **ылға** «плакать» объединены общей семьей «проявлять какие-л. эмоции», но противопоставлены друг другу свойственными для каждого семемами: «положительные эмоции» и «отрицательные эмоции».

В лексикологии принято рассматривать антонимию как крайние противопоставленности слов по содержанию, а синонимию – как взаимозаменяемости единиц. Если для синонимических отношений характерно

семантическое сходство, то для антонимических – семантическое различие.

Многозначность. Одним из основных типов связей между словами является многозначность (или полисемия) – специфическое для лексико-семантического уровня проявление вариантности языковых единиц. Многозначность является результатом того, что язык – система ограниченная, не столь широкая, как окружающая человека реальная действительность. «Естественное функционирование языка постоянно приводит к сдвигам простого соотношения «один к одному» и порождает иное соотношение – «один к более, чем одному», одно фонетическое слово в отношении ко многим предметам и значениям, т. е. многозначность слова» [Степанов, 1975, с. 20].

Глагольная многозначность, как одна из самых распространенных явлений в лексической системе, всегда привлекала внимание исследователей. В тюркских языках данной тематике посвящены исследования Б. И. Татаринцева [1987], Д. М. Гаптелганиевой [1999], О. Ю. Кокошниковой [2004], Е. П. Матвеевой [2007, 2008], И. В. Аммосовой [2011] и др.

В хакасском языке иерархическая система полисемантического глагола изучена недостаточно. Наиболее полное освещение некоторое количество многозначных глаголов получает в работе О. Ю. Кокошниковой [Кокошникова, 2004], где проводится сопоставительный анализ их семантических структур, выделяются различные типы их значений, устанавливаются связи и отношения между отдельными значениями. Толкование семантики многозначных глаголов со значением эмоции и ментальных глаголов с опорой на их синтагматические связи в контекстах проводится также в статьях М. Д. Чертыковой [см. библиографический список: Чертыкова, 2013, 2014]. В имеющихся словарях хакасского языка лексический материал представлен без опоры на семный состав, поэтому авторы самостоятельно выявляют и определяют все возможные оттенки значений глаголов исходя из их контекстного употребления.

Как известно, слова бывают однозначными и многозначными. Однозначные слова имеют только одно значение, обозначают только один предмет, явление, признак или действительность. Из числа глаголов эмоции можно привести в пример **пу харахнаң кӱрбеске** «ненавидеть» (букв. «этими глазами не видеть»), **ӱкерсін** «любоваться» и др. Обычно такие глаголы в ЛСГ глаголов эмоции входят в ряд одиночных.

Многозначность слова возникает в процессе исторического развития языка, когда слово вследствие семантических переносов, наряду с обозначением одного предмета или явления объективной действительности, начинает использоваться для обозначения другого, сходного с ним по

некоторым признакам или свойствам. Причины возникновения многозначных слов находим в объяснениях известных ученых. «Многозначность слов возникает вследствие того, что язык представляет систему, ограниченную по сравнению с бесконечным многообразием реальной действительности. Количество отраженных в нашем сознании моментов действительности и количество понятий оказывается большим, чем количество самостоятельных языковых единиц для их отображения средствами языка. Следует отметить и то, что количество звуковых комбинаций, которые может воспроизвести речевой аппарат человека, также ограничено» [Смирницкий, 1998, с. 156].

В. В. Виноградов пишет: «Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей» [Виноградов, 1947, с. 15].

Многозначное слово имеет несколько значений первичных и вторичных, за счет которых оно представляет собой целую микросистему, в которой лексико-семантические варианты (ЛСВ) значения взаимосвязаны и взаимообусловлены. Каждый ЛСВ слова обозначает отдельное понятие, может входить в разные типы значений, в отдельную антонимическую пару, может синонимизироваться с другими словами, иметь различную лексическую сочетаемость и различные словообразовательные возможности. «Лексико-семантический вариант является двусторонним языковым знаком, занимающим промежуточное положение между словом в языке и словом в речи, 1) вычленимым на пути реализации многозначного слова в речи и состоящим из форматива и фрагмента единого смыслового содержания данного слова, и 2) словоупотребления которого создают его лексическое значение, принимающего наряду с формой лексико-семантического варианта участие в формировании многозначного слова» [Яковлюк, 2009, с. 162].

Развитию экспрессивных оттенков в семантике слова способствует его метафоризация. Метафора является одним из основных средств, с помощью которых создается образность, экспрессивность, оценочность и на основании чего выявляется индивидуально-оценочное отношение субъекта к предмету мысли. Так стилистически нейтральные слова, употребленные как метафоры, получают яркую экспрессию: **орла** «1) реветь (о животных), орать (о людях); 2) громко плакать»; **уфза** «1) мять, ком-

кать; 2) бить кого-л.» и т. д. Часто многозначные слова в своем прямом значении являются стилистически нейтральными, однако в переносном наделяются яркой эмоциональностью.

Как известно, многозначный глагол представляет собой сложную структурную систему, внутри которой его различные ЛСВ соединяются или противопоставляются дифференциальными оттенками. Семантическая структура слова – это совокупность ЛСВ в его значении. «Определить семантическую структуру слова означает, прежде всего, выявить порядок внутреннего сцепления и соподчинения неоднородных смысловых элементов в слове, определить тот дифференциальный признак, по которому один ЛСВ противопоставляется другому, установить какими языковыми средствами осуществляется внутрисловное разграничение семантики слова, а также место и роль каждого значения во всей лексико-семантической системе языка» [Саналова, 2007, с. 36]. При выявлении ЛСВ и дифференциальных оттенков семантики глагола значительную роль играет контекст. Тот или иной ЛСВ глагола определяется в условиях реализации в тексте, тем самым распознаются дифференциальные синтагматические семы – обязательные и факультативные позиции актантов. Реализация разных ЛСВ одного глагола, связанных типовыми дифференциальными признаками, позволяет также выделить их типовую сочетаемость, т. е. дать определенную характеристику тех позиций, которые чаще всего представлены в контексте. Тот факт, что между семантикой глагола и его сочетаемостью существует двусторонняя взаимозависимость (т. е. сочетаемостные возможности глагола зависят от его семной структуры), в последние десятилетия сближает интересы лексикологов и синтаксистов.

О. Ю. Кокосникова в структуре хакасских многозначных глаголов выделяет следующие типы значений:

1. *Основное значение*, которое с точки зрения связи с действительностью определяется как номинативное, прямое, а по связанности с контекстом – как свободное. Согласно общепринятой точке зрения, основное (главное) значение слова минимально зависит от контекста, реализуется без существенных ограничений, является номинативным для данного периода развития языка и служит основным источником появления производных значений [Бытева, 1982, с. 70].
2. *Производно-номинативное значение*, которое характеризуется как образованное от основного, по принципу сужения или расширения семантики. Сужение значения глагола связано с развитием семантики от общего к частному, а расширение значения – по направлению от частного к общему. Такое отношение значений в структуре многозначного слова рассматриваются как родо-видовые или видо-родовые

отношения. Расширение значения определяется как расширение объема обозначаемого понятия. В данном случае совершающееся действие распространяется с одного определенного круга действия на более широкий круг действия.

3. *Переносное значение* (метафорическое) образовано от первичного на основе ассоциативных связей. Переносное значение противопоставляется прямым производно-номинативным значениям по способу номинации и по функции. Развитие переносного значения происходит на основании переноса, сходства, общности наименования действия или явления. Переносное значение – это значение, которое образуется в результате переосмысления прямого значения при сохранении внутренней формы, оно несет образный подтекст и обладает коннотативными признаками [Афанасьева, 1996, с. 6].

Переносные значения по семантике можно разделить на *экспрессивно-нейтральные* и *экспрессивно окрашенные*. Экспрессивно-нейтральные значения употребляются в контекстах, констатирующих некоторый факт либо сообщающих о каком-нибудь событии, но при этом не передается отношение к данному факту, событию. Экспрессивно-окрашенные значения тяготеют к экспрессивным контекстам, насыщенным эмоциями [Шмелев, 1973, с. 225; Лукьянова, 1986, с. 29]. Эмоционально окрашенные переносные значения чаще всего выражают субъективное отношение к действию, характеру проявления действия с той или иной эмоцией. В основном такие переносные значения принадлежат разговорной речи.

4. *Образно характеризующее значение* формируется на базе основного значения, но отличается от него образностью выражаемого таким способом представления об объекте, действии или состоянии.

В таких значениях образный компонент выдвигается на первый план, отгесняя другие компоненты, как денотативный, который просто уходит, так связанные с ним коннотации. Когда эти значения актуализируются в речи, их образный компонент выдвигается на первый план.

5. *Фразеологически связанное значение* вне контекста не определяется, реализуется в сочетании только с определенными словами. Многие значения многозначных глаголов в хакасском языке могут проявляться лишь в сочетании со строго определенными словами, то есть в узкой сфере семантических отношений [Кокошникова, 2004, с. 24–26].

На примере одного глагола рассмотрим, как его разные значения могут варьировать в зависимости от реализации в тех или иных контекстах. Глагол **хомзын** обозначает грусть, печаль с оттенком размышления и

обычно имеет длительный характер эмоционального переживания. В семантике данного глагола мы выделили следующие ЛСВ:

ЛСВ1 «печалиться, грустить». *Пулуттыг кўн ноо осхассың? Хомзынчазың син нога?* – Почему ты (выглядишь) как пасмурный день? Почему грустишь ты?

ЛСВ2 «переживать». *Че, чазыл табырах. Хомзынма, таңда килербінөк* (Хт, 52) – Ну, поправляйся быстрее. Не переживай, завтра приду снова.

ЛСВ3 «жалеть». *Хоосчы полбааныма хомзынчам* (Хч, 97, 1, 3) – Я жалею, что не стал художником. Объектом сожаления при глаголе **хомзын** обычно является жизненно важный факт (например, несбывшаяся мечта, неудавшаяся жизнь, впустую растраченное время и т. п.).

ЛСВ4 «огорчаться». *Пір ле ниме аны хомзындырчаң: позының көгілбей түстерін чоохтачаң, аны исчең харындас-туңмазы чох полған* (Т, 30) – Только одно его огорчало: у него не было братьев и сестер, которым он мог бы рассказывать свои голубые сны.

ЛСВ5 «обижаться». *Хомзынмаңар, мин срерниң адыңарны алчаа-стапчам* – Не обижайтесь, я не помню ваше имя.

В семантической структуре хакасских глаголов эмоции мы отмечаем три типа проявления многозначности:

а) глаголы, обозначающие эмоцию во всех своих ЛСВ. Как было сказано выше, такие глаголы представляют ядро исследуемой ЛСГ, и они составляют значительную часть всего лексического объема группы. Примеры, **айа** «1) жалеть, чувствовать жалость, сострадание к кому-л.; 2) жалеть, чувствовать расположение, любовь, симпатию; 3) щадить; 4) сожалеть по поводу чего-л.; 5) скупиться, неохотно расходовать; 6) сочувствовать; 7) беречь»; **тарын** «1) нервничать; 2) сердиться; 3) обижаться» и др.

б) глаголы, обозначающие эмоцию в первичных ЛСВ. К данному типу относится только один глагол – **пыросын** «1) «чувствовать свою вину; 2) «извиняться».

в) глаголы, обозначающие эмоцию во вторичных ЛСВ, например, **марла** «1) реветь (о животных); 2) *разг.* реветь; громко плакать (о людях)», **орла** «реветь (о животных); *разг.* орать, громко плакать (о людях)»; **чары** «1) светить, светиться; 2) *прям.* и *перен.* (о детенышах некоторых животных) прозреть; 3) *перен.* светлеть, просветлеть; радоваться»; **ырсай** «*разг., груб.* 1) выступать, выдаваться, торчать (напр. о верхних зубах, о нитках при шитье); 2) оскаливать, скалить (*зубы*); 3) улыбаться, оскаливая зубы; оскалиться»; **кўл** «1) насмехаться; 2) улыбаться»; **сис** «1) надуваться, пухнуть; 2) *перен.* дуться, сердиться»; **эре** «1) закаты-

ваться (смехом, кашлем, слезами); 2) хохотать, смеяться» и др. Как видим, эту группу составляют глаголы с ярко выраженной эмоционально-стилистической окраской.

Нужно отметить, что многозначные глаголы с семантикой эмоции обычно не выходят за пределы обозначения эмоции.

Таким образом, глаголы эмоции представляют собой системно-организованную группировку, имеющую некоторую совокупность взаимоотношений и несущую информацию о реальной действительности. Члены ее связаны между собой родо-видовыми отношениями, а также отношениями синонимии, антонимии, полисемии, функциональной эквивалентности. Однако в данном исследовании лишь обозначены вопросы о взаимосвязанности глаголов в сфере одной ЛСГ. В дальнейшем необходимо более детальное изучение каждого из видов семантических связей глагольной лексики в пределах одной ЛСГ.

1.3. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЭМОЦИИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение семантических оппозиций (противопоставлений) является одним из аспектов изучения внутренней структуры и закономерностей семантических процессов на различных уровнях значения глагольных единиц. Термин «оппозиция» мы понимаем как противопоставленные взаимоотношения любых двух языковых явлений. Вместе с тем, лексические единицы, входящие в оппозицию, должны содержать в своем значении помимо общих признаков и отличительные признаки, которые являются основаниями для сравнения. Л. А. Новиков использует термин «оппозиции значений» применительно к явлениям антонимии как синоним термина «противоположность» [Новиков, 2001, с. 126]. Ю. Н. Караулов выделяет четыре типа таких оппозиций: нулевую оппозицию (отношения тождества), привативную оппозицию (отношения строгого включения), эквиполентную оппозицию (отношения пересечения множеств), дизъюнктивную оппозицию (отношения при отсутствии у множеств общих элементов) [Караулов, 1976, с. 106]. Из перечисленных словесных семантических оппозиций наиболее важными для ЛСГ являются привативные, они конструируют структуру группы и придают ей иерархический характер [Попова, Стернин, 1984, с. 62], «так как все элементы группы – слова – привативно связаны с базовыми, опорными словами» [Кузнецова, 1982, с. 76].

В ЛСГ глаголов эмоции мы выделяем семантические оппозиции глаголов по следующим критериям:

1) продолжительность испытываемых субъектом эмоциональных переживаний. В семантике некоторых глаголов заложена сема продолжительности переживаемых чувств. Мы говорим чувств, поскольку термины «чувство» и «эмоция» неравнозначны и различаются именно по продолжительности испытываемых эмоций. В подгруппе глаголов со значением любви и доброжелательного отношения сему продолжительности испытываемого чувства имплицитно в своем значении следующие глаголы: **хын** «любить», **кӱӱлен** «1) любить кого-л.; 2) испытывать чувство влюбленности к лицу противоположного пола»; **кӱӱне кӱр** «(букв. входить в душу), нравиться»; **чӱрекке чат** «(букв. ложиться на сердце), нравиться»; **паарса** «1) относиться доброжелательно к кому-л.; 2) относиться хорошо кому-л.; 3) проявлять хорошее расположение; 4) относиться к кому-л. с вниманием; 5) относиться с нежностью, лаской».

Глаголы **айа** «1) жалеть, чувствовать жалость, сострадание к кому-л.; 2) жалеть, чувствовать расположение, любовь, симпатию; 3) щадить; 4) сожалеть по поводу чего-л.; 5) скупиться, неохотно расходовать; 6) сочувствовать; 7) беречь»; **ачын** «1) жалеть; 2) щадить; 3) испытывать нежные сердечные чувства»; **иркеле** «1) ласкать; 2) нежить; 3) баловать» характеризуются кратковременностью эмоционального действия.

В зависимости от контекста в одном глаголе данные семы продолжительности или кратковременности действия могут быть принесены морфологическими способами. Например, глагол **уйат** «стыдиться» в разных контекстах имеет различные грамматические значения. *Че хакас полчатханынаң, нос тӱлӱнең уйатчатхан кӱзӱлерге сӱстерӱм читпес* (Хч, 8) – Но у меня не хватает слов для тех, кто стесняется своей национальности и своего языка. *Ол поэзының сағыстарына саңай уйат парыбысхан* (Хч, 4) – Он сильно застенялся из-за своих мыслей. В первом случае в глаголе *уйатчатхан*, представленном в форме причастия, длительность действия маркирован аффиксом **-чатхан**. Во втором предложении глагол *уйат парыбысхан* выражает кратковременность, мгновенность действия, что обусловлено значением вспомогательного глагола **пар** и аффикса совершенного вида **-ыбыс-**.

2) соотносительность с объектом эмоционального переживания. По данному принципу глаголы со значением эмоции делятся на «направленные на объект» и «ненаправленные на объект» или интенциональные и безынтенциональные. Также существует третья группа глаголов, занимающие промежуточное положение, их большинство. Однако, сразу оговоримся, что круг глаголов, относящихся ко второй группе невелик, например, **мӱӱссӱре** «унывать, быть грустным», **изӱ чоhtан** «1) чувствовать себя плохо, не по себе; 2) расстраиваться; 3) недомогать; 4) не давать покоя», **ирселен** в ЛСВ «испытывать жизненные неудобства, невзгоды, ли-

шения» и др. В семантике этих глаголов доминирует сема внутреннего психо-физиологического состояния субъекта.

Как известно, в синтаксическом окружении глаголов со значением эмоции объектная позиция обязательна. Имена или зависимые придаточные предложения с семантикой причины или каузатора эмоционального переживания в конструкциях присутствуют в различных формальных выражениях: при помощи связки **тiп**, в форме дат. п., при помощи послелога **ўчўн** и т. д. Если целью высказывания является обозначить сам процесс эмоционального переживания, характер его протекания или же состояние субъекта, то глагол может обойтись без указания на объект. *Магаа ол кўлiнмеен дее, миннең чоохтаспаан даа* (Д, 36) – Он мне даже и не улыбнулся и не разговаривал со мной. *Рабият Икеновна сўўледе ылгабысхан* (Хт, 38) – Рабият Икеновна заплакала навзрыд. *Пiрее ниме кирек полза, син сур тур, уйатпа* (Стож, 187) – Если что нужно, ты спрашивай, не стесняйся. В таких предложениях акцентируется внимание, прежде всего, на настроении субъекта, а также на обозначении действия эмоции. Как отмечает С. Е. Мельникова, существование безынтенциональных и промежуточных групп глаголов чувств обусловлено тем, что к эмоциональной жизни человека относятся не только чувства, но и настроения, аффекты, которые представляют собой эмоциональное самочувствие человека, ненаправленные специально на какой-то определенный объект [Мельникова, 1969, с. 64].

Рассмотренные здесь семантические оппозиции в семантике хакасских глаголов эмоции являются наиболее устойчивыми, в меньшей мере зависимыми от грамматических процессов.

ГЛАВА II. СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЛСГ ГЛАГОЛОВ ЭМОЦИИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

В тюркских языках Н. К. Дмитриев впервые составил семантическую классификацию глагольной лексики, выделив наиболее употребительные корневые и синтетические глаголы юго-западной группы тюркских языков по семантическим разрядам: глаголы речи, глаголы мышления, глаголы движения, глаголы действия [Дмитриев, 1952]. В дальнейшем вопросами классификации глаголов занимались: в турецком языке – В. Ф. Вещилова [1962], в тюркских языках – А. А. Юлдашев [1961], в азербайджанском и туркменском языках – Г. К. Кулиев [1968], в азербайджанском языке – А. Рзаев [1970], в башкирском языке – Ю. В. Псянчин [1990], М. Г. Усманова [2002] и др. Все семантические классификации несут общий характер, и принципы выделения подгрупп опираются в основном на категории понятия и действия / деятельности.

Работа А. А. Юлдашева «Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*) в тюркских языках» является первым опытом классификации глаголов эмоции и восприятия в тюркских языках. Основываясь на структурно-морфологических свойствах данных глаголов, автор выделяет две большие группы: 1) глаголы, выделяемые только по указанным общим для всех них признакам, 2) глаголы, требующие особого построения [Юлдашев, 1961, с. 296]. В первую группу относятся «небольшое число корневых глаголов типа тат. **сизү** «чувствовать», **күрү** «видеть», **ишетү** «слышать», **теләү** «хотеть», **сызлау** «ныть» и единичные сложные глагольные лексемы типа казах. **таң калу** «восхищаться», тат. **гашик буллу** «влюбиться» [Юлдашев, 1961, с. 296]. Во вторую группу А. А. Юлдашев относит сложные лексемы, представляющие собой «сочетание именной и глагольной основы, которые базируются на грамматических признаках предикативного словосочетания. Эти образования с данной точки зрения представляют собой законченное предложение, в котором подлежащим является первый компонент сочетания, сказуемым – второй компонент» [Юлдашев, 1961, с. 306]. Далее автор рассматривает грамматические возможности в основном устойчивых сочетаний и фразеосочетаний типа хакасских аналогов тюркских языков: **уйгу кил** «хотеть спать», **пас айлан** «голова кружится», **түске кір** «сниться» и т. д. Следу-

ет отметить, что автор под термином «чувственное восприятие» объединил глаголы не только эмоции, но и восприятия.

Поскольку ЛСГ глаголов эмоции в тюркских языках еще не были предметом системного исследования, то вопросы семантической классификации также пока не затрагивались. При составлении семантической классификации глаголов эмоции мы опирались на исследования данной тематики в русском и других языках.

При классификации глагольной лексики русского языка в семантическом аспекте Л. М. Васильев предлагает три принципа: 1) денотативный (или тематический), 2) парадигматический и 3) синтагматический [Васильев, 1981, с. 39]. Денотативный подход в основном строится на интуиции исследователя, на его естественное чутье в выделении предметов, признаков, свойств, действий, процессов, событий и состояний, отраженное в структуре языка. Парадигматические классификации лексики осуществляются путем анализа семантической структуры слова, выделения тождественных и дифференциальных компонентов в его значении. Синтагматический подход предусматривает однотипную обобщенную сочетаемость глаголов в зависимости от общности их семантики. «Чем более расчленена система семантических валентностей, тем обобщеннее могут быть семантические типы предикатов, и наоборот: чем конкретнее типы семантических предикатов, тем обобщеннее могут быть семантические валентности» [Васильев, 1981, с. 41]. Некоторые исследователи, например, Т. П. Болотина, на первой ступени классификации все исследуемые глаголы эмоции распределяют по трем основным группам: глаголы эмоционального состояния (настроения), глаголы эмоционального переживания и глаголы эмоционального отношения [Болотина, 2012, с. 22].

Л. М. Васильев в своей работе «Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи» [1971] выделяет десять семантических классов русских глаголов, которые представляют по своей структуре весьма сложное поле психической деятельности человека: глаголы ощущения; глаголы желания; глаголы восприятия; глаголы внимания; глаголы эмоционального состояния; глаголы эмоционального переживания; глаголы эмоционального отношения; глаголы мышления; глаголы знания; глаголы памяти.

Первые семь классов связаны с областью чувств в широком их понимании, а три последних класса – с областью мысли, мышления. Глаголы ощущения представляют собой отражение в сознании биологически обусловленных сигналов о внутреннем состоянии организма. При классификации глагольной лексики Л. М. Васильев использовал, как мы уже говорили, три принципа: денотативный (или тематический), парадигма-

тический и синтагматический. При этом денотативный принцип используется, главным образом, при делении глаголов на семантические классы и подклассы. Последующее членение этих классов и подклассов производится на основе синтагматического и парадигматического принципов.

Семантически все классы по Л. М. Васильеву подразделяются на целый ряд групп и подгрупп. В данные группы и подгруппы входят глаголы с каузативным значением. Так, к классу глагольных предикатов ощущения относятся глаголы с общим значением «испытывать какое-либо ощущение». Глаголы желания близки к глаголам ощущения, но, с другой стороны – и к глаголам волевой деятельности, так как желание – осознанное ощущение какой-либо внутренней потребности организма, связанное со стремлением удовлетворить его, а стремление – это акт воли. Глаголы желания сближаются с глаголами чувства, обозначают различные привязанности и склонности человека. Они имеют общее значение – «ощущать потребность в чем-либо, желать что-либо».

Глаголы восприятия, в отличие от глаголов ощущения и желания, обозначают состояния как результат отражения сознанием человека внешней среды, свойств, предметов внешнего мира. Одни из них указывают на восприятие вообще, другие – лишь на восприятия, осуществляемые с помощью определенных органов чувств. Глаголы восприятия имеют общее значение «воспринимать кого-что-либо тем или иным способом: посредством органов чувств, мыслью или интуицией». К указанным глаголам относятся глаголы зрительного, слухового восприятия, глаголы обоняния, осязания. По мнению Л. М. Васильева, к полю чувственного восприятия тесно примыкают глаголы внимания, так как именно внимание является необходимым условием восприятия, предворяющим его посредством акта сознания. Процесс внимания обозначается тремя группами глаголов, идентифицирующихся значениями «держат в поле кого-, что-либо», «сосредоточивать внимание на ком-, чем-либо» и «побуждать кого-либо, сосредоточивать свое внимание на ком-, чем-либо». Глаголы эмоционального состояния обозначают различные состояния, при которых переживаются те или иные чувства, а также их внешнее проявление. Конкретные эмоциональные состояния (настроения) с более или менее определенными характеристическими признаками обозначаются группами глаголов с опорными словами *волноваться, радоваться, сердиться, грустить*. Глаголы эмоционального переживания близки по своей семантике и по формальным свойствам к предшествующему классу. От глаголов эмоционального состояния они отличаются лишь иным акцентом обозначения, так как в качестве главного аспекта выделяется не эмоциональное состояние, а процесс эмоционального переживания. Носителем

идентифицирующего значения всего данного класса является глагол «чувствовать» с общим значением «испытывать, переживать какое-либо чувство: чувство любви, страха и т. д.». Глаголы данного класса обозначают определенные чувства, которые в самом общем плане подразделяются на положительные (приятные) и отрицательные (неприятные). Глаголы эмоционального отношения имеют общее значение «переживать какое-либо чувство, вызванное отношением к кому-либо, чему-либо». Л. М. Васильев в этом классе выделяет также несколько групп глаголов, обозначающих конкретные переживания и состояния по отношению к кому-чему-либо [Васильев, 1971].

Как известно, исследование эмоций, как одно из проявлений антропоцентрических основ, распространяется также на области психологии и философии. Такие основные эмоции человека, как печаль, радость, страх, раздражение, гнев, называемые в психологии базовыми, проявляют активность и в языковом выражении. Обычно при составлении подгрупп в семантической классификации именно эти обозначающие базовые эмоции глаголы являются наиболее многочисленными. Основные критерии базовых эмоций К. Э. Изард определяет таким образом:

1. Базовые эмоции имеют отчетливые и специфические нервные субстраты.
2. Базовая эмоция проявляет себя при помощи выразительной и специфической конфигурации мышечных движений лица (миимики).
3. Базовая эмоция влечет за собой отчетливое и специфическое переживание, которое осознается человеком.
4. Базовые эмоции возникли в результате эволюционно-биологических процессов.
5. Базовая эмоция оказывает организующее и мотивирующее влияние на человека, служит его адаптации [Изард, 1999].

При составлении классификации ЛСГ глаголов эмоции, а именно, при выделении семантических подгрупп, мы учитывали данные критерии. Также, акцентируя внимание на качественной характеристике выражаемых эмоций, мы выделяем три разряда глаголов эмоции: 1) глаголы, выражающие положительные эмоции; 2) глаголы, выражающие отрицательные эмоции; 3) глаголы, выражающие нейтральные эмоции.

В хакасском языке наиболее многочисленными являются подгруппы глаголов с отрицательной эмотивной семантикой. Преобладание слов с отрицательным оценочным признаком исследователи отмечают и в других тюркских языках. Например, Н. Р. Ойноктинова, исследуя проявление эмоционального мира алтайцев, отмечает, что в семантике алтайских пословиц и поговорок преобладают характеристики отрицательных эмо-

ций таких, как грусть, тоска, обида. Осуждается прозорливый пессимизм, заблаговременное мысленное притягивание «негатива». «В алтайских пословицах горе персонифицируется в живое существо, всегда находящееся поблизости и внезапно появляющееся (*Jetker jeH алдынаH чыгар, / Ачу айак алдынаH чыгар* ‘Беда из-под рукава явится, / Горе из-под ноги явится’, русские определяют его как тяжесть: *Человек согнулся от горя; Горе давит*)». [Ойноткинова, 2012, с. 38].

В русской языковой картине мира также отмечается преобладание выражений отрицательных эмоций. «Психологическое объяснение причин подобной асимметрии может заключаться в том, что отрицательные стороны бытия воспринимаются человеком намного острее, чем положительные факторы, которые рассматриваются как естественные, нормальные, а потому менее эмоциональные» [Ретунская, 1987, с. 37–41]. В. Н. Телия отмечает, что мораль человеческая склонна скорее клеймить позором, нежели «возносить на небеса». Не исключено, что такому положению вещей способствовала библейская культура, ибо сказано: «Не сотвори себе кумира» [Телия, 1991, с. 60].

«Дерогативность пронизывает все слои человеческой жизни. Источником дерогативности является сам человек со всеми его недостатками характера, внешности и порождаемой им социальной действительности. Дерогативы – это слова негативной оценки, со значением пренебрежительности, презрительности, уничижительности» [Рамазанова, 2011, с. 151].

2.1. ГЛАГОЛЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

2.1.1. Глаголы со значением радости

Глаголы радости составляют одну из подгрупп в составе ЛСГ глаголов эмоции и обозначают приподнятое душевное состояние и эмоциональное переживание субъекта. Как правило, для толкования понятия «радость» используют термины «удовольствие» и «удовлетворение», часто отождествляя эти два понятия. Также между радостью и весельем находят довольно много общего, однако, очевиден тот факт, что радость может быть спокойной и тихой, в то время как веселье – нет. «Наряду с возбуждённой радостью (радостью-восторгом, ликованием), существует радость спокойная (растроганная радость, радость-умиление) и напря-

жённая радость, исполненная устремлённости (радость страстной надежды и трепетного ожидания)» [Психология эмоций..., 1984, с. 87].

Синонимический ряд глаголов радости в хакасском языке представлен основным нейтральным глаголом **өрін**, малоупотребительными глаголами **чалахайлан**, **өрчилен** и глаголом **чарыпла** в переносном значении «радоваться». Вслед за Л. В. Васильевым мы идентифицируем значение глаголов радости как «быть в приподнятом (радостном) душевном состоянии (настроении, испытывая какое-л. бодрящее чувство, удовлетворение чем-л.)» [Васильев, 1981, с. 80]. Если в русском языке процесс радости передается множеством глагольных лексем: радоваться, веселиться, ликовать, восторгаться и др., то в хакасском языке обычно это понятие покрывается семантикой только одного глагола **өрін**, который в Хакасско-русском словаре толкуется как «радоваться, веселиться, ликовать» [ХРС, 2006, с. 328].

Глаголы эмоции строят конструкции по типу: субъект, испытывающий эмоции + стимул, вызывающий эмоции или же причина, являющаяся источником эмоции + глагол эмоции. Особыми разновидностями выражения отличаются, конечно же, стимула или же причины эмоции, которые варьируются в зависимости от особенностей семантики глагола. В ходе анализа материала нами выделены следующие способы выражения причины при глаголе **өрін**:

а) прямая речь. При сочетании с прямой речью, глагол радости обычно заменяет глагол говорения. Ясное и четкое представление о прямой речи дает М. К. Милых: «это форма чужой речи, которая вводится в текст авторской ремаркой и воспроизводит высказывание (или мысль) от того лица, которому оно принадлежит, сохраняя грамматические, личные, интонационные особенности. Формами прямой речи свободно передаётся индивидуальный стиль каждого говорящего, и она производит впечатление восстановленной буквально» [Милых, 1961, с. 57]. Структура конструкций с прямой речью складывается из авторской ремарки, где указан субъект речи и полной дословной передачи его речи. – *Амды чаксы род малым полар, – өрін парир Мондай хан* – Сейчас у меня будет хорошая порода скота, – радуется (букв. «радуясь, едет») хан Мондай. *А што есть? – өрінче бич* – А что есть? – радуется бич;

б) придаточное предложение со связкой **тiп**. При глаголе радости **өрін**- придаточное предложение передает основное содержание мыслей субъекта, испытывающего чувство радости. *Ханның килни полам тiп өрін тургам* – Я радовалась, мол, буду невесткой хана. *Мин, улуг кизи, чийт хыс магаа хыныбысты тiп өрін паргам* – Я, старый человек, обрадовался, мол, молодая девушка меня полюбила;

в) распространённое имя в дат. п., которое не раскрывает, а только называет причину радости. *Прайзы өрінче чиңiske* – Все радуются победе. *Пу тонга чоо өрінчеткем* – Я так сильно радовалась этой шубе;

г) субстантивированное распространённое причастие в дат. п. дает более подробное представление о причине. В отличие от имени в вин. п., они представляют собой более развёрнутую информацию. *Хазых-амыр айланганыңа өрінчем* – Радуюсь, что ты вернулся живым и здоровым. *Айана өрінген дее полар Күрдейнің поэзының алнын алчатханына* – Айана наверно радовалась тому, что Курдей за неё заступался;

д) имя + *үчүн* «за». Так же, как и имя в дат. п., не раскрывает, а только называет то, что является причиной радости. *Синің үчүн өрінчем, па-бам* – Я радуюсь за тебя, отец. *Өрінчем чайаачы устың тогызы үчүн* – Радуюсь за работы творческого мастера;

е) субстантивированное распространённое причастие + *үчүн* «за». *Ол минің аалзар парчатханым үчүн тың өрінген* – Она сильно радовалась тому, что я поехала в деревню. *Султан минің айланганым үчүн өрінген* – Султан радовался тому, что я вернулся. На наш взгляд, в отличие от распространённого имени в дат. п. и субстантивированного распространённого причастия в дат. п., данные способы выражения причины показывают отдалённость причины радости от субъекта. Можно радоваться «за что-либо» или же «за кого-либо», если объект или же явление, представленные как причина радости, принадлежат третьему лицу, а не самому субъекту;

ж) инфинитив. В отличие от других способов выражения объектный инфинитив является наименее распространённым и характеризуется строго определённой семантикой: он обозначает действие, которое было бы желательно субъекту. Обычно он соотносится с будущим временем. *Пирее студенттер общежитие орнына анда даа чуртирга өрінерчіктер* – Некоторые студенты были бы рады жить и там, вместо общежития. *Өрінерчікпіс андаг сыйыхтарны аларга* – Мы были бы рады получать такие подарки.

з) деепричастный оборот. Причина радости, оформленная в виде деепричастного оборота, выражает действие, предшествующее процессу радости. *Кізі чобаана махалары ханып, өрінчең кізілер көп нога* – Ведь много людей, которые радуются, злорадствуя беде человека. *Ипчизи, хазых-тіріг ирін көріп, өрін парган* – Жена обрадовалась, увидев мужа живым и здоровым.

Часто наблюдается такое явление, как незамещенность позиции причины в конструкциях глагола **өрін**, которая компенсируется внешними конкретизаторами, характеризующими сам процесс радости. В таких

случаях факультативные позиции становятся актуально значимыми. Это может быть:

а) интенсивность. *Төрөөн чиримзер чиде түстим. Пабам – ичем оңныг ла өрминчелер* – Я приехал на родину. Мои родители сильно радуются. *Аттарны көр салзатар, ну чир өрминчелер* (Хч, 1996, 141, 8) – Если увидят лошадей как только не радуются;

б) время. *Угаа өринген ол, хачан Айгах учух сыххан көк тигирче* – Очень обрадовался он, когда Айгах стал лететь по синему небу.

В этих предложениях присутствуют лексические средства, выражающие интенсивность действия: *оңныг ла, ну чир, угаа*.

Также причина может в скрытом виде содержаться в конструкциях, формируемых глаголом **өрін**. Она может выявляться из актуального смысла предложения. Таким образом, причина радости обнаруживается:

а) в актуальном смысле соседней конструкции: *Сині хоных хонган тін искем. Өрінчем угаа* – Я слышал, что ты женился. Радуюсь очень; *Өрінмин зе! Чаадаң тайызы айлан килген!* – Как не радоваться! Дядя вернулся из войны!

б) в актуальном смысле второй части сложносочинённого предложения или же придаточного предложения: *Өрініңер миннең хада, мин чіт парган хойымны таап алгам* – Радуйтесь вместе со мной, я нашел свою потерянную овцу. *Эдөтке Ористі сагаа худалапчыбыс тін сөлееннерінде, ол өрине түскен* – Когда Эдоту сообщили, что ему сватают Орис, он обрадовался.

Глагол **өрін**, как доминирующий глагол радости в хакасском языке, обладает широкими возможностями сочетаемости. Он отвечает требованиям базового глагола: это малосодержательность семантики и широкая сочетаемость. Остальные же глаголы со значением радости, по сравнению с глаголом **өрін**, менее употребительны в языке и, соответственно, их семантика более специализирована и их сочетаемость ограничена.

Глагол **өрчилен** в Хакасско-русском словаре отсутствует, он образован от существительного **өрчі** «1. радость, жизнерадостность, веселье при помощи словообразовательного аффикса **-лен-**. – *Саба хармахтапчазар, палыхчылар!* – *тін өрчиленген Девяткин* (Стож, 63) – Неправильно рыбащите, рыбаки! – веселился Девяткин. В отличие от глагола **өрін**, семантика глагола **өрчилен** акцентирована на кратковременное проявление радости субъекта. Для уточнения дифференциальных сем в семантике глагола мы использовали принцип взаимозаменяемости глаголов. В конструкции глагола **өрін**, где говорится о постоянной радости, не проходит глагол **өрчилен**. Например, *Чурта, өрін чуртасха!* (Хч, 1998, 97, 4) – Живи, радуйся жизни! Нельзя сказать: *Чурта, өрчилен чуртасха*.

Глаголу **чалахайлан** в Хакасско-русском словаре дается такое толкование: «проявлять приветливость, радушие» [ХРС, 2006, с. 932]. Помимо представленного значения, глаголу **чалахайлан** также характерна сема выражения радости, о чём свидетельствуют примеры: *Вераның азағы чирге теңминчеткен. Нимее-де тың чалахайланчатхан* – Ноги Веры не касались земли, она сильно радовалась чему-то. *Мындаг кічичек нимені ал тиргеніне ле хайди чалахайланча* – Как радуется тому, что [ему] купили такую мелочь. В силу того, что в семантике глагола **чалахайлан** доминирует сема «внешнее проявление радости», он не может строить конструкции, где речь идет о радости как таковой. Например, *Ол кистінең китеп килген чыланнаң ос халганына өрінген* – Он радовался тому, что спасся от змеи, которая подкараулила его сзади. Здесь невозможна замена глагола **өрін** глаголом **чалахайлан**. Также семантически невозможно употребление глагола **чалахайлан** в первом лице, поскольку субъект сам не может видеть проявления своей радости.

Глагол **чары** в Хакасско-русском словаре представлен как 1) светить, светиться; 2) *прям.* и *перен.* (о детенышах некоторых животных) прозреть; 3) *перен.* светлеть, просветлеть; *кізі көңні чарыпча* на душе становится светлее; *сагызым чарып парчых* в голове [у меня] прояснилось [ХРС, 2006, с. 946]. Возможно, первый ЛСВ данного толкования в переносном значении служит проводником для реализации семы радости. В этом значении глагол **чары** употребляется в форме **чарыпла**: к деепричастной форме глагола присоединяется частица **ла**. *Тай ічем, мин килгенде, чарыплача* – [Моя] бабушка моему приезду очень рада (светится от радости). *Оолгы, позын аңнап апарчатханда, чарыплача* – [Его] сын, так и светится (радуется), когда его берут вместе на охоту. Глагол **чарыпла**, так же, как и глагол **чалахайлан**, обозначает внешнее проявление радости и его функционирование ограничивается ситуативным описанием процесса радости, а также этот глагол не может употребляться в первом лице.

Итак, нами выявлены 4 глагола со значением радости в хакасском языке: основной базовый глагол **өрін** и малоупотребительные глаголы **чалахайлан**, **өрчлен** и **чарыпла**. Обязательной позицией в конструкциях этих глаголов является позиция причины или стимула радости. Широкими возможностями валентности обладает наиболее частотный глагол **өрін**. В общей формуле сочетаемости данного глагола отмечаются различные способы раскрытия позиции причины радости: прямая речь, придаточное предложение со связкой **тіп**, распространенное имя в дат. п., субстантивированное распространенное причастие в дат. п., имя + **үчүн** «за», субстантивированное распространенное причастие + **үчүн** «за»,

инфинитив. Глаголы **чалахайлан**, **өрчлен** и **чарыпла** менее употребительны и их семантика дифференцирована, поэтому их реализация в тексте ограничена.

2.1.2. Глаголы со значением любви и доброжелательного отношения

Глаголы со значением любви и доброжелательного отношения представляют одну из семантических подгрупп ЛСГ глаголов эмоции в хакасском языке. Доминантой подгруппы является многозначный глагол **хын** «любить», который своим значением покрывает инвариантную семему всех глаголов доброжелательного отношения. Это единственная лексема с обозначением любви в широком смысле в хакасском языке. Говоря о глаголе **хын** «любить», нужно сделать уточнение в употреблении понятий «эмоция» и «чувство». Разграничение между этими понятиями проводят не только психологи, но и лингвисты. Например, И. В. Арнольд пишет следующее: «Эмоцией называется относительно кратковременное переживание: радость, печаль, удовольствие, гнев, удивление; а чувством – более устойчивое отношение: любовь, ненависть, уважение, презрение» [Арнольд, 1970, с. 7]. Руководствуясь изложенным пониманием терминов «эмоция» и «чувство» при семантической классификации глаголов в структуре ЛСГ, глаголы типа **хын** «любить», **көөлен** «1) любить, 2) испытывать чувство влюбленности к лицу противоположного пола», **пу харахтаң көрбе** «ненавидеть» мы относим в разряд глаголов продолжительных эмоций.

Подгруппу глаголов любви и доброжелательного отношения в ЛСГ глаголов эмоции представляют глаголы **хын** «любить», **көөлен** «1) любить, 2) испытывать чувство влюбленности к лицу противоположного пола», **көңніне кір** «нравиться», **айа** «жалеть», **ачын** «жалеть», **паарса** «хорошо относиться к кому-л.», **иркеле** «нежить».

Как уже было сказано, глагол **хын** «любить» в хакасском языке является основным глаголом любви в широком смысле. В Хакасско-русском словаре представлены следующие ЛСВ данного глагола: 1) любить, обожать; 2) нравиться; 3) *кач.* желать, хотеть чего-л. [ХРС, 2006, с. 891].

Наш материал, собранный из художественной литературы и публицистики, позволяет нам идентифицировать значение глагола **хын** «любить» таким образом:

- 1) чувствовать сердечную привязанность к какому-либо предмету, явлению. *Ол хай пірее хызычахтар чілі, чахайахтарга хынчаң нога* (Д, 89) – Она ведь любила цветы, так же, как и некоторые девочки.

- Уучам ол хоостарга чоо хынчаң (Хч, 1997, 1, 3) – [Моя] бабушка очень любила эти картины. *Ичем чиріне угаа тың хынчам* (Хч, 1997, 10, 6) – [Я] очень люблю родину [моей] матери. *Ким суг, мин хынчам сагаа* (Чч, 7) – Река Енисей, я люблю тебя. Сюда же можно отнести такие понятия, как любовь к родине, народу, природе и т. д.;
- 2) испытывать сердечную страстную нежную привязанность к лицу другого пола. *Огырлап алган хыс уламох тың хынадыр* (П, 53) – Девушка, которую скарамчили, наоборот, любит еще сильнее. *Мин Хызиркее хынчам. Пасха хыс кирек чогул магаа* (П, 20) – Я люблю Хызирке. Мне не нужна другая девушка. *Мында ораал чорген пай хызына чоо хыныбысхан окис оол* (Кх, 43) – Парень-сирота сильно влюбился в дочку богача, которая крутилась здесь;
 - 3) испытывать спокойное и непрерывное чувство привязанности к кому-либо. *Отрядта оолахха хыныбысханнар* (С, 140) – В отряде полюбили мальчика. *Сойан, синок чили, чалчы полып оксен кизи, нога агаа прай чон хынча?* (П, 33) – Сойан, человек, с детства батрачивший, как и ты, почему его все люди любят?;
 - 4) испытывать сердечное, нежное, спокойное, уверенное чувство привязанности к кому-либо (любовь и сердечная привязанность между близкими родственниками). *Семьяда агаа прайзы тың хынчаң* (По, 111) – В семье все его сильно любили;
 - 5) иметь психологическую поведенческую склонность к совершению каких-либо действий. *Икочах, спортсмен дее полбаза, оларны телевизорда корерге хынчаң* (Хо, 48) – Икочах, хоть и не был спортсменом, любил смотреть их по телевизору. *Алеша махтаттырарга, позы махтанарга хынча* (Хч, 2000, 129, 4) – Алеша любит когда его хвалят, и сам любит хвастать. *Тохчын позы идип алган тимир-тистиг узанчаң соолда хайынарга хынчаң* (Пт, 27) – Тохчын любил мастерить в сарае, наполненном всякими железяками. *От сабарга угаа тың хынчаң* (Хч, 1997, 171, 4) – Он очень любил [обычно] косить траву;
 - 6) проявлять желание к совершению какого-либо действия (хотеть). *Сирернең чагын арах танызарга хынчам* (По, 98) – [Я] хочу познакомиться с вами поближе. *Мин сагаа чахсы идерге хынчам* (П, 150) – Я хочу делать тебе добро. *Полбинчам тин чоохтаба, хынминчам тин чоохта* (Хс, 41) – Не говори, что не можешь, говори, что не хочешь. *Ншик ондайнаң чуртурга хынчазың ма, Девяткин чили?* (С, 125) – Легкую жизнь хочешь прожить, как Девяткин?

Последние два ЛСВ глагола **хын** с общей семантикой желания и намерения обычно употребляются с объектным инфинитивом и рассматриваются синтаксистами как модальные глаголы.

Синонимичным глаголу **хын** по ЛСВ «испытывать сердечную, страстную, нежную привязанность к лицу другого пола» является глагол **кӧӧлен**. В Хакасско-русском словаре дается такое определение данному глаголу: **кӧӧленерге /кӧӧлен/** 1) любить кого-л.; 2) влюбляться в девушку (парня); 3) саг. в сочет. С **улуғ**: **улуғ кӧӧленерге** важничать; см. **улуғсырхирға**. [ХРС, 2006, с. 203]. То, что значение данного глагола специфично и специализировано – любовь только к лицу противоположного пола, подтверждают и примеры:

- 1) «любить кого-л.». *Ол Олакайның очы хызына тың кӧӧленчеткен* (Кх, 19) – Он сильно любил младшую дочь Олакая. *Данияр, чоохтадах, син пірее хати кӧӧленгезің ме?* (Д, 27) – Данияр, скажи-ка, ты когда-нибудь любил?
- 2) «влюбляться в кого-л.». *Хайдағ сіліг оолдыр, кӧрбинең, кӧӧленібістім* (О, 21) – Какой красивый парень, как только увидела, сразу влюбилась. *Чүрек, кӧӧленібіссең, часхы порчодаң пасха нимес* (Мк, Тх, 22) – Как влюбишься, сердце словно весенний цветок. Значение «влюбляться» глаголу **кӧӧлен** придает прибавление к основе аффикса совершенного вида **-ыбыс-**.

В хакасском языке имеется также распространенное глагольно-именное фразеосочетание **кјүніне кір** со значением «нравиться» букв. «входить в душу». Значение данного сочетания мы дифференцируем в объектном отношении:

- 1) «ситуация». *Пазох ниме кӧңніңе кірбин тур?* (О, 24) – Что тебе опять **не нравится?** *Касым Чистобаев искен нимені, хойралдырбин, чонга читтірчеткені кӧңніме кірче* (Хч, 1996, 163, 1) – Мне нравится, как Касым Чистобаев услышанное, без прикрас, доводит до сведения народа;
- 2) «явление или чье-либо действие». *Палубаның чохсы хырылып чуулганы минің кӧңніме кірген* (О, 13) – Мне **нравилась** надраенная чистота палубы. *Олар хайди тонан салганнары кӧңніме кірбинче* (Хч, 1997, № 171, 7) – Мне **не нравится** как они одеты;
- 3) «предмет». *Сыын мӱӱстері хыстарның кӧңніне кіргеннер* (Ап, 175) – Рога марала **нравилась** девушкам. *Ласаның кип-азаа минің кӧңніме пір дее кірбеен* (Хч, 1997, 158, 8) – Одежда Ласы мне вообще не **нравилась**;
- 4) «человек». *Килнібіс кӧңнібіске кірче, піске паарсах* (Хч, 1998, 162, 6) – [Наша] невестка нам **нравится**, она к нам хорошо относится. *Пу*

чапсыстыг чүгүрүк кизи минің көңніме угаа тың кірген, аннаңар мин аны поэма нымысчы поларга чаллап алгам (Хч, 60) – Этот удивительный, быстрый человек мне очень понравился, поэтому я его нанял себе в слуги;

- 5) «лицо противоположного пола». *Ористің көңніне Илексеи чоо кїредїр* (Хч, 11) – Орису очень **нравится** Илексеи. По данной семье глагольно-именное сочетание синонимично глаголам **хын** и **көблен**.

Следующие два глагола синонимичны по общему значению «жалеть». Глагол **айырға /айа/** «1) жалеть, щадить кого-л., что-л.; 2) жалеть, беречь что-л., скупиться на что-л.» [ХРС, 2006: 41]. В ходе анализа фактического материала мы выделили следующие ЛСВ данного глагола:

- 1) «жалеть, чувствовать жалость, сострадание к кому-л.». *Чахсы пала полган ол: адайны даа «сыйт» тїбес. Мин агаа, палама чїли, айаам* (П, 159) – Он хорошим ребенком был: собаке даже «сыйт» не скажет. Я его жалел как своего ребенка. *Айаба нїске. Пїс нїзїктегї палачахтар нїмеснїс* (П, 107) – Не жалей нас. Мы не маленькие дети в люльке. *Син прайзына айапчазың. Минї, иргї фуфайкалыг үгренерге чөрчеткенде, кем айаан* (П, 145) – Ты всех жалеешь. А меня кто жалел, когда я в старой фуфайке ходил учиться?;
- 2) «жалеть, чувствовать расположение, любовь, симпатию». *Андаг кїзее күлчелер алай айапчалар* (Д, 18) – Над таким человеком или смеются, или жалеют;
- 3) «щадить». – *Сурыңар, чоохтим. Мин гут, парикмахер. Тыным айаңар, – тїп, немец тїзектени одырыбысхан* (Чх, 128) – Спрашивайте, скажу. Я хороший, парикмахер. Пощадите мою жизнь, – немец присел на колени. *Пїс синїң абаңнаң улуг нанчылар полгабыс, айа минї, өдїрбе* (Ах, 57) – Мы с твоим отцом были большие друзья, пощади меня, не убивай;
- 4) «сожалеть по поводу чего-л.». *Олар парыбысханына мин тың айаам* (ЗпШп, 99) – Я очень сожалел, что они уехали. *Мин угаа айапчам Н. Тюкпиековтың тўгєнчї туста пазылган улуг ойынны театрның сценазына чит полбаанына* (Кч, 51) – Я очень сожалею тому, что большое произведение Н. Тюкпиекова, написанное в последнее время, не дошло до сцены театра;
- 5) «скупиться, неохотно расходовать». *Ўзїнчї звено суға айабыстыр – көрїңердек, чахайахтарга ізїг* (ЗпШп, 89) – Третье звено, видимо, поскупилось на воду, смотрите-ка, цветы сохнут. В данном ЛСВ глагол **айа** чаще употребляется в отрицательной форме. *Кїчїчек палама тужым, айабин, тирчем* (Хч, 2000, 186, 3) – [Своему] маленькому ребенку [я] отдаю свое время, не жалея. *Синїң үгренїзїң үчўн нїс ічеңнең*

хада пір дее нимее айабастаныс (С, 75) – Ради твоей учебы мы с твоей мамой ничего не пожалеем;

- 6) «сочувствовать». *Даниярға айыр орнына мин угаа тың хынминыбысхам: агаа кўлчетселер, чоо өрінчеңмін* (Д, 22) – Вместо того, чтоб сочувствовать Данияру, я его сильно невзлюбил: когда над ним смеялись, я сильно радовался;
- 7) «беречь». *Рахим поэзының көгілбей кибіне хынчаң, чыып тудынчаң паза айачаң* (Птн, 34) – Рахим свое синее пальто любил, бережно носил и берег.

Глагол **ачын** в ХРС представлен как «1) жалеть, щадить кого-л., что-л.; 2) любить, души не чаять в ком-л.» [ХРС, 2006, с. 91]. Мы же выделяем следующие ЛСВ данного глагола:

- 1) «жалеть». *Пір казак піске ачын парған, чоохтаныбысхан: – Хайди идер аны, поэдыбызыңар* (Кх, 23) – Один казак нас пожалел, проговорил: – Да что с него взять, отпустите;
- 2) «щадить». *Фашист кізее ачынар ба?* (П, 109) – Поощадит ли фашист кого-нибудь? *Ачынарға сурын – поэыдарбыс* (С, 52) – Проси пощады (букв. «поощадить») – отпустим;
- 3) «испытывать нежные сердечные чувства». *Ічезі очы оолгына тың ачынтыр* (Хч, 1996, 161, 4) – Мать, видимо, в младшем сыне души не чаяла.

Глагол **паарсирға /паарса/** в Хакасско-русском словаре толкуется таким образом: 1) проявлять внимание, расположение, ласку, нежность к кому-л.; 2) ласкаться [ХРС, 2006, с. 333–334].

Мы же в результате анализа собранного материала в семантике данного глагола выделяем следующие ЛСВ:

- 1) «относиться доброжелательно к кому-л.». *Сіреп постарыңның ыырчыларыңа паарсаңар паза чаксы ит турыңар* (Чх, 24) – Вы относитесь доброжелательно к своим врагам и делайте добро;
- 2) «относиться хорошо к кому-л.». *Турадагы прай кізілер агаа паарсачаңнар, аны Мумуня тіп адачаңнар* (Птн, 79) – Все, кто были в доме, относились к нему хорошо, звали его Мумуня. *Хайдаг даа чалчы ікі пайга пір тиң нымьсчы пол полбас. Ол пір ээзіне паарсир, че пірсін хырт көрер* (Чх, 53) – Любой работник не сможет быть рабом для двоих богачей. Он к одному хозяину будет относиться хорошо, а другого будет ненавидеть;
- 3) «проявлять хорошее расположение». *Чаксы омалар ойнапчатсам, чон паарсапча* (Хч, 2000, № 165, 7) – Когда играю хорошие образы, то народ проявляет ко мне хорошее расположение. *Мына сірернің наа үгретчіңер. Паарсаңар паза чоогын истиңер* (Стаж, 13) – Вот ваш

новый учитель. Проявляйте к нему хорошее расположение и слушайте;

- 4) «относиться к кому-л. с вниманием». *Мында тогынчатхан улус улуглан парган кизилерге паарсапча* (Хч, 1996, № 163, 8) – Люди, работающие здесь, относятся с большим вниманием к пожилым людям. *Ол магаа паарсаан үчүн аны алгыстанчам* (ЗпШп, 128) – За то, что он относился ко мне внимательно, я ему благодарен;
- 5) «относиться с нежностью, лаской». *Ол угаа ачых-чарых кизи полтыр. Хызычахтары магаа угаа паарсачаң* (О, 12) – Он был доброжелательный человек, оказывается. Его дочери ко мне относились с нежностью и лаской. *Хызычагына ол ипчи паарсачаң, өйи хызычах, тизең, бир дее нименең сыыга кир полбачаң* (По, 176) – К своей дочке та женщина относилась с нежностью, только падчерица никоим образом никак не могла ей угодить.

Последнему глаголу **иркеле** в ХРС дается следующее толкование: ласкать, нежить кого-л.; баловать [ХРС, 2006, с. 133]. Результаты нашего анализа семантики данного глагола совпали со словарными:

- 1) «ласкать». *Аар мондых, пеер мондых, ичезине иркеленче* (загадка) – Туда-сюда болтаются, к матери ласкаются. *Аны чылытчаң паза иркелетчең дее кизи чох полган* (Птн, 82) – Не было даже человека, кто мог бы его согреть и обласкать;
- 2) «нежить». *Чайгы күн, улам на пөзик дөрлөп, чазы үстүн иркелепчеткен* (Чх, 34) – Летнее солнце, поднимаясь все выше, нежил поле;
- 3) «баловать». *Ол тың хыйга адай полган, прайзына иркелетчең, че чалгыс Герасимге ле паарсачаң* (Птч, 79) – Она была очень умной собакой, все ее баловали, но она любила только одного Герасима.

Таким образом, нами рассмотрены 6 глаголов (**хын** «любить», **көөлен** «любить, испытывать чувство влюбленности к лицу противоположного пола», **айа** «жалеть», **ачын** «жалеть», **паарса** «хорошо относиться к кому-л.», **иркеле** «нежить») и 1 глагольно-именное фразеосочетание (**көңнине кир** «нравиться»), составляющие подгруппу глаголов любви и доброжелательного отношения в хакасском языке. На основании анализа их семантики и функционирования в тексте выведены ЛСВ, в основном значительно шире, чем их представление в ХРС. Следует отметить, что выделенные ЛСВ этих глаголов в основном не выходят за пределы обозначения любви и доброжелательного отношения, за исключением двух переносных ЛСВ глагола **айа** «сожалеть по поводу чего-л.» и «скупиться, неохотно расходовать». А также мы показали, что все рассмотренные глаголы, кроме **көөлен** «любить, влюбляться», многозначны и их ЛСВ, представляя собой внутрисловную семантическую парадигму,

семантически связаны друг с другом и реализуются в различных типовых контекстах.

2.1.3. Глаголы со значением удовлетворения

Данная подгруппа включает два глагола, обозначающие общее понятие «получать удовольствие от желаемого». В качестве объекта, отвечающего чьим-либо требованиям, желаниям, может выступать любое явление, вещь, или же чьи-либо действия и слова.

Чөпсін «1) быть удовлетворенным, удовлетворяться, удовольствие-ваться чем-л.; остаться довольным; 2) чаще употр. в отриц. форме; чөпсінмеске быть недовольным, неудовлетворенным; 3) одобрять; чарадыгларга чөпсінерге одобрять решения» [ХРС, 2006: 997]. *Аалчы Александрның сыныхтагда пирген нандырыгларына чөпсінген* (Птч, 133) – Гость был удовлетворен ответами Александра на экзамене. *Алыглар чуртастарына хачан даа чөпсінчелер* (Ап, 185) – Дураки всегда довольны своей жизнью. *Позы поэнына чөпсінген неке* (То, 19) – Он сам собой был доволен наверно. *Мин поэымның ойынынаң хачан даа чөпсінминчем* (Ат, 40, 62) – Я никогда не бываю удовлетворенным своими ролями.

Морсын «быть довольным чем-л., удовлетворяться»; чоогына морсындым «[я] удовлетворен его речью»; аның тудынызына пир дее морсынынчам «[я] совершенно недоволен его манерой поведения; умением вести себя» [ХРС, 2006, с. 254]. Данный глагол часто используется с конкретизаторами со значением усиления процесса удовлетворения и в таких контекстах он обозначает высшую степень удовлетворения – восхищение. *Мин пістің аалдагы Терентий тайыма морсынымчам. Пот, мирген табан!* (Т, 71) – Я восхищаюсь [моим] дядей Терентием из нашей деревни. Вот он меткий молодец. *Күреске матап морсыным* (Хч, 3) – Я [сильно] восхищен борьбой.

– *Палых чирзің ме алай чох па, тимір чох ир ползаң, ипчиң дее хынмас, – тибізіп, чоогына морсынып, Тохчын ээреен* (Пт, 28) – Будешь рыбу есть или нет? Если ты будешь как мужчина без железа, то тебя даже твоя жена не полюбит, – довольный своими словами, захотел Тохчын.

2.1.4. Глаголы со значением желания

Методы выделения глаголов желания отличаются разнообразием подходов и основываются на рассмотрении особенностей их функционирования в тексте. С. Курбанова, исследуя структурно-семантические особенности глаголов желания в английском языке, выделяет их как самостоятельный класс, не привязывая ни к одной ЛСГ [Курбанова 2011, с. 106–110]. Н. В. Сердобольская единственный глагол желания в бесер-

мянском языке *medənə* «хотеть» рассматривает в составе ЛСГ глаголов эмоции [Сердобольская 2010, с. 75–84]. Л. М. Васильев исследует глаголы желания в составе поля психической деятельности как отдельный семантический класс. «Глаголы желания с одной стороны близки к глаголам ощущения, а с другой – к глаголам волевой деятельности: желание – это осознанное ощущение каких-либо внутренних потребностей организма (иногда не совсем понятных – ср. смутное желание), связанное со стремлением удовлетворить их, а стремление – это акт воли. Глаголы желания сближаются и с глаголами чувства, обозначающими различные привязанности и склонности человека (увлекаться, любить)» [Васильев, 1981, с. 49].

В хакасском языке понятие желания выражается разными способами. И. Л. Кызласова выделяет следующие способы грамматических средств выражения ситуаций желательности: а) конструкции, содержащие модальные лексемы желания; б) конструкции с формами повелительного наклонения; в) независимые предложения с формами сослагательного наклонения; г) независимые предложения с формами условного наклонения; д) конструкции с формами желательного наклонения; е) конструкции с независимым инфинитивом (инфинитивные предложения); ж) интонация [Кызласова, 2010, с. 114].

С семантической точки зрения понятие желания может обозначаться глаголами разнородных семантических категорий. Это глагольно-именные сочетания: субстантив + глагол **кил**, субстантив + глагол **тут** и глаголы **хын**, **сағын**. Все они объединены в одну семантическую подгруппу по общности категориально-лексической семы «испытывать желание». При выделении глаголов желания в хакасском языке в отдельную подгруппу для нас наиболее приемлемы методы Л. В. Васильева, и мы рассматриваем их как отдельную семантическую подгруппу (или самостоятельный класс) в составе поля психической деятельности человека, которое представляют глаголы эмоции, мышления, поведения, восприятия. При определении места глаголов желания, как отдельного семантического класса, учитываются также психологические аспекты данного понятия. Считаем, что желание больше тяготеет к эмоции, поскольку оно переживается субъектом. Это чувство, которое организует, мотивирует восприятие, мышление и деятельность. Желание также мобилизует энергию, которая может быть направлена к совершению действия.

В хакасском языке отсутствует глагол, конкретно называющий процесс желания, как, например, в русском языке глаголы «желать» и «хотеть». Е. А. Пелих семантическое поле желания на материале русского, украинского и английского языков также определяет как «состав разно-

категориальных моделей». В структуре поля автор наряду с доминантой, ядром, ближней периферией вычленяет однотипные семантические микрополя дальней периферии: «Потребность», «Эмоциональная выраженность», «Ментальная выраженность», «Актуальная выраженность [Пелих, 1987, с. 93].

В хакасском языке доминантой подгруппы желания является наиболее частотное сочетание «субстантив + глагол **кил**». В качестве субстантива, как правило, может выступать причастие в форме принадлежности и личным аффиксом, которое обозначает объект желания. Как заметил А. А. Юлдашев форма на **-ар кил** не является сложным глаголом, т. к. данная форма «может быть образована от любой глагольной основы» [Юлдашев, 1965, с. 104]. Основную функцию, придающую значение желания, в образовании данной формы выполняет глагол **кил**, а субстантив на **-ар** представляет наименование, называющее объект желания. Толкование глагола **кил** в Хакасско-русском словаре описывается таким образом: 1) прибывать, приходиться, приезжать, прилететь, приплывать; 2) приближаться, подходить, надвигаться, наступать (о времени); 3) иметь желание, намерение что-л. сделать; появляться, возникать (о *желании, чувстве, состоянии*) [ХРС, 2006, с. 162]. Следует отметить, что данный глагол является основным выразителем понятия движения «сюда», тем самым возглавляет ЛСГ глаголов движения. И как глагол желания он в сочетании с субстантивированным членом соответствует русскому «хотеть» и является базовым выразителем желания. С. Курбанова также отмечает подобный характер сочетаний в английском языке. «Инфинитив обладает двумя свойствами: субстантивным и глагольным. Глаголы со значением желания обычно употребляются с инфинитивом субстантивного характера» [Курбанова 2011, с. 110].

В хакасском языке конструкция на **-ар кил** подвергается описанию с модальной точки зрения в монографии И. Л. Кызласовой, где автор отмечает, что «в отличие от предыдущих модальных глаголов желания, **кил** в хакасском языке не имеет волевого начала и выражает желание, явившееся результатом внутреннего состояния субъекта» [Кызласова, 2010, с. 116].

Сочетание «субстантив + **кил**» в значении «хотеть» может идентифицировать объект желания:

а) «желание исполнять физиологические потребности организма». Здесь могут быть примеры типа *узырым килче* – хочу спать (букв. [мое] засыпание приходит); *чадарым килче* – хочу лежать (букв. [мое] лежание приходит); *изерим килче* – хочу пить (букв. [мое] питье приходит) и т. д.

Миниң дее азыранарым килибісті (X, 33) – И мне теперь хочется кушать. *Пірсінде аның пасха хустар нымырхазы чирі килибістір* (Кхн, 3) – Однажды ему захотелось кушать яйца других птиц.

б) «желание как психологическая зависимость». *Хайда даа чөрзе, Илексейге ле тогазары килче* (О, 11) – Где бы она ни была, все время желает встретиться с Илексеем. *Нымах ызары килзе, аалзар парып, анда нымах ысчаң полтыр* (Хч, 1997, 158, 3) – Если ему хотелось рассказывать сказки, он поехав в деревню, там рассказывал сказки [обычно]. *Тамкы тартары килибісті, че спичказы чоғыл* (Хо, 49) – Ему захотелось закурить, но спички нет.

в) «желание физически действовать». *Күскечек хараа тооза өстидір, хыңзидыр, комната ортызына сыгара чүгүр парары киледір* (П-о, 267) – Мышка всю ночь стонет [обычно], пищит [обычно], хочет [обычно] выбежать в середину комнаты. *Олганнарны көріп, миниң дее ойнырым килибіскен* – Смотря на детей, и мне тоже захотелось играть.

г) «осознанное желание проявлять себя как личность». *Марастың школада үгренері тың килче* (X, 3) – Марасу так хочется учиться в школе.

д) «желание-стремление к самосохранению». *Полыңцевтің удурлазары килген, че хачан, прай пөгін килгенде, ниме сыхпазы іле пілдірген* (Ба, 268) – Полыңцеву хотелось возражать, но, взвесив все, он понял, что из этого ничего не получится.

В качестве первого компонента в сочетании «субстантив + **кил**» может выступать любое причастие, к которому может присоединяться личный показатель, и, следовательно, данная формула наиболее привычна в хакасском языке. Объект может иметь значение движения, чувств, восприятия, мысли, эмоциональных состояний, поскольку широта сочетаемости слов зависит от малосодержательности (нейтральности) их семантики.

А. А. Юлдашев в своей статье «Глаголы чувственного восприятия (verba sentiendi) в тюркских языках» глаголы чувственного восприятия классифицирует по двум подгруппам. К первой подгруппе относятся небольшое число корневых глаголов типа «чувствовать», «слышать», «видеть» и т. д. Ко второй подгруппе относятся сложные лексемы. По свидетельству А. А. Юлдашева сочетания с **кил**, которых он называет модальными оборотами, наиболее распространены и широко употребляемы и в других тюркских языках. Например, *косасы килә* в якутском, *куску келир* в тувинском «тошнит» [Юлдашев, 1961, с. 309].

Употребление второго сочетания «субстантив + **тут**» не может быть столь же широким как у сочетания «субстантив + **кил**». Семантика первого компонента – объекта желания ограничивается обозначением лишь

некоторой (обычно) психологической деятельности человека. Морфологически он также может строиться как причастие в форме принадлежности и с личным аффиксом, например, *ылгырым тутча* – [мне] хочется плакать (букв. «[мой] плач держит»), *тогынарым тутча* – [мне] хочется работать (букв. «[моя] работоспособность держит»), также в качестве субстантива могут быть прилагательные, например, *аргаазым тутча* – [мне] не хочется работать, *салчыгым тутча* – [мне] хочется ругаться. В отличие от сочетания «субстантив + **кил**» данное сочетание чаще выражает кратковременный процесс желания. *Писке пайларга алымнар төленерге кирек, – талазары тудыбысхан Кондыр харындастың* (Пт, 107) – Нам тоже надо платить долги богачам, – захотелось спорить брату Кондыр.

Подобные сочетания, первая (объектная) часть которой принимает форму принадлежности и в соответствующей личной форме + глагол, функционируют и в других тюркских языках. А. А. Юлдашев пишет: «Получается притяжательная конструкция, в которой объект владения связывается с его субъектом, т. е. определителем, путем взаимного согласования притяжательными аффиксами и в которой вследствие этого указывается, что переживаемое состояние относится к определенному лицу, воспринимаемому с точки зрения грамматической формы не как действующее лицо, а как лицо, которому принадлежит обозначенное всей конструкции действие» [Юлдашев, 1961, с. 314].

В Хакасско-русском словаре значение глагола **тут** представлен всего 18 лексико-семантическими вариантами (далее ЛСВ), основные из которых: «1) держать кого-л., что-л.; 2) брать, хватать кого-л., что-л.; 3) ловить кого-л., что-л. (движущееся), захватывать; 4) останавливать, задерживать, удерживать кого-л., что-л.; 5) править, управлять, направлять и т. д.» ... [ХРС, 2006, с. 670–671]. Восемнадцатый ЛСВ значения глагола **тут** «в сочетании с соотв. сл. хотеть. *Чоогым тутча* [мне] хочется говорить; *ырым тутча* [мне] хочется петь; *ыым тутча* [мне] хочется плакать» [ХРС 2006: 671]. Исходя из проиллюстрированных из ХРС примеров следует, что при выражении процесса желания глагол **тут** может сочетаться не только с субстантивированным членом, но и с существительными: *чоох* – рассказ, *ыр* – песня, *ыы* – плач.

По данной же схеме построены фразеосочетания типа *хырт тут* «раздражаться; букв. раздражение держать», *хылых тут* «злиться; букв. характер держать», *идіргек тут* «раздражаться; букв. раздражение держать», которые находятся в составе ЛСГ глаголов эмоции.

Следующие два глагола переходят в подгруппу глаголов желания на основании периферийных ЛСВ в своем значении. Глагол **хын** является

доминантой подгруппы глаголов любви в ЛСГ глаголов эмоции, а глагол **сағын** является идентификатором ЛСГ глаголов мыслительной деятельности.

Значение глагола **хын** в Хакасско-русском словаре представлен таким образом: **хын** «1) любить, обожать; 2) нравиться; 3) кач. желать, хотеть чего-л. (обычно употребляется в сочетании с инфинитивной формой глагола)» [ХРС, 2006: 891]. *Өөркі худай, ноо мині харгадың, хайдаг хыйалым үчүн? Кізібк чілі чуртурга хынгам* (П, 106) – Всевышний, за что ты меня проклял, за какие мои грехи? Я же хотел жить как человек. *Чох, Орис, мин іди чуртурга хынминчам* (П, 115) – Нет, Орис, я не хочу так жить. *Пір дее кізі синнең саназарга хынминча* (П, 57) – Никто не хочет с тобой считаться. *Сині тастапчам. Чурта, хайди хынчазың* (Хт, 95, 2, 39) – [Я] бросаю тебя. Живи, как хочешь.

Глагол **сағын**, так же, как и глагол **хын**, обозначает «хотеть», но, поскольку изначально он является глаголом мышления, то желание, обозначаемое им, маркировано семей «сознательно». *Москвадагы пархамны көріп аларга тың сағынчам* (Хч, 1997, 135,3) – Очень хочу увидеть свою внучку, живущую в Москве. *Постаң оол ол полыбысхан, монах ла поларга сағынган* (Ат, 1991, 119) – Он стал юношей, хотел стать только монахом. *Син позыңның саба чолыңнаң хыя пастыраарга сағынминчазың* (Ит, 132) – Ты не хочешь сходить со своей кривой дороги. *Че хайдаг даа хыйал көрзе, ол ибiркізіне чахсы ла идерге сағынчаң* (СКТ, 25) – Хоть ему и встречались беды, но он хотел делать только хорошее окружающим.

Хакасско-русский словарь дает такое толкование глаголу **сағынарға /сағын/**: 1) думать, мыслить; 2) думать, полагать, считать; 3) думать, собираться, намереваться; 4) думать, заботиться, беспокоиться о ком-л., чем-л.; 5) тосковать, скучать по кому-л., чему-л. [ХРС, 2006, с. 427].

Объект желания при глаголах **хын** и **сағын** выражен инфинитивом. Инфинитив обозначает действие, которое желательно для субъекта.

Нами описаны лексические средства выражения процесса желания в хакасском языке. Однако в хакасском языке, как и в других тюркских языках, для выражения семантики желания действуют также и аналитические конструкции: **көңні + пар** букв. «есть желание», **көңні + тут** букв. «желание держит». Аналогичные формы семантики желания в алтайском языке **күүн бар** «желание есть», **күүн јок** «желания нет» с причастными конструкциями на **-ар**, а также другие алтайские аналитические формы эксплицитного выражения описаны А. А. Озоновой [Озонова, 2001, с. 81–87]. Распространены в хакасском языке также синтетические формы, например, аффиксы желательного наклонения **-гай/-гей**, **-хай/-кей**, **-ай/-ей** (**үгренгей** – «пусть учится», **табылгай** «пусть найдется» и т. д.).

Глаголы желания имеют обязательные синтагматические семы субъектности и объектности. Идеальная модель данных глаголов выглядит как субъект + объект + глагол.

Итак, нами рассмотрены семантические и функциональные свойства глаголов **хын** и **сагын** в ЛСВ со значением желания, а также субстантив + **кил**, субстантив + **тут**. Все они имеют вторичное значение желания и по своим основным ЛСВ состоят в разных ЛСГ. Такая закономерность построения данной подгруппы свидетельствует об открытости границ ЛСГ и взаимодействии значений разноструктурных глаголов.

2.2. ГЛАГОЛЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

2.2.1. Глаголы со значением злости

Глаголы злости обозначают возбужденное, негативно настроенное переживание неприятного чувства субъектом, вызванного различными причинами. Их объединяет общее инвариантное значение «испытывать, проявлять чувство гнева, неудовлетворения», выразителем которого является многозначный глагол **тарын** «нервничать, сердиться, возмущаться, раздражаться, злиться, гневаться, обижаться». В рамках данной подгруппы отношения тождества между глаголами представлены синонимическими рядами. Однако за общностью инвариантного значения глаголов злости стоят дифференциальные признаки в семантике каждого глагола.

Синонимические связи и отношения являются одной из основных форм проявления системности ЛСГ. Все глаголы и фразеосочетания рассматриваемой подгруппы обладают широкими возможностями взаимозаменяемости в определенных контекстных условиях. Этому в большей степени способствуют стилистическая окрашенность и характер проявления злости. В ходе анализа фактического материала нами установлено, что внутреннюю парадигматику подгруппы глаголов злости создают четыре синонимических ряда:

- 1) синонимический ряд глаголов с общим значением «испытывать чувство злости, негодования»: **тарын** «сердиться, нервничать, возмущаться, раздражаться, злиться, гневаться, обижаться», **тарых** «нервничать, сердиться, раздражаться, возмущаться, расстраиваться», **хылыхтан** «вспылить, сердиться», **тарлан** «раздражаться, нервничать, сердиться», **өкпелен** «гневаться, сердиться, горячиться, негодовать». Все эти глаголы стилистически нейтральны и на уровне подгруппы (второй ступени иерархической структуры ЛСГ) они являют-

ся базовыми, привативно связанными с доминантой подгруппы – глаголом **тарын**, т. е. глаголы данного синонимического ряда являются ядром микрогруппы глаголов со значением злости. Семантики всех глаголов исчерпываются обозначением понятия злости, за исключением глагола **тарын**, которого ЛСВ «обижаться» выводит за пределы рассматриваемой подгруппы. Примеры: *Олганнар суулашчатса, узирга тирбинчезер тiп тарынча* – Если дети шумят, злятся, мол, не даете спать. *Сынап ол кiзi орнында чох полза, тарыхпаңар паза кoңнiцернi кoзiтпеңер* – Если вдруг этого человека не будет на месте, не нервничайте и [свое] настроение не показывайте. *Хыстарның пеер килгенiне хылыхтанган ол* – Он злился тому, что Хыстар пришла сюда. *Арага iзiбiссем, хатым oкпеленче* – Если я выпью водку, моя жена злится;

- 2) Синонимический ряд глаголов с общим значением «проявлять чувство гнева, злости, негодования»: **чабаллан** «злиться, браниться», **хазырлан** «свирепеть, злиться, браниться», **адайлан** «злиться, браниться», **айналан** «злоствовать, злиться», **хазыра** «свирепеть, злиться». Все эти глаголы образованы присоединением к именам **чабал** «плохой», **хазыр** «свирепый», **адай** «собака», **айна** «черт» словообразовательного аффикса **-ла-**. Отличительной особенностью глаголов данного синонимического ряда является то, что эти глаголы по своим функциям находятся на пограничной зоне трех ЛСГ – глаголов эмоции, говорения и поведения, поскольку их семантика нейтральна к семе выражения гнева, т. е. свой гнев можно выражать словами или действиями, именно поэтому в предложении они не указывают на причину злости, как другие глаголы эмоции, а обозначают лишь внешнее выражение состояния гнева. К. Э. Изард дает такую характеристику эмоции гнева с психологической точки зрения: «Гнев мобилизует энергию человека, вселяет в него чувство уверенности и силы и повышает его способность к самозащите. Гнев создает готовность к действию. Он мобилизует силы и мужество человека» [Изард, 1999, с. 35]. Именно так можно характеризовать субъекта действия, обозначаемого этими глаголами.

Примеры: *Мылтишн хаап, Ойаңның чыхчозынзар улап, чабаллан сыххан:* – *Холың кoдiр, хасхы...* – Схватив ружье, нацелив на висок Ойна, стал браниться: – Руки вверх, бандит... *Апсах хазырланым, оларны ибiнең сыгара сiрген* – Старик, свирепея, стал выгонять их из своего дома. *Мылтых пылазарга харазым, чоо адайланча ол* – Желая забрать у нас ружье, он сильно бранится. *Арага iзiнiп алып, пазох айналанар* – Как напьется, опять начнет злоствовать. *Альфред, хазырланым, Вальтернi хар-*

бап алган, анаң парта кистіне тастабысхан – Альфред, рассвирепев, схватил Вальтера и бросил за парту.

3) синонимический ряд глаголов с общим значением «внутренне переживать чувство злости, обиды»: **пуғлан** «дуться, капризничать, привередничать, сердиться», **пултай** «дуться, сердиться, обижаться», **пурдай** «дуться, сердиться, надувать губы», **сіс** «перен. дуться, сердиться». Примеры: *Апсах, сынап чөптері тике парчатханын сизінзе, чабал пуғланыбысчаң* – Старик, если заметит, что к его советам никто не прислушивается, начинал сильно злиться. *Нимее пазох пултайыбыстың?* – Что опять надулся? – *Мин пір деє чирзер парбасын!* – *пултайыбысхан оолах* – Я никуда не пойду, – надулся мальчик. *Ам хас палазын тут полбаза, пазох сізібізер* – Если сейчас он не сможет поймать гусенка, опять надуется;

4) синонимический ряд, состоящий из фразеосочетаний с общим значением «злиться»: **тарынчағы тут** (букв. «[его] злость держит»), **хылығы тут** (букв. «[его] характер держит»), **айназы тут** (букв. «[его] черт держит»), **чабалы тут** (букв. «[его] плохое держит»), **істі тарлан** (букв. «[его] нутро теснится»), **істі чарыл** (букв. «[его] нутро разрывается»), **өкпезі түр** (букв. «[его] печень стоит»). Данные лексемы образованы путем сочетания имени в притяжательной форме и глагола. Примеры: *Арагазын сындырчатханда, айнам тут парган – көксебіскем* – Когда он заставлял пить меня [свою] водку, я разозлилась – отругала. *Минің хылығым тудыбысча, хачан олар газета асхынах пазынчалар тіп хоптаныссалар* – Меня зло берет, когда они жалуются, мол, мало людей подписываются на газету. *Пазох чабалы тудыбысты. Ізібіссе, аңа табысча* – Опять разозлился. Как только напьется, становится подобным зверю. *Инейек, айназы тудыбысса, – чіп салар* – Старушка, если разозлится, – съест.

Следует отметить, что глаголы последних двух синонимических рядов, в отличие от глаголов эмоции, в конструкциях обычно указывают не на причину эмоции, а на ситуацию, в которой субъект проявляет свою злость. Из описания ситуации становится известной причина злости. *Ўр нанмин, тудылыбыссам, пурдайыбысча* – Если я надолго задержусь и не иду домой, надуется. *Паскир, Клаша іди мунзурух чыстадарын сағыбаан, айназы тудын, аны сазыбысхан* – Паскир не ожидал, что Клаша даст ему понюхать кулак, и разозлившись, толкнул ее. Глаголы же первого синонимического ряда, как и все глаголы со значением эмоции, строят конструкции по типу: субъект, испытывающий чувство злости + причина, являющаяся источником злости + глагол. Особыми разновидностями вы-

ражения отличаются, конечно же, причина злости, которая варьируется в зависимости от особенностей семантики глагола.

2.2.2. Глаголы со значением раздражения

В подгруппу глаголов раздражения входят 11 синонимичных глаголов и глагольно-именных сочетаний с общим значением «испытывать чувство раздражения, злости». Они составляют одну из самых многочисленных подгрупп в ЛСГ глаголов эмоции. Все они являются собственно глаголами эмоции и выполняют номинативную функцию в тексте.

Глаголы со значением раздражения по своей семантике приближены к глаголам со значением злости. Например, в толковании глагола **хыртыстан** Хакасско-русского словаря 1953 года говорится: 1) злиться; 2) презирать кого-что-л.; гнушаться кем-чем-л. В Хакасско-русском словаре 2006 года дается такое толкование: проявлять ненависть, враждебность, недружелюбие, неприязнь, раздражение к кому-л. [ХРС, 2006, с. 899]. Но, в отличие от глаголов злости, обозначающих процесс злости в каких-либо обстоятельствах, ситуациях, чаще кратковременных, глаголы раздражения указывают на психическое состояние субъекта (одушевленного лица), не всегда возникающее под влиянием какой-либо причины. Или же раздражение субъекта может вызываться разными причинами, иногда оно может быть свойством характера субъекта.

Чувство раздражения может быть постоянным, как свойство характера субъекта: *Ол угаа ыдырым кизи, прай нимелерни хыртыстанып кӧрчө* (Ба, 171) – Он очень раздражительный человек. На все смотрит с раздражением. Если в контексте описывается какое-либо обстоятельство, вызывающее раздражение, то глагол обозначает злость. *Ол магаа пеер килген үчүн хылыхтанган* – Он злился на меня за то, что я пришла сюда.

Доминантой подгруппы глаголов раздражения выступает нейтральный, наиболее частотный глагол **хыртыстан** «раздражаться», образованный путем присоединения к основе **хыртыс** «раздражительный» глаголообразовательного аффикса **-та-** и аффикса возвратного залога **-н-**. Данный глагол характерен не только для хакасского языка, например, в шорском языке он представлен как **кыртыштан**. Следует отметить, что в семантике глаголов раздражения он обозначает чувство раздражения, злости, которое может протекать: а) скрытно. *Пу сӧстөр үчүн Күдет агаа хыртыстанган, аннаңар пір дее нима тапсабаан* (Птн, 36) – За эти слова Кудет на него злился, поэтому ничего не ответил; б) открыто. *Анда Федя хыртыстанчалар, хызылың тінчелер* (Ба, 306) – Там Федю недобливают, говорят, мол, ты красный.

В конструкциях глагола **хыртыстан**, как и других глаголов со значением раздражения, скрытое или явное проявление раздражения обеспечивают соответствующие конкретизаторы, выраженные как глаголами, так и наречиями. *Иб ээзі аны сыйлапча, чылыг, паарсах сөстөр агаа чоохтапча, позы, тізең, хыртыстанып одырча, сагынча, хачан пу кири сүзе халар ни* (По, 50) – Хозяин дома угощает его, говорит теплые, доброжелательные слова, а сам раздражается, думает, когда же этот старый уберется. *Чылан өдірчең алыптар хайдаг-да күскелернең ноо айгас чөрер, – хыртыстанып, нандырган Рикки-Тикки* (По, 267) – Богатыри, убивающие змей, зачем будут связываться с какими-то мышками, – ответил раздраженно Рикки-Тикки.

Фонетическим вариантом с чередующимся начальным звуком глагола **хыртыстан** является глагол **тыртыстан** «раздражаться, злиться», характерный больше для сагайского диалекта хакасского языка. Как показывает семантический анализ этих глаголов, особых различий в семантике этих глаголов не наблюдается. Лексем с чередующимися звуками, как в начале слова, так и в середине, в хакасском языке немало, например, **тіле/кіле** «просить у кого-либо что-либо вещественное», **хыгдыра/тыгдыра** «бренчать», **паарса/маарса** «доброжелательно относиться к кому-либо» и др. Подобные лексемы в хакасском языке ни в семантическом, ни в фонетическом аспектах еще не исследованы.

Глагол **ыдырҕахтан** образован от прилагательного **ыдырҕах** «раздражительный» и глаголообразовательного аффикса **-та-** и аффикса возвратного залога **-н-**. Данный глагол является твердым фонетическим вариантом глагола **ідіргектен**. На наш взгляд, отличаясь по звуковой форме, они обнаруживают различия и в семантике. Глагол **ыдырҕахтан** носителями языка воспринимается как проявление раздражения в грубой форме, глагол же **ідіргектен** в более мягкой, даже скрытой форме. *Хаттарны көрзөмөк, ыдырҕахтанчам* (Лч, 1989, 164, 4) – Как только увижу баб, раздражаюсь. *Көдөс апсах анча кізі аның арагазын тыхчатханына ыдырҕахтанча* (Хт, 48) – Старик Кодес раздражается из-за того, что столько человек жрут его водку. – *Андаг пол полбассың олох, – ыдырҕахтанча Кола* (Птн, 9) – Все равно не сможешь стать таким, – раздражается Кола. Значение глагола **ідіргектен** может выражаться также и форме фразеосочетания **ідіргек тут**. *Ибіре прай тайга, Кирилнің арғызына ідіргегі тутса даа, хада парарға кирек* – Всюду кругом тайга, Кирилл, хоть и раздражается на друга, но приходится идти вместе.

Глагол **хыпчахтан** образован от прилагательного **хыпчах** «раздражительный» и глаголообразовательного аффикса **-та-** и аффикса возвратного залога **-н-**. Данный глагол действует и в алтайском языке как **кап-**

чык «оскорбляться, раздражаться, сердиться, огорчаться». Глагол **хыпчахтан** не маркирован семой явного выражения на кого-что-либо. *Көстигес аның үніне хайбаан даа, көні төрзер иртіп, хыпчахтана чоохтаныбысхан* (Кх, 114) – Костигес даже не отреагировал на его голос, пройдя мимо в горницу, раздраженно сказал. *Хайди поларга пілбинчеткенін ир кізі хыпчахтанып көзітче* (Хч, 2000, 129, 5) – Мужчина, когда не знает что делать, начинает раздражаться. *Күдет мындада ол пір дее хыпчахтанмаан* (Птн, 58) – Пока Кудет здесь, она ничуть не раздражалась.

Глагол **хырлан** в хакасском языке употребляется редко. *Ол Колаа хырлана чоохтанган* (Птн, 159) – Он раздраженно говорил Коле. *Моогас, пеер чит килгенде, Күдетке хырлан сыххан* (Птн, 50) – Когда дошла до сюда, Моогас начала раздражаться на Кудета.

Субъект может проявлять свое раздражение по-разному: речью, поведением, взглядом и т. д., о чем свидетельствуют контексты. Часто глаголы раздражения сочетаются с прямой речью, исключение составляют только глаголы **хыпчахтан** и **хырлан**.

Как видим, основы вышеописанных глаголов производны: они образованы от прилагательных со значением раздражения и словообразующих аффиксов **-ла/-ле**, **-та/-те**, **-на/-не** и аффикса возвратного залога **-н**. На наш взгляд, такая закономерность не случайна. Семантика данных глаголов акцентирована на внутреннем состоянии субъекта. Глаголы со значением раздражения относятся к глаголам личностной ориентации, указывают на психическое состояние субъекта, не всегда возникающее под влиянием причины. Чувство раздражения часто может возникать из каких-либо внутренних личных мотивов.

От существительного **хырт** «ненависть, неприязнь» образован глагол **хыртаңна**, где аффикс **-аңна** придает значение неполноты признака действия. В Хакасско-русском словаре значение данного глагола представлено как: **хыртаңна** выражает неприязнь, недоброжелательность к кому-л., коситься на кого-л. [ХРС, 2006, с. 898]. – *Параң, полган на төкпес хыринда аңмай турчазың, – хыртаңнапча магаа Арминек* (То, 26) – Пойдем, возле каждого пня стоишь, разинув рот, – раздражается на меня Арминек.

От существительного **хырт** образуются также глагольно-именные фразеосочетания: **хырт көр** «испытывать ненависть, неприязнь к кому-либо» (букв. смотреть с ненавистью). *Федор Павлович позын хырт көрчеткеннерін сизін салган* (Ыа, 264) – Федор Павлович заметил, что его здесь ненавидят. *Кізілер дее аны хырт көрчелер, хыстар «чыстыг Тоёң» ат пір салтырлар* – И люди ненавидят его, девушки прозвали его

«вонючий Тоен». *Ол Хапыңның родынаң хачаннаң ыырлығ, оларны хырт көредір* (БІа, 53) – Он издавна враждует с родом Хапына, ненавидит их. *Ноға сірер чуртазыңарны іди хырт көрчезер?* (Ит, 153) – Почему вы так ненавидите [свою] жизнь? Фразеологические **хырт көр** стоит на стыке подгрупп глаголов со значением раздражения и ненависти.

Хырт тут «испытывать раздражение к кому-л.» (букв. «держать ненависть»). *Аның іди түптестіргеніне хыртым тудыбысхан* (Лч, 88, 127, 3) – Из-за того, что он так допытывался, я стал раздражаться.

Хырт хылын «относиться к кому-л. с раздражением, недолюбливать» (букв. «вести себя раздраженно»). *Кўр арақ полған аның хылиш, че піди ічезіне хырт хылынарын кем сагаан* (Ит, 127) – Характер у него был крутоват, но никто не ожидал того, как он с раздражением будет обращаться с матерью.

Идеальная модель глаголов со значением раздражения может быть двух типов: а) кто + на кого + за что + глагол. *Ол аның туртхчатханына ідіргектенче* (А, 73) – Он раздражается из-за его нерешительности; б) кто + на кого + глагол. *Мындох адай. Ол хығырбаан аалчыларга хыртаңнирга тимде* (Тс, 46) – Здесь же собака. Она готова раздражаться на незваных гостей. Наш проанализированный материал подтверждает мысль Н. Д. Арутюновой: «Хотя поводом для озлобленности или раздраженности человека могут быть самые разнообразные обстоятельства, в том числе безличные и неопределенно-личные, но сорвать злобу (т. е. удовлетворить гнев, раздражение) можно только на другом лице: человек сводит счеты с людьми, а не событиями» [Арутюнова, 1976, с. 154]. В качестве субъекта, а также социативного объекта всегда выступают люди. Однако позицию социативного объекта иногда заполняют наименования каких-либо обстоятельств, или же неодушевленные имена, но под ними всегда подразумеваются люди.

2.2.3. Глаголы со значением страха

Общим семантическим признаком глаголов данной подгруппы является «испытывать чувство страха, боязни, подаваться страху», их функция же в предложении – отражение процесса страха, боязни в разных аспектах и оттенках. Эту подгруппу составляют шесть синонимичных глаголов. Это глаголы **хорых** «бояться», **чочы** «бояться, испугаться», **чочын** «опасаться, тревожиться, настораживаться», **ўрўк** «сильно испугаться», **чалтан** «бояться, не решаться», **туртух** «трусить, пятиться». Полным выразителем значения страха рассматриваемых глаголов является наиболее частотный и наименее содержательный глагол **хорых**. Все эти глаголы расположены здесь в порядке градации степени страха, т. е. они находятся в оппозиции, демонстрирующей убывание признака страха разъясняется далее.

В ходе исследования семантической структуры этих глаголов методом компонентного анализа мы попытались выявить семы, характерные для значений глаголов страха. Выявленные семы показаны в схеме:



При рассматриваемых глаголах причина, вызывающая страх, бывает конкретной и абстрактной. Абстрактная причина далее не поддается членению. Сюда относится только глагол **хорых**, в контекстах которого обычно не указывается конкретная причина страха. *Аалыбыс улуг полбан. Хызыххлпачабыс, хорыххлпачабыс. Ёлгү алыс турча* (Кх, 17) – Деревня наша была небольшая. Бедствуем, побаиваемся. Власть постоянно меняется (в годы революции). *Хорыгарзың ма? Ёдес салым ма?* – Будешь бояться? Проводить тебя? Страх, относящийся к абстрактному типу, проявляется как свойство характера или времени.

Конкретная причина далее членится на «человек или субстрат» и «ситуация». Семой «бояться человека или субстрата по конкретной причине» обладают такие глаголы, как **хорых**, **чочы**, **чалтан**. *Агаа удур пірдеезі тапсабаан, көбізі Картиннің чабал кјрінгенінеу хорыххан* – Наперекор ему никто ничего не говорил, многие боялись его злого вида. *Аалдагы чон даа наа ёлгүдең, оңдайы-пазын пілбеенде, чалтана чөрген* – И в деревне люди побаивались новой власти, пока не поняли ее суть. *Изен, хасхы Кобай. Хайди, пласттардаң чалтанмин, ааллап чөрчезің?* –

Здравствуй, бандит Кобай. Как так ходишь по гостям, не боясь властей? *Тiгде... Тiгде хара кiзi чатча. Чочын парын, сала ойда ас парбаам* – Там... Там черный человек лежит. От испуга я чуть не упал.

Ситуация, при которой человек находится в состоянии страха, бывает реальной и прогностической. Ситуация реальная, в свою очередь, выделяет следующие семы:

1. Просто событие. Эта сема свойственна для глаголов **хорых**, **чочы**, **ўрўк**, **чалган**, **туртух**, т. е. для всех глаголов, за исключением **чочын**. Самый богатый иллюстративный материал среди глаголов, для которых характерна эта сема, имеет глагол **хорых**. *Харасхы чазы ээн, амыр сўрдесте турчатхан. Ол даа хорыхчатхан, нееке, хыс паланың ачыг ўнiн исchediп* – Темная степь стояла в пустой, безмолвной печали. И она, наверно, боялась, слыша горький плач (букв. «голос») девочки. *Ўгў ўўктен сыххан. Хорыхча кiчичек адайах. Ўрче ол, ўрче* – Начала кричать сова. Бойтся маленькая собачка. Лает она, лает. В значении глагола **чочы** господствует сема «испугаться при неожиданном событии, вздрагивать от испуга». Однако в данном случае применение глагола **чочы** очень редка: *Чочыба, Тоолай, – тыытчам позымны* – Не бойся, Тоолай, успокаиваю сам себя (когда заблудился в тайге). О. Ю. Шагдурова в своей статье «Семантика монгольских глаголов в тюркских языках Южной Сибири» глагол **чочы** представляет как заимствованным из монгольского языка, а также его варианты в других южносибирских языках: алт. **чочы** «пугаться», хак. **чочы** в ЛСВ «пугаться от неожиданности; вздрагивать от испуга», шор. **шоочы** «испугаться вздрогнуть» – монг. **џоџи** «вздрагивать от внезапного испуга, содрогаться, пугаться (вдруг)» [Шагдурова, 2012, с. 51].

Следующим глаголом, имеющим сему «страх при простом событии» является глагол **ўрўк**. *Он тис чалаң, адай-хус ўрўктiрiп, аалны сунгар чортыра тўскеннер* – 15 всадников, пугая птиц и собак, помчались через деревню. *Тыыда хатхырыбысхан ол, Толага чонын наганнаң ўрўктiрiп, кўдеенiн сагысха кир килiп* – Он громко засмеялся, вспомнив, как Толага пугал людей наганом.

2. Семой «страх при неожиданном событии» в основном обладают глаголы **чочы**, **ўрўк**, реже **хорых**. *Ягор инiс араx ачыx чирзер кiрiбiскен. Чочын таа парган... абачаx чоон тыт холын ходырчатхан* (Кх, 76) – Ягор посмотрел вниз на опушку. Он сильно испугался...медвежонок ломал ветку большой лиственницы.

3. Следующей семой при реальной ситуации является «страх при неожиданной вести», которая характерна исключительно для глагола **ўрўк**. *Ўртўнчек апсах чонны ўрўктiр чiрген* – Дед Уртунчек ходил, пугая людей (слухами), рассказывал, что приближается конец света.

Ситуация прогностическая. Другой семой, свойственной только глаголу **ўрўк** при прогностической ситуации является сема «страх перед неизвестностью». В данном случае глагол **ўрўк** обычно употребляется с прямой речью: – *Ниме пол парды? – читтер, оларны ибiре турыбызып, ўрўк сыхханнар* – Что случилось? – молодые, окружив их, стали пугаться.

В структуре значения доминанты **хорых** присутствуют все описанные семы, за исключением последних двух, характерных только для глагола **ўрўк**.

При присоединении к глаголу **чочы** «испугаться» возвратного аффикса **-н-** значение меняется, поэтому они рассматриваются как два отдельных глагола. Глагол **чочы** «испугаться» страх имеет временный характер, а в значении глагола **чочын** «опасаться» – продолжительный. *Ол хаалхаларның клўзiн таап полбасын тiп чочынчам* – Опасаюсь, что не найду ключей от тех ворот.

Сему «**определенное опасение**» при прогностической ситуации имеет и глагол **хорых**: *Аглона, Ягорны усхурыбызарынаң хорыгып ала, хыринда одыр салган* – Аглона, опасаясь разбудить Ягора, села рядом с ним. *Хорыххам, тооп парбим тiп* – Боялся, как бы не замерзнуть. В данном ЛСВ глагол **хорых** совпадает с **чочын**. Обычно главное предложение с зависимым соединяется при помощи связки **tip**.

Высокая степень страха, как правило, передается через фразеосочетания, указывающие на физиологические ощущения страха, например, **идiнче соох чўгўр** (букв. «по телу холод пробегает»; «испытывать сильный страх»), **сағыс сых** (букв. «мысли улетучились»; «испытывать сильный страх»), **хут табанзар ойла** (букв. «душа убежала в пятки») и т. д. В Кратком фразеологическом словаре Т. Г. Боргояковой дается также фразеологизм: **изiн сыгарарға** «очень сильно напугать кого-л.». *Айнаның хоосхалары, изiм сыгардылар хаарганнар! – тўкўрче* (Н. Дом.) – Проклятые кошки, до смерти напугали меня! – плюет [Боргоякова, 1996, с. 29].

Таким образом, при определении значений глаголов страха важны следующие факторы, как причина (бояться по какой причине), что вызывает страх (человек или определенная ситуация), какая ситуация (реальная или прогностическая) и т. д.

2.2.4. Глаголы со значением печали

Говоря об эмоции печали, нужно всегда учитывать, как субъект воспринимает и оценивает себя, каким он видит этот мир и свое будущее в нем. В печали человек воспринимает мир как угрюмый и хмурый. Переживание печали обычно описывается как уныние, грусть, чувство одиночества и изоляции. Также эмоция печали может оказывать весьма пагуб-

ное воздействие на человека, она характеризуется меньшим уровнем напряжения, чем другие негативные эмоции. Из этого следует, что эмоция печали взаимодействует с другими физиологическими состояниями, как уныние, хандра. Учитывая такое протекание переживания печали и тот факт, что язык – есть прямое отражение действительности, считаем, что глаголы со значением печали соприкасаются с глаголами физиологического состояния.

Понятию «грусть» В. Ю. Апресян дает такое толкование: «Грусть – отрицательная эмоция, не связанная ни с плохим отношением к кому-либо, ни с самоосуждением, расположена примерно посередине. С одной стороны, выражение «грусти», в целом, не говорит об экспериенсере плохо; с другой стороны, «грусть», во-первых, иногда требует какого-то участия, хотя бы вербального, со стороны адресата, т. е. ее открытое выражение может восприниматься как нескромная просьба о сочувствии, во-вторых, «грусть» может восприниматься как «нытье», говорящее о слабости экспериенсера (особенно открытое выражение некоторых видов «грусти» – *уныния, тоски, депрессии*)» [Апресян, 2010, с. 52].

Подгруппа глаголов со значением печали состоит из 7 синонимичных глаголов. Их объединяет семантический признак «испытывать чувство печали, грусти». Доминантой ряда является наиболее распространенный глагол **хомзын** «печалиться, грустить, переживать, жалеть, огорчаться, обижаться». В данный синонимический ряд входят также глаголы **чобал** «печалиться, переживать», **ачырган** «сокрушаться, огорчаться, расстраиваться», **пичелен** «тосковать, унывать, печалиться», **пузух** «убиваться, переживать, унывать», **мѳцѳсѳре** «унывать, быть грустным», **инел** «грустить, тосковать».

Глагол **хомзын** «печалиться, грустить, переживать, жалеть, огорчаться, обижаться» обозначает грусть, печаль с оттенком размышления и обычно имеет длительный характер эмоционального переживания. В ходе анализв собранного материала в семантике данного глагола выделены следующие ЛСВ:

- 1) «грустить». *Пулуттыг кѳн ноо осхассың? Хомзынчазың син нога? – Почему ты [выглядишь] как пасмурный день? Почему ты грустишь?*
- 2) «переживать». *Че, чазыл табырах. Хомзынма, таңда килербѳнѳк (Хт, 52) – Ну, поправляйся быстрее. Не переживай, завтра снова приду;*
- 3) «жалеть». *Хоосчы полбааныма хомзынчам (Хч, 97, 1, 3) – Я жалею, что не стал художником. Объектом сожаления при глаголе **хомзын** обычно является жизненно важный факт, например, несбывшаяся мечта, неудавшаяся жизнь, впустую растраченное время и т. п.;*

- 4) «огорчаться». *Пір ле ниме аны хомзындырчаң: поэзының көгілбей түстерін чоохтачаң, аны исчең харындас-туңмазы чох полған* (СК, Т, 30) – Только одно его огорчало: у него не было братьев и сестер, которым он мог бы рассказывать свои голубые сны;
- 5) «обижаться». *Хомзынмаңар, мин срерниң адыңарны алчаастапчам* – Не обижайтесь, я не помню ваше имя.

Второй по употребительности глагол **чобал** «печалиться, скорбеть, мучиться». Данный глагол действует и в других тюркских языках Южной Сибири и, по сведениям О. Ю. Шагдуровой, заимствован из монгольского языка с сохранением семантики: «...шор. **шобал** «мучиться», хак. **чо-бал** «изнемогать, устать, мучиться, горевать, хлопотать», тув. **чова** ЛСВ1 «уствовать», ЛСВ2 «беспокоиться, заботиться» – монг. **жоба** «мучиться, терзаться, беспокоиться, тревожиться, скорбеть, страдать» [Шагдурова, 2012, с. 52]. Глагол **чобал** в хакасском языке кроме своего основного значения подразумевает еще понятие «жить тяжелой жизнью». Понятие «тяжелая жизнь» идентифицируется как «бедствовать» и «терпеть лишения». В этом отношении он синонимичен глаголу **ирелен** «страдать», в отличие от которого обозначает эмоциональную реакцию субъекта на тяжелые времена, жизнь. *Чон хыялланча, чобалча, а олар, пайыт, чырганчалар* (Хч, 97, 160, 2) – Народ бедствует, мучается, а они, богатея, довольствуются.

Глагол **ачырған** «сокрушаться, огорчаться, расстраиваться, сожалеть» обозначает сильную степень сокрушения, огорчения, сожаления и обычно в короткий промежуток времени. Возможно, глагол имеет основу **ачыг** «горький». *Пу кізі ачырғанчаан даа, өрінчеен дее пілінмин одыр* (Хчкчн, 203) – Этот человек сидит, не зная то ли огорчаться ему, то ли радоваться. *Ачырғанчатханын пазын полбин, ол пазох амзабысты* (Хч, 2001, 4, 7) – Не сумев подавить своего расстройтва, он опять глотнул вина. *Мин хайдаг даа ниме урунза, иңілерім хайди даа түссе, бригадир полғаным хачан даа ачырғанмастын* (Д, 76) – Что бы мне не приходилось пережить и как бы не опускались мои плечи, я никогда не буду сожалеть о том, что был бригадиром.

Основу глагола **пичелен** «тосковать, унывать, печалиться» составляет существительное **пичел** «печаль», заимствованное с русского языка. *Хачан даа пичеленме, ічечеем* – Никогда не унывай, [моя] мамочка.

В значении глагола **пузух** «терзаться, унывать, переживать» доминирует сема «внутреннее эмоциональное переживание, обычно не проявляемое внешне».

Глагол **мөңісіре** «унывать, быть грустным» составляет оппозицию предыдущему глаголу, обозначая внешнее проявление эмоционального

переживания. Только посторонний глаз может определить по внешнему виду переживания субъекта. Поэтому на хакасском языке нельзя сказать, например, *мин мөңсирепчем* – Я унываю.

Поскольку, эмоция печали всегда мотивируется какими-либо раздражителями, очень важно рассмотрение способов выражения причины (или стимула) глаголами со значением печали. Как известно, глаголы со значением эмоции двухместны, они управляют обязательными позициями субъекта и причины. Степень интенсивности эмоционального переживания и его длительность имплицированы в значении глагола, иногда же в конструкции эксплицируются факультативными позициями. Нами выделены следующие основные модели конструкций глаголов эмоции:

1. Субъект + имя или придаточное предложение в дательном падеже + глагол. Данная формула наиболее типична для глаголов печали. Обычно имена существительные в этой форме обозначают косвенный объект, на который направлено действие, выражаемое глаголом. В конструкциях же глаголов эмоции действие направлено на объект, а объект является причиной или стимулом, который является исходным для глагольного действия. Так причину эмоционального переживания раскрывают именем или придаточным предложением в дательном падеже такие глаголы:

хомзын. *Үгү апсах поэзының аар чуртазына, поэзының согынына па-зох хомзын парча* (С, 32) – Старик Филин опять печалится, грустит из-за своей тяжелой жизни, из-за своей некрасивости.

чобал. *Чахсы хонхтыгларның хыстары оолгына парарга ынабин, аны чиктепчеткеннеріне Кетрин чобалып пастабысхан* (О, 9) – Кетрин стала переживать по тому, что дочери зажиточных людей не хотят выходить замуж за ее сына и его ни во что не ставят.

ачырған. *Чүреем халганчы хати сапханча, ізенмин көрчеткениңе ачырганарбын* (ФБ, Чч, 44) – До последнего удара своего сердца я буду сокрушаться тому, что ты смотришь так безнадежно.

пичелен. *Харындазыма пичеллебе, хазых полар ол* (Чт, 83) – Не беспокойся о моем брате, он вернется живым. *Камзарга анда нимелер үчүн пичеленерге дее маң чогул* – Камзару некогда грустить из-за таких вещей.

2. Субъект + придаточное предложение со связкой **тiп** + глагол. Придаточное предложение со связкой **тiп** в более пространной форме передает причину переживания в конструкциях следующих глаголов:

хомзын. *Олег Афанасьевич сарыннар بازارга килістіре кибелістер таппинчам тiп хомзынган* (Хч, 98, 53, 5) – Олег Афанасьевич переживал, что, мол, не может найти подходящие стихи для песен.

чобал. *Син хыныс оды ус парды тiп чобалба* (Хч, 97, 158, 8) – Ты не печалься, что, мол, погас огонь любви.

ачырган. *Хайди мындаг хара тöрiп пардым тiп чоо ачырганысчалар* (Хч, 98, 188, 1) – Они сильно огорчаются (совместно), мол, почему мы родились такими черными.

пузух. *Ох, Хан-Худайымай, пiди ээн-кöөн тудынза, хачан пүтчең тура полчаң пу тiп пузухчам* (Кч, 31) – Я переживаю: если так медлить, то когда же построят этот дом.

3. Субъект + прямая речь + глагол.

В конструкциях глаголов печали, где причина переживания раскрывается прямой речью, опущен глагол говорения, соединяющий прямую речь со словами автора. Например, – *Пиреибiс ибде одырган ползабыс, сүттiг дее инеегiбiс чiтпесчiк, – хомзынчаң ирi* (Хч, 96, 162, 6) – Если бы кто-нибудь из нас сидел дома, то не потерялась бы наша дойная корова, – переживал [ее] муж. Иначе выглядело бы так: – *Пиреибiс ибде одырган полза, сүттiг инеебiс тее чiтпесчiк, – теен, хомзынып, ирi* – Если бы кто-нибудь из нас сидел дома, то не потерялась бы наша дойная корова – СКАЗАЛ, ПЕЧАЛЯСЬ [ее] муж. Здесь глагол эмоции **ХОМЗЫН** принимает форму деепричастия.

чобал. *Чылан öдiрчең алып чылангаох öдiртiп салар, – уламох чобалган Чучундра* (По, 267) – Богатырь, который убивал змей, змеем же будет убит, – еще сильнее стал сокрушаться Чучундра.

ачырган. *Хайдаг мындаг сiрер кiзiзер, – ачырганган Орозмат* (Д, 6) – Что за вы люди такие, – расстроился Орозмат.

мöңiссiре. – *Ибзер парза, пазох чаргы. Хакас тiлiнең «iкi», ам историядаң, – мiңiссiреен Кадик* (Х, 13–14) – Домой пойду, опять суд будет. По хакасскому языку «двойка», а теперь еще и по истории, – унывал Кадик.

4. Субъект + имя с послелогом **үчүн** «за, из-за» + глагол.

Распространенное дополнение с послелогом **үчүн** раскрывает причину печали субъекта более пространно. *Хызычагы иди ырах парыбысхан үчүн ичезi хомзынган* – Мама переживала из-за того, что дочь уехала так далеко. А имя + **үчүн** лишь называет причину эмоционального переживания, не раскрывая подробное описание причины. *Ой ат үчүн ол тың ачырганча* (МТ, Сс, 13) – Он сильно переживает из-за коня. *Хынганымның үчүн пузухчам* – Убиваюсь из-за любимого.

5. Субъект + имя в винительном падеже + глагол.

Позиция субъекта может выражаться именем в вин. п. в том случае, если глагол принимает аффикс страдательного залога. Такую форму может принимать любой глагол со значением печали. *Пуүн мини*

ачыргандыр салганнар – Сегодня меня расстроили. В подобных предложениях носитель эмоционального переживания является социативным объектом, а глагол выражен аффиксом множественного числа. *Че наа чурт, наа аргыстар, хатыг дисциплина пастагы туста мини, ідök аргыстарымны мөнөксіндірчеңнер* (Тс, 32) – Однако новый дом, новые друзья, строгая дисциплина в первое время меня и моих друзей приводили в уныние.

6. Субъект + имя в местном падеже + глагол.

Позиция места не является обязательным в конструкциях глаголов эмоции. Однако при глаголах печали имя в местном падеже может указывать на причину эмоционального переживания. *Піс пірее тың сидік тұстарда хомзын парчабыс* (Хп, 97, 2, 3) – Иногда, когда бывает трудно, мы печалимся. *Хан хызы чабыгда чобалча* (По, 64) – Царица в темнице печалится. Обстоятельствами места семантически может управлять любой глагол печали.

7. Субъект + имя в исходном падеже + глагол.

Такая форма построения конструкции необычна для глаголов эмоции. Нами обнаружен только один пример с глаголом **чобал**, где реализуется ЛСВ «мучиться». *Чылларнаң ирепчи чуртазынаң чобалгам* (Хч, 00, 132, 7) – Годами я мучился супружеской жизнью.

8. Субъект + делиберативный объект + глагол.

При глаголах эмоции делиберативный объект называет тему [причины] переживания. С позицией причины, выраженным делиберативным объектом могут управлять только два глагола: **чобал** и **пичелен**. *Абыстың хызы Балдадаңар чобалча* (По, 10) – Дочь священника переживает о Балде. *Боярлар ханнаңар чобалысханнар* (По, 22) – Бояре переживают о царе. *Чарир, угаа ла іди миннеңер пичеленме* (Птн, 24) – Ладно, так сильно не переживай обо мне.

Глаголы печали часто строят такую конструкцию, где одна из частей заключается глаголом в условном наклонении: *Амды күстеніп үгренмезең, соонаң хомзынарзың* – Если сейчас не будешь стараться учиться, то после будешь жалеть. *Сменада ит салар тогызымны толдыр полбазам, ачырганчаңмын* (Сс, 13) – Если я не успевал выполнить план за смену, то переживал. *Іб ээзі столга пар нимезін салчаң, аалчыларны позынзар хыгыр полбаза, ачырганчаң* (Хч, 98, 104, 5) – Хозяйка дома ставила на стол все, что есть, если же не получалось пригласить гостей – жалела. *Син палаларыңнаңар сагысырабазаң даа, олар сагаа хынчалар, изірік ползаң, мөңісірепчелер* (Хч, 98, 51, 3) – Даже если ты не беспокоишься о своих детях – они тебя любят, когда ты пьяный – унывают.

Причина переживания также может выявляться из контекста. *Сидік киліскен өкіс халғаннарға. Ічезі төреміл чобалчатчаң* – Тяжело приходилось сиротам. Их мама печалилась все время. *Орис Харатассар парғали, Паях инейге сағысха түзер, чобалар ниме пар* (О, 38) – После того, как Орис уехала в Черногорск, бабушке Паях есть о чем беспокоиться, переживать. *Иди тың чобалба. Пай пір дее ниме ит полбас* (Ах, 63) – Так сильно не переживай. Богач ничего не сможет сделать. *Сині харап орайда, чалғыс чўреем чобалча* (Хч, 97, 6, 8) – Ожидая тебя поздно вечером, сердце мое сокрушается. *Уғаа чобал сыххан апсах, агырыг инейінең пір хаалаг даа парбинча* (Ах, 62) – Старик стал сильно переживать, от больной старушки не отходит ни на шаг. Объект печали может выражаться в зависимой части сложноподчиненного предложения: *Мачай мөңіссіреп көрген, хайди аның арғыстары харлыг пораанда піреердең чітклеп парыбысханнар* (Т, 27) – Мачай с тоскою смотрел, как его друзья по одному исчезали в снежной бури. *Торчых, аны искенде, мөңіссіребіскен* (По, 60) – Когда это услышал, Торчых опечалился. *Нога мин піди пузухчам, анзын чўреем миннең дее поэы чазырча* (Хч, 96, 143, 3) – Почему я так сильно переживаю, [мое] сердце скрывает это даже от меня.

Глагол **инел** «грустить, тосковать» обычно употребляется в фольклорных текстах, а также в синонимичной параллели с глаголом **чобал**: *Нимее инелдің, нимее чобалдың?* (Хп, 89) – Что же ты загрустил, чему опечалился? *Ам өлчеем полды ноо тіп сағынып инеліп – чобалыбысхан Өкіс оол* (Хп, 89) – Парень Сирота опечалился, мол, наверно пришла пора помирать мне.

В подгруппу глаголов печали мы включаем и фразеологизм **пичелге түс** букв. «спускаться к печали», «печалиться». *Нимее пазох пичелге түзібістің?* – Что же ты опять опечалился?

Как видим, способы выражения причины в конструкциях глаголов печали разнообразны, которых можно выделить на два структурно-семантических типа:

а) распространенный (придаточное предложение со связкой **тіп**, придаточное предложение в дательном падеже, прямая речь, делиберативный объект, выявление причины из актуального смысла предложения (контекста), зависимой части сложноподчиненного предложения;

б) называющий (имя в дательном падеже, имя с послелогом **ўчўн** «из-за, за», имя в винительном падеже, имя в местном падеже). Наиболее распространенными способами выражения причины являются имя или придаточное предложение в дательном падеже, придаточное предложение со связкой **тіп**, имя с послелогом **ўчўн** «из-за, за».

2.2.5. Глаголы со значением страдания

Глаголы данной подгруппы так же, как и глаголы со значением печали, по своей семантике находятся на пограничной зоне с глаголами со значением физиологического состояния типа страдать, мучиться, маяться, изнемогать (напр. от какой-л. болезни).

Глаголы страдания образуют синонимический ряд с общим значением «испытывать физические и нравственные страдания». В ЛСГ глаголов эмоции они занимают периферийное положение в связи с тем, что они обозначают не столько эмоциональное переживание, сколько психическое состояние. Наиболее употребительным является глагол **иреелен** «мучиться, страдать, испытывать горести жизни». Вторым глаголом по степени употребительности является **хыйаллан** «мучиться, терпеть муки, страдать».

Семантика глагола **иреелен** «мучиться, страдать, испытывать горести жизни» дифференцируется на следующие ЛСВ:

1) «испытывать физические страдания в связи с какой-л. болезнью». *Хыс туңмазы өкпе ағырынаң ирееленче* (Хч, 2001, 10, 3) – [Его] младшая сестра мучается болезнью легких. *Соохха алдырт салгам, саңай ирееленчем* (Д, 101) – Я простыл, вот мучаюсь теперь;

2) «испытывать жизненные неудобства, невзгоды, лишения». *Піс суз чох ирееленчебіс* (Хч, 2000, 184, 6) – Мы мучаемся без воды. *Кічіг хызы, палазын агаа тастабызын, городсар парыбысхан, амды улуг семьялыг пір комнатада хыйалланча, ікінчізі мында Орозкулнаң ирееленче* (Ап, 164) – [Его] младшая дочь уехала в город, бросив ей своего ребенка, теперь она, многодетная, мучается в одной комнате, вторая здесь вместе с Орозкулом терпит лишения;

3) «не давать покоя, все время, переживать о чем-либо». *Мині пір сурыг ирееленче – нога піс удур-төдір полызыспинчабыс?* – Меня мучает один вопрос – почему мы не помогаем друг другу? (см. п. «Глаголы со значением беспокойства»);

4) «делать что-либо безрезультатно». *Арғыстар, «Чаңоң» сөсті нас полбин, иреелен сыхтылар* (Хч, 1999, 141, 8) – Друзья не могли написать слово «Чаңоң», что доставило им много мучений.

В семантике глагола **хыйаллан** «мучиться, страдать» мы выделяем следующие ЛСВ:

1) «испытывать физические страдания в связи с какой-либо болезнью». *Хырых час ас парган полган на кізі тил ағырынаң хыйалланча* (Хч, 2000, 186, 6) – Каждый человек, кому за сорок лет, мучается болезнью поясницы;

2) «испытывать жизненные неудобства, невзгоды, лишения». *Улуг частыглар, оох палалыг ипчилер, одыңа чит полбин, хыйалланысхан* (Птн, 34) – Старики, многодетные женщины терпели лишения из-за нехватки дров;

3) «испытывать душевные страдания, муки». *Момунның поэзының ачырганьстары, хыйаллары полчаңнар, оларның үчүн ол хыйалланчаң, харазын ылгачаң* (Ап, 143) – У Момуна были свои страдания и беды, из-за них он сильно переживал, по ночам плакал. *Нога мині пиди хыйаллапчазың? Иди дее прай чүреем палыглыг, син андарох наа сорып хозарга сагынчазың* (П, 83) – Почему ты меня так мучаешь? И так мое сердце все в шрамах, а ты еще хочешь добавить туда рану.

Глагол **иле** «мучиться» менее употребителен и обозначает «испытывать лишения и трудности, бедствовать». *Пабам-ичем ырах чирде халган, поэзым мында илепчем* (Хп, 67) – Мои родители остались вдали, а сам я здесь мучаюсь (испытываю лишения). Синонимичным глаголу **иле** являются фразеосочетания **ирее көр** «букв. смотреть страдания; испытывать страдания, лишения» и **аар чух** «букв. тяжелое прилипать, испытывать трудности, лишения». *Чалгыс кізі чазыда чүзе наңмырга пастырза, хайдаг ирее көрче* (Чх, 12) – Как тяжело одинокому человеку, застигнутому в степи проливным дождем. *Чаа тузында прай даа чонга аар чуххан* – Во время войны всему народу было тяжело [все испытывали лишения].

Таким образом, наиболее распространенными глаголами страдания в хакасском языке являются **хыйаллан** «мучиться, терпеть муки, страдать» и **иреелен** «мучиться, страдать, испытывать горести жизни». Первые два ЛСВ в семантике данных глаголов идентичны, для глагола **иреелен** «мучиться, страдать, испытывать горести жизни» является свойственным ЛСВ3 и ЛСВ4, а для глагола **хыйаллан** «мучиться, страдать» – ЛСВ3. Глаголы **иле** «мучиться» и **ирее көр** «испытывать страдания, лишения» маркированы обозначением трудностей и лишений внешнего характера.

2.2.6. Глаголы со значением зависти

Исследование семантики и прагматики глаголов зависти хакасского языка выявили их двухаспектную составляющую: с одной стороны эти глаголы обозначают оценочное отношение субъекта к конкретному объекту, а с другой – чувство досады от того, что сам не обладает им. Семантика глаголов зависти предполагает двоих участников процесса и объекта зависти, которым владеет второй участник. Первый участник – субъект испытывает негативное мучительное чувство зависти, которое возникает непроизвольно помимо желания субъекта при его оценочном отношении к объекту, который эксплицируется такими основаниями – причинами

как «наличие чего-то хорошего у второго участника» и «отсутствие этого хорошего у субъекта».

Глаголы данного синонимического ряда объединены по общему значению «испытывать чувство досады из-за отсутствия чего-то хорошего, что есть у другого и желание прекращения того хорошего». Данная группа объединяет 6 глаголов и фразеосочетаний. Наиболее употребительными являются фразеосочетания **істі кӱй** «завидовать, страдать от зависти» букв. «нутро горит» и **істі чохтан** «завидовать» букв. «оставаться без нутро». – *Истіг сагаа, соолганга, – апсахтың істі кӱйген* (Хо, 18) – Хорошо тебе, окаянному, – позавидовал старик. *Майор ат алган кизе капитаннар істі чохтанчаннар* (Хч, 2001, 4, 6) – Капитаны завидовали тому, кто получал звание майора. *Пирееде поэзма істі чохтаныбызадырбын* – Иногда самому себе завидую.

Участие соматизма **істі** «живот, нутро» в составе данных фразеосочетаний наиболее ярко отражает осязаемый чувственно-эмоциональный мир человека, испытывающего негативное чувство по поводу отсутствия у него «того хорошего, что есть у другого». Метафорический перенос заключается в том, что часть тела человека воспринимаются не отдельно от человека, а используется в качестве средства образного и оценочного выражения переживаемого чувства с целью придания ему живости и эмоциональности. Семантика фразеосочетания **артых кӱр** «1) завидовать (черной завистью); 2) сглазить; букв. «смотреть лишним» выражает явное негативное отношение к объекту зависти и эксплицирует компонент желания прекращения и нехорошего тому, кто обладает этим объектом. *Ол кизи нимезин артых кӱрче* – Он завидует чужому. *Палаларыңа махтан чӱрбе – артых кӱрерлер* – Не хвастай своими детьми – сглазят.

Чувство зависти выражают также следующие глаголы:

атаарха «завидовать». *Мындаг мӱӱсті ибде хыс сал, прайзы атархир* (П, 142) – Такие рога дома повесь – все будут завидовать.

атаанна «завидовать». *Харга пір хараанаң Пораатайзар кӱрӱбіскен, агаа атааныбысхан* (фольк.) – Ворона одним глазом посмотрела на Воробья и позавидовала. – *Ох, кӱстіг оол полтыр! – атанаан апсах* (Хо, 19) – Ох, и сильный парень, оказывается, – завидовал старик.

кӱйӱрке «завидовать». *Проко аргыстарына чоо кӱйӱркепче, олар ат чарызында араласчалар* (Лч, 12) – Проко сильно завидует своим друзьям, они участвуют на скачках.

Как видим, объект зависти, обозначенный семой «наличие чего-то хорошего у другого», в свою очередь, имплицитно еще и выражение компонента «отсутствие этого хорошего у субъекта зависти». Например, в предложении *«Проко аргыстарына чоо кӱйӱркепче, олар ат чарызында*

араласчалар (Лч, 12) – Проко сильно завидует своим друзьям, они участвуют на скачках» подразумевает, что у субъекта зависти Проко нет такой возможности участвовать на скачках, как у его друзей. Или же в предложении *Тимка Петьканың утызына атархаан* (С, 107) – Тимка завидовал победе Петьки субъект зависти Тимка сам не может достичь победы, как второй участник Петька.

В хакасской языковой картине мира так же, как и в русской, существуют понятия «черная зависть» и «белая зависть». В первом случае имеется в виду чувство зависти, в значении которой обычно имеются компоненты «желание плохого для других», «желание прекращения хорошего у других». Во втором случае зависть не включает такие компоненты, а находится на пограничной зоне с такими понятиями, как восхищение, похвала. Этим двум категориям зависти В. Ю. Апресян дает такое толкование: «Черная зависть» предполагает, что экспериенсер X испытывает нечто плохое по отношению к более удачливому объекту своей эмоции Y–у и, если невозможно иметь то хорошее, что есть у Y-а, хотел бы, чтобы и Y не имел этого хорошего. «Белая зависть» предполагает, что X хотел бы иметь то хорошее, что есть у Y-а, однако не страдает по поводу того, что он этого не имеет, а также не испытывает плохих чувств по отношению к Y-у и, возможно, даже восхищается им [Апресян, 2010, с. 47].

Все названные средства выражения чувства зависти могут выражать так называемую «черную зависть», дифференцированную такими компонентами:

а) «субъект испытывает чувство досады из-за того, что кто-то другой обладает тем хорошим, чего нет у него». *Фон Клюге фельдмаршал званиені генерал-полковник Гудерманнаң нурун алып алганда, ікінчізінің істі көйбіскен* (Хч, 2001, 4, 6) – Когда фон Клюге получил звание фельдмаршала раньше генерал-полковника Гудермана, второй стал завидовать. *Аалдаң олганнар аразынаң городта Акай ла полды. Пасхалары істі чохтанчатханга төдөй* (А, 13) – Из деревенских детей в первый раз съездил в город Акай. Похоже, что другие завидуют. *Муклайга чоо ата-напчабыс. Хандыра агаа. Хайдар хынза, андар парча* (Хо, 38) – Мы очень завидуем Муклаю. Хорошо ему. Куда хочет, туда идет;

б) «субъект хочет, чтоб у него тоже было то хорошее, что есть у другого». *Атархапчам хыргыс оолга, хыргыс хызын агаа кўннеп* (Д, 45) – Завидую парню-кыргызцу, ревнуя к нему девушку-кыргызку;

в) «субъект желает плохого и прекращения того хорошего, что есть у другого». Данная сема обычно имплицитруется при реализации, о ее наличии можно только догадываться. Например, в предложении *Моол ханның істі угаа тың көйчөң Хосхар алытха* (Ах, 70) – Монгольский хан сильно

завидовал богатырю Хосхар» мы догадываемся о неблагоприятности чувств и предвзятом отношении монгольского хана к богатырю Хосхар.

Как известно, зависть относится к отрицательным эмоциям и строго осуждается в этическом сознании народа, а также считается одним из плохих качеств человека. В связи с этим обычно человек не признается в своей зависти к кому-либо и склонен отрицать у себя наличие этого чувства. В языковом отражении также непривычно употребление глаголов и фразеосочетаний со значением зависти в первом лице, за исключением выражения «белой зависти»: *Атархапчам сірерге, улуғларым, кемнер хакас поэзиязын тбстеен* (Г. Кичеев) – Завидую вам, мои предки, основавшим хакасскую поэзию. *Чуит, сіліг поэзыңны, чилге кўннеп, істім кўйедір минің* (Тх, 31) – Я завидую ветру, ревнуя тебя, молодую и красивую. Следует отметить, что в хакасском языке только фразеосочетание **істі кўй** «завидовать» букв. «нутро горит», страдать от зависти» и глаголы **атарха** «завидовать», **атаанна** «завидовать» могут употребляться в первом лице, выражая «белую зависть». Фразеосочетания **істі чохтан** «завидовать; букв. «оставаться без нутро», **артых кўр** 1) «завидовать (черной завистью)»; 2) «сглазить»; букв. «смотреть лишним» и глагол **кўйірке** «завидовать» лишены оттенка «белая зависть» и не могут употребляться в первом лице, т. к. субъект, завидующий черной завистью, обычно не признается в этом.

В русском языке, если речь идет только о «белой зависти» употребляются выражения: *Я тебе по-хорошему завидую; Я завидую вам белой завистью*, а также непременным условием функционирования подобных высказываний являются доверительно-доброжелательные взаимоотношения коммуникантов. В хакасском языке при выражении «белой зависти» не применяются конкретизаторы, как в русском языке, однако это чувство-отношение обычно интуитивно «прочитывается» в тоне и содержании высказывания.

2.2.7. Глаголы отрицательной эмоционально-этической оценки

Микрогруппа глаголов отрицательной эмоционально-этической оценки состоит из глаголов, содержащих в своей семантике нравственный аспект отрицательной оценки действий, совершаемых как самим субъектом, так и окружающими его лицами. Типичными представителями этого класса являются глаголы, представляющие такие эмоции, как стыд, смущение, вина, раскаяние. Данная двухаспектная составляющая и есть специфическая особенность в семантике глаголов. Иными словами, эти глаголы обозначают «все неприятные эмоции, которые экспериенсер

может испытывать по поводу того, что он что-то делает или сделал не так, – от чисто социального *стеснения* до глубоко этического *раскаяния*» [Апресян, 2010, с. 39–40]. Данная формулировка В. Ю. Апресяна помогает нам выделить очертания границ микрогруппы, которая включает 10 глагольных единиц хакасского языка. В русском языке В. Ю. Апресян в куст «стыд» включает около 80 лексических средств выражения данной семантики [Апресян, 2010, с. 39–40].

Проблемам этической теории, истории становления морально-этических концептов в русской народной культуре, в том числе и религиозной, а также языковым способам проявления таких социо-оценочных понятий, как стыд, совесть, позор, грех посвящены работы известных ученых-лингвистов Анны А. Зализняк, Н. Д. Арутюновой, О. Ю. Богуславской, Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева и др. Л. Е. Антонова исследует понятийную категорию стыда в русском языке в функционально-семантическом аспекте [Антонова, 2009].

Концептуальные составляющие выражаемых глаголами эмоций исследуются также в таких областях науки, как психология и философия. Стыд, застенчивость, вина относятся к категории базовых эмоций как основные неотъемлемые элементы человеческой природы. К. Э. Изард пишет, что смущение связано с такими эмоциями, как стыд, вина, страх и интерес. Смущение и стыд характеризуются обострением самоосознания, тогда как вина побуждает человека осознать свое поведение по отношению к другому человеку как неправильное. Стыд в большей степени обращен к будущему, к гипотетической возможности оказаться оцененным и разоблаченным. Смущение же, как правило, принимает форму состояния, скоротечного чувства уязвимости и несоответствия требованиям конкретной ситуации [Изард, 1999, с. 53].

Рассматриваемые нами глаголы образуют микрогруппу по общему значению «испытывать чувство сильного смущения, неловкости, вины от сознания предосудительности, неблагоприятности своего поступка». Однако они не синонимичны, поскольку связаны между собой отношениями шире, чем синонимичные. Следует отметить, что данная категория глагольных единиц исследуются в иерархической системе ЛСГ глаголов эмоции как одна из ее микрогрупп.

Синтагматическая распространенность глаголов данной микрогруппы выражается в идеальной модели сочетаемости в виде кто (субъект) + мотивация (причина) + перед кем (второй участник) + глагол. Однако семантика глаголов смущения не всегда предполагает позицию мотивации, в виде предосудительного действия, а может быть лишь свойством характера субъекта. Позиция второго участника тоже не всегда называет-

ся в предложении, но семантика глаголов подразумевает их наличие: стыдиться, смущаться, чувствовать вину перед кем-либо. Н. Д. Арутюнова пишет: «В ситуации стыда участвуют двое – Я (Эго) и Другой (социум). Другой занимает более высокую, привилегированную позицию. Он вправе осуждать нарушителя морального кодекса или кастовых норм поведения. Осуждение навлекает на виновного позор (срам), пробуждает в его душе (или сердце) стыд» [Арутюнова, 2000, с. 62].

Наиболее многочисленной и разнообразной в плане языкового выражения является семантическое гнездо понятия стыда, где доминирующим и частотным является глагол **уйат**, в значении которого выявлены следующие ЛСВ:

1) «стыдиться». *Миннеңер андаг нимелер пазарга сагыстыг кизи уйадарчы* (П, 78) – Более-менее сознательный человек постыдился бы писать обо мне такие вещи. *Мындаг хомай көрүмнүг палубаны капитанга көзидерге хайди уйатпинчазар?* (Ксо, 13) – Как вам не стыдно показывать капитану палубу в таком грязном состоянии? *Марый сарнап полбинчатхан Абанахты уйаттыр парча* (Птн, 63) – Марый стыдит не умеющего петь Абанаха;

2) «смущаться». *Анаң олганах ла чили, ойнабысханына уйат парып, апсах хатхырыбысхан* (С, 39) – Затем старик засмеялся, засмуцавшись, что играл как ребенок. – *Нимее сирер иди көрчезер?* – *Катеринаның матап көрчөткөніне уйат парып, Федя тур килген* (С, 68) – Что ж вы так смотрите? – Федя встал, засмуцавшись от проницательного взгляда Катерины;

3) «стесняться». *Хыс кизи, нога-да пір дее уйатпин, пастыр килип, оолның сазын сыйбастырган* (Чт, 1998, 1, 4) – Девушка, почему-то ничуть не стесняясь, подошла и стала гладить волосы парня. *Оолах, піди чазан салганын піліне, сымзырых аалның тураларынаң даа уйатча* (Х, 6) – Из-за того, что так принарядился, мальчик стесняется даже домов тихой деревни.

Как видим, в семантической структуре данного глагола значения не выходят за пределы обозначения стыда и смущения. Лексема **уйат** в качестве существительного «стыд» участвует в образовании следующих фразеосочетаний:

уйатха кір «опозориться» (букв. «войти в стыд»). Данный фразеологизм выражает предосудительное действие некоего субъекта, подрывающее его репутацию на глазах окружающих и за которое он должен испытывать стыд. *Ол колхоз тамаан огырлап, уйатха кірген* (П, 186) – Он опозорился, своровав колхозную пшеницу. В семантике данного фразеосочетания акцент падает не на компонент стыда, а на взгляд окружаю-

щих, на позорное поведение субъекта. Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев семантику глагола *опозориться* в русском языке описывают так: «Глагол *опозориться* представляет собою не прямое описание (интерпретацию) некоторого события, т. е. дает характеристику объективной ситуации, в которой имеют место своего рода обманутые ожидания, связанные с несоответствием действительных качеств *опозорившегося* человека его претензиям или репутации» [Булыгина, Шмелев, 2000, с. 221];

уйатха сух (букв. «засунуть в стыд») и **уйатха кир** (букв. «ввести в стыд») синонимичны по значению «позорить». Здесь значения глаголов **сух** «засунуть» и **кир** «вводить» предполагают каузативный характер стыда, морально-этическую ответственность за который несет другое лицо. *Харааң чогыл синиң, тайдук. Ол прай пістің сөбірені уйатха сухча. Чоохта, чохсы кізі іди идер бе?* (П, 148) – Ты ничего не видишь, бабушка. Он позорит всю нашу семью. Скажи, хороший человек разве будет делать так? *Алыгбын мин. Сірерні прайзыңарны уйатха кирчем* (П, 132) – Дурак я. Позорю всех вас.

В данном случае мы наблюдаем как при сочетании с существительным **уйат** «стыд» у глаголов **кир** «войти», **сух** «засунуть», **кир** «ввести» на основе их исходных денотативных значений развились переносные значения.

Глагол **чалтан** при наличии в своей семантической структуре ЛСВ «бояться» и «робеть» состоит в подгруппе глаголов страха. Как глагол стыда в данной микрогруппе он функционирует в ЛСВ:

1) «стесняться». *Сынап хайдаг инвентарь кирек полар, сірер чалтанманар, алыңар теплицадаң* (С, 62) – Если нужен какой-либо инвентарь, вы не стесняйтесь, берите в теплице. *Чүреегібістің наарсазын көзідерге нога-да чалтанчабыс* (Ит, 180) – Мы почему-то стесняемся проявлять доброту своего сердца. *Эге, Калда туңма, син ол іріңчі хызычактаң чалтанчазың ма?* (Х. ч. ч.) – Эгей, братишка Калда, ты, что, стесняешься этой сопливой девчонки?

2) «смущаться». *Чалтан парған үзгенчі, аның көрізіне сыдап полбин, кнігазын хазыра асхан* (Ит, 48) – Ученик, засмушавшись и не выдержав его взгляда, раскрыл свою книгу. *Чалтанчатханымны пілдіртпеске тіп, чораа ла сурьыбыхам* (А, 151) – Я спросил просто так, чтоб не показать свое смущение.

Значение глагола **аарын** уже и ограничивается обозначением лишь процессов смущения и стеснения: *Чойырхос – тузында ла, соонаң арын-минча* – Подхалим не стыдится своего поведения (посл.); *Син, палам, аарынма, мында прай пос кізілері* (П, 94) – Ты, дитя мое, не стесняйся, тут все свои люди. *Хыстар даа ам агаа нандырыг пирерге арыныбысхан*

нар (Птн) – Девушки постеснялись ответить ему; *Киліспес іди, – арынган ол, – Кізілер ниме сагынар?* (С, 194) – Так не пойдет, – засмутился он, – Что люди скажут? Считаем, что в отличие от глагола **чалтан**, значение которого имплицитно подразумевает присутствие постороннего лица (стесняться, смущаться + кого), глагол **аарын** подразумевает заикание субъекта на внутреннем переживании.

Семантика глаголов **чалтан** «стесняться, смущаться», **аарын** «стесняться, смущаться» и **пыросын** «чувствовать свою вину, извиняться» характеризуется менее низким уровнем эмоциональности, чем при ЛСВ1 глагола **уйат** «стыдиться», и, как нам кажется, здесь уместно использование шкалы интенсивности и экстенсивности стыда. Глаголы **чалтан** «стесняться, смущаться», **аарын** «стесняться, смущаться» и **уйат** по ЛСВ «стесняться» и «смущаться» синонимичны и могут быть взаимозаменяемы в контекстах.

Понятие стыда и смущения в хакасском языке обозначают также следующие глаголы: **айныгарга** «саг. смущаться». *Син айныхпа, чоохта; туртугарга* «труситься, бояться, не осмеливаться, не решаться, робеть, теряться». *Туртухпин нандырагга; омарарга* «устыдиться, смутиться»; **отыйарга** «кыз. стесняться, смущаться».

Следующие глаголы обозначают внутреннее переживание вины субъекта.

Глагол **пыросын** 1) «чувствовать свою вину»; 2) «извиняться» образован от корня **пыро** «вина». В своей семантике он содержит семы говорения и эмоции. Также используется глагол **пыролан** «чувствовать свою вину, обвинять себя». Конкретизация той или иной семы в семантике зависит от контекстной реализации данного глагола. При выражении объекта вины прямой речью он переходит в разряд глаголов говорения: *Тюрк чоны Ортын Азияда ла чуртапча тін сагынам, – пыросынча ипчи* – Я думала, что турки живут только в Средней Азии, – извиняется женщина. Если же содержание выявляется из актуального смысла предложения, то он проявляет себя как глагол эмоции: *Ирге парыбысханынаңар пічигінде Валя пір дее пыросынминча* – В письме, в котором сообщает что вышла замуж, Валя ничуть не чувствует себя виноватой [Чертыкова, 2006, с. 18]. При реализации ЛСВ «извиняться» в семантике глагола **пыросын** является существенным сема речевого поведения и требуется наличие второго участника процесса. Однако ЛСВ «чувствовать себя виноватым» выражает внутреннее эмоциональное переживание и действие направлено лишь на самого субъекта: *Иди сагысха түзіп, хачан-да саба киректер иткенім үчүн пыросынчам* – Вспоминая прошлое, я себя чувст-

вую виноватым за то, что когда-то что-то делал не так. Глаголы **пыросын** и **пыролан** имплицитно сему «действие, совершаемое под давлением совести». В статье «О стыде и совести» Н. Д. Арутюнова природу отличий рассматриваемых этических понятий объясняет так: «В отличие от стыда, практически неотделимого от Эго, совесть не сливается с Эго: Эго думает, принимает решения, действует, совесть направляет его мысли и контролирует его действия. Если человек не внял голосу совести, совесть его осуждает и наказывает. Совесть – это контрагент Эго» [Арутюнова, 2000, с. 58]. Глаголы **пыросын** и **пыролан** синонимичны по значению «чувствовать свою вину» и при реализации не предполагают второго участника процесса.

Глагол **ачырган** многозначен. Образован от исторического корня **ачы**, в семантической структуре которого О. Ю. Кокошникова отмечает метафорический перенос значения: **ачы** ЛСВ1 «киснуть, прокисать»; ЛСВ3 перен. «испытывать боль, чувствовать разъедающую боль; саднить» [Кокошникова, 2004, с. 42]. Реализацию переносного значения данного глагола подтверждает пример: *Позымның паза пасхалырының ачин ачааньма, чоньмнаң хада өзөгисті, соохты, прай хыйалларны үлескеніме погдарханчам* (Д, 83) – Я горжусь тем, что я вместе с другими испытывал боль, с моим народом делил голод, холод и все мучения.

Часто глагол **ачырган** строит конструкцию, где придаточная часть заключается глаголом в условном наклонении: *Сменада ит салар тогызымны толдыр полбазам, ачырганчаңмын* (МТ, сс, 13) – Если я не успевал выполнить план за смену, то переживал. *Иб ээзі столга нар нимезін салчаң, аалчыларны позынзар хыгыр полбаза, ачырганчаң* (Хч, 98,104,5) – Хозяйка дома ставила на стол все, что есть и жалела, если не получалось пригласить гостей.

При наличии основных ЛСВ «горевать» и «переживать» **ачырган** находится в подгруппе глаголов с общим значением печали. ЛСВ «раскаиваться» глагола **ачырган** выражает процесс душевных страданий и признания вины субъектом и маркирован дифференциальными семами «осознавать свою вину» и «чувствовать ответственность за совершенные плохие действия». *Алтын Тана сіліг хысты өдір салганга ачырган турадыр Хубай: хайди піди чаксы кізінің чалгыс палазын өдір салгабыс тіп хомзынып одырча* (Хп, 53) – Хубай раскаивается, что убил красавицу Алтын Тана: сидит, печалится, мол, как же так [мы] убили единственную дочь хорошего человека.

ЛСВ3 «жалеть о чем-л., сожалеть» глагола **ачырган** выражает процесс сожаления о неправильных с точки зрения субъекта действиях.

Ачырганчам, нога мин позы килген сыйыхты чўреемде сыбыра ал чўрбеем, позыдыбысхам (Хч, 1999, 9, 5) – Жалею, почему я в своем сердце не сохранил дарованный мне подарок, а упустил его. В отличие от процесса раскаяния, в котором субъект раскаивается и несет ответственность только за свою вину, то сожаление могут вызывать как свои, так и совершенные другими посторонними лицами плохие действия. Следует также отметить, что по интенсивности переживаемой эмоции сожаление занимает менее слабую шкалу, чем раскаяние.

Нами рассмотрены 14 глагольных единиц, содержащих в своей семантике нравственный аспект отрицательной оценки каких-либо действий как самим субъектом, так и окружающими его лицами. Глаголы стыда, смущения, стеснения, вины, раскаяния (например, **уйат** ЛСВ1 «стыдиться», **чалтан** ЛСВ1 «стесняться», ЛСВ2 «смущаться», **аарын** ЛСВ1 «стесняться», ЛСВ2 «смущаться») предполагают в процессе участие посторонних лиц, перед которыми стыдно, неудобно за неправильные действия, глаголы же **пыросын**, **пыролан** «чувствовать свою вину, извиняться» и **ачырған** (в ЛСВ2 «раскаиваться» и ЛСВ3 «сожалеть») обозначают глубоко интимную эмоцию, связанную с этической самооценкой и переживаемую субъектом глубоко в душе, в уединении, без свидетелей. Два глагола из данной микрогруппы на основании своих первичных значений состоят в других семантических подгруппах: глаголы **чалтан** (в ЛСВ1 «бояться» и в ЛСВ2 «робеть») – в подгруппе глаголов со значением страха, и **ачырған** (в ЛСВ1 «горевать») – в подгруппе глаголов печали, что свидетельствует об открытости границ между разными структурными уровнями как внутри ЛСГ, так и между отдельными ЛСГ. Анализ семантической структуры глаголов, а также подтверждающий иллюстративный материал показали, что значения глаголов являются наименее содержательными и наиболее частотными как в письменной, так и устной речи, что характеризует концептуальную специфику хакасского языка в выражении эмоционально-этической отрицательной оценки.

2.3. ГЛАГОЛЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ НЕЙТРАЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ

2.3.1. Глаголы со значением удивления

Глаголы со значением удивления представляют одну из подгрупп в ЛСГ глаголов со значением эмоции в хакасском языке. Глаголы с семантикой нейтральной эмоции уточняются в зависимости от семантики каузатора (объектного распространителя). Глаголы эмоции могут выступать

и в функции компонента косвенного экспрессива [Бочкарев, 2012]. «Представляя собой одну из фундаментальных эмоций, удивление выступает в качестве родовой характеристики *homo sapiens*, поскольку оно предвещает человеческое познание и стимулирует его развитие. Являясь неотъемлемым компонентом духовной культуры, эмоция удивления, при всей своей универсальности, проявляет в разных языках определенную специфику вербализации, обусловленную присущей говорящим субъективностью интерпретации окружающей действительности, что представляет несомненный интерес для лингвистики» [Дорофеева, 2002, с. 1].

Эмоции характеризуются интенсивностью проявления: высшая, нейтральная и низкая степень проявления эмоционального переживания или состояния. Л. И. Фомина, описывая состав и значения лексем, входящих в семантическое поле «удивления» в английском и русском языках, отмечает: «В случае *amazement* он испытывает замешательство, недоумение и растерянность, а переживание самого интенсивного из всего ряда состояния *astonishment* сопровождается, как правило, кратковременным прекращением работы сознания и характерными двигательными реакциями» [Фомина, 2006, с. 264]. Основные различительные семантические признаки глаголов удивления можно сформулировать как «кратковременность», «неожиданность», «странность».

Под глаголами удивления мы понимаем глаголы, выражающие эмоции, вызванные неожиданностью, непонятностью, странностью каких-либо явлений, ситуаций или предметов. В семантическом содержании членов микрогруппы удивления имеется сема, являющаяся общей для всех входящих в его состав лексических единиц, в нашем случае это интегральная сема «находиться в состоянии замешательства при неожиданной и непонятной ситуации». При этом глаголы удивления нейтральны к оппозиции «позитивные // негативные эмоции».

В хакасском языке семантика удивления представлена тремя частотными глаголами: **хайха**, **танна**, **чапсы**. В Хакасско-русском словаре эти глаголы представлены единообразно: удивляться, изумляться, поражаться, здесь не отражены частные семы, входящие в структуру значения отдельно взятого глагола [ХРС, 2006, с. 591, 786, 939]. Совпадение словарных дефиниций ЛСВ данных глаголов свидетельствует об их синонимичности. Однако случаи полного совпадения семантической структуры двух или более синонимов в любом языке достаточно редки, за исключением слов-дублетов. Традиционное понимание синонимов отразила А. А. Уфимцева: «Почти все определения синонимов сводятся к следующему – слова, близкие или тождественные по своему значению, обозначающие одно и то же понятие, но отличающиеся друг от друга либо оттенками, либо стилистической окраской» [Уфимцева, 1977, с. 49].

У названных глаголов актуализируются и другие дополнительные дифференциальные семы, выражающие особенности состояния удивления. Анализируя собранный нами фактический материал, мы применяли метод проб на взаимозаменяемость в одинаковых контекстах, поскольку возможность/невозможность взаимозаменяемости синонимов в тексте позволяет четко выделить дифференциальные семы в их семантике.

Дифференциальные семы значения глагола выявляются также в зависимости от семантики сочетающихся с ним слов (структурный тип дополнения, подлежащего, характер модели и т. д.). Идеальная модель глаголов удивления выглядит как субъект + объект удивления + глагол. У глаголов удивления предполагается обязательное соотношение с конкретным объектом реального мира.

Выразителем интегральной общей семы «находиться в состоянии замешательства при неожиданной и непонятной ситуации», свойственной всем глаголам удивления, является глагол **хайха** «удивляться». Будучи нейтральным, он характеризуется высокой употребительностью в речи и широкими возможностями сочетаемости, следовательно, он является доминантой данной синонимической группировки. Семантика данного глагола покрывает по смыслу все элементы микрогруппы и может их заменить в тексте. По сведениям О. Ю. Шагдуровой, данный глагол заимствован из монгольского языка и, как видим, сохранил свою семантику и в других южносибирских тюркских языках: «...алт. **кайка** «дивиться, удивляться», хак. **хайха** «дивиться, удивляться, поражаться; изумляться кому-л., чему-л.; восторгаться кем-л., чем-л.», шор. **кайга** «удивляться», тув. **кайга** «удивляться, изумляться, восторгаться» – монг. **γayiga** «удивляться, изумляться, дивиться, восторгаться» [Шагдурова, 2012, с. 52].

А. Т. Тыбыкова относит алтайский глагол **кайка** в значении «смотреть на кого-либо с уважением, удивлением, любоваться» к подгруппе глаголов со значением любви [Тыбыкова, 1991, с. 139].

Исходя из анализа материала, мы выделили следующие ЛСВ глагола **хайха**:

1) «удивляться». *Тасха матыр, хорыгарын даа ундуп салып, үр турган, хайхан, угаа сіліг аңа* (Ах, 58) – Богатырь Тасха, забыв даже страх, долго стоял, удивляясь этому красивому зверю. *Пастагы харны көр салып, пархачагым хайхады* (Хч, 1996, 162, 8) – Увидев первый снег, удивился [мой] внучок. *Амды хайхабин полбассың, ну чазы піди алыс парганына* (Кч, 4) – Теперь невозможно не удивляться тому, как эта степь изменилась;

2) «поражаться». *Гая, хызычаанзар көрібізін, позы даа хайхан парган: анзы, хойнындагы пистолетті сыгарып, немецер улап салып*

турган (Чх, 194) – Галя, посмотрев на дочку, и сама поразились: та, вытащив пистолет из-за пазухи, стояла, направив его к немцу. *Че иң тың апсахты анзы хайхатхан, хайди палазының палазы ылгааны, позының орайлатханына ачырганганы* (Ап, 188) – Но больше всего старика поразило то, как его внук плакал, огорчался тому, что он опоздал. *Аны көрiп, иб ээзи позы даа хайхап парган: чаачы, арачылагчыбыс, огыр итче* (Чх, 143) – Увидев это, хозяин дома и сам поразились: солдат, наш защитник, ворует;

3) «изумляться». *Апсах, мының чахсы атчатханын көрiп, хайхапча: «Ир полтырзың! Мин чиит туста идбк атчаң полгам!»* (Хп, 109) – Старик, видя, как тот хорошо стреляет, изумляется: «Ты мужчина, оказываешься! Я, когда был молодым, так же стрелял».

Глагол **хайха** часто, принимая аффикс деепричастной формы **-п**, сочетается с вспомогательным глаголом **пар** (букв. «идти») и как сложный глагол **хайхап пар** (обычно в прошедшем времени) имплицитно семы «неожиданность» и «внезапность»: – *О, Хан худаи! Иди алынма, палам! – хайхап парган Паях, оолгының адын пирерге теенине* (О, 57) – О, боже мой! Так не дури, [мой] сын! – удивилась Паях тому, что сын сказал, что хочет отдать коня. – *Син ам даа тiрiгзiң ме? – хахап парган хан* (Ах, 43) – Ты все еще живой, что ли? – удивился царь.

Глагол **таңна** синонимизируется с глаголом **хайха**, однако его семантика ограничена только двумя ЛСВ:

1) «удивляться». *Олганнар ла нимес, че улулар даа минiң көрiмiме таңначаңнар* (Птч, 132) – Не только дети, но и взрослые удивлялись тому, как я выгляжу (букв. «моему виду»). *Таңнабаңар, арғыстар, чолдагы тогазыга, ол көбленiс тогазиин полчаң, ол ыраххы чылтыстар чарши полчаң* (О, 59) – Не удивляйтесь, друзья, случайной встрече, это встреча любви, это свет далеких звезд;

2) «поражаться». *Мин таңнапчам, нога сагаа иди пасхачыл пiлдiрче кiзiнiң иче хынчатханы* (Хч, 2000, 132, 7) – Я поражаюсь, почему тебе кажется странным, что человек так любит маму. – *Хайди санап алчазың оларны? Пiр дее нiме көрiнминче нога, – таңнапчам мин* (Кч, 48) – Как ты можешь их считать? Ничего же не видно, – удивляюсь я.

Во всех контекстах, где реализуются эти ЛСВ значения глагола **таңна**, он может быть взаимозаменяем с глаголом **хайха**. Но оказалось, у глагола **хайха** не только семантика, но и грамматические возможности шире, чем у глагола **таңна**, которому не свойственно значение взаимности и совместности. Например, в предложении: *Муүстiг ине сыын палаларын Iзiг көлге читтирген. Олар тагда турганнар – хайхасханнар* (Ап, 173) – Рогатая маралиха своих маралят привела к Горячему озеру. Они стояли на горе – удивлялись [совместно] глагол **хайха** не может быть заменен глаголом **таңна**. Пробы на взаимозаменяемость выявили также другую особенность глагола **таңна**: он формально может принимать кау-

зативную форму, но семантически «не проходит» в таких контекстах, где глагол **хайха** свободно употребляется (в значении «удивил»): *Сіліг харахтары, иптіг чатчатхан сазы, ник пүдізі хайхатхан Аринаны* (Чт, 1998, 1, 4) – [Его] красивые глаза, аккуратно расчесанные волосы, крепкая фигура удивляли Арину. *Ол фестиваль аймах көглернең хайхатхан* (Чт, 1997, 157, 4) – Этот фестиваль удивил разными песнями. *Мини гимназияның ікі хадылыг туразы хайхатхан – пістің аалда андаг улуг туралар чох полган* (О, 8) – Меня удивило двухэтажное здание гимназии – в нашей деревне таких больших домов не было.

Глагол **чапсы** содержит в своем значении следующие ЛСВ:

1) «удивляться». *Пот, ам даа чапсыпчам, хайдаг олар чир хулахтар* (Т, 41) – Вот до сих пор удивляюсь, какие они ушастые (т. е. хорошо слышат). *Симеон постарының Палазынаңар іди чоохтанганына Иосиф паза Иисустың ічезі чапсааннар* (Чх, 13) – Иосиф и мама Иисуса удивились тому, что сказал Симеон об их Ребенке;

2) «восхищаться». *Алыптыг нымахтарны хыгырып, хакас тіліне тың чапсыпчам* (Чт, 96, 132, 1) – Читая богатырские сказания, восхищаюсь хакасским языком. *Прайзы аның хыйгазына паза нандырыгларына чапсаан* (Чх, 14) – Все восхищались его умом и ответами. *Ол талай осхас Байкалга, саны көп тоннельлерге чапсыпча* (Тс, 47) – Он восхищается Байкалом, похожим на море, многочисленными тоннелями.

Глагол **чапсы** может выражать также более тесные семантические связи концептов удивления и любопытства и интереса, т. е. в семантике происходит смешение сем удивления и интереса. В таких случаях в текстах глагол **чапсы** может быть взаимозаменяем с глаголами **чапсырха** и **чапсыхтан**. Примеры: – *Изен! Хосханах, хайди полдың?* – *удур хол тудып, чапсыпчам* (Хт, 1996, 2, 39) – Здравствуй! Хосханах (межд. удивления), что с тобой стряслось? – удивляюсь [я], протягивая руку навстречу. *Кабрис көзеелерзер чүгүрген. Көміскелерін көдіріп, ибіре чапсып көрглеен* (КМ, 8) – Кабрис побежал к курганам. Подняв брови, с интересом, смотрел вокруг.

Словообразовательная структура производных от **чапсы** глаголов **чапсырха** и **чапсыхтан** предполагает наличие словообразовательных аффиксов. Эти глаголы часто могут выступать в качестве деепричастия, тем самым выражать характер действия, обозначенного глаголом **көр** «смотреть». Следует отметить, подобная функция не свойственно глаголам **таңна** и **чапсы**.

Примеры: *Пабам магаа букварьны көрерге пирген. Мин, аның листтерін азып, угаа чапсырхап көрглеем: ол аймах-пасха сомның полган* (Тко, 12) – [Мой] отец дал мне посмотреть букварь. Я, открывая его страницы, смотрел с большим интересом: он был очень красочный. *Мин, аны харах албин, угаа чапсырхап, көрчеткебін: андаг хаңааны көрбеен полгам* (Тко, 9) – Я смотрел на нее, не отрывая взгляда, с большим интересом: я

раньше не видел такую телегу. *Апсахтар ол хусты, олганнар ла чили чапсырхап, көрчелер* (Хч, 1997, 144, 3) – Старики смотрят на эту птицу, с большим интересом, как дети. *Апсах, ол чазыларны мының алнында көрбеең чили, чапсырхап, хол салааларын түгдүр көміскезінзер чаба тудып, хатап-хатап көрчеткен* (Чх, 22) – Старик, прикрыв свои пышные брови пальцами, интересуясь, как будто раньше не видел этих полей, снова и снова смотрел на них. *Ол таныс нимес тураның істін чапсыхтамып, көрглеен* (А, 19) – Он с интересом смотрел на внутреннее убранство незнакомого дома. *Минзер, таныс нимес кізізер, чапсыхтана көр турыбысхан* (Лч, 1990, 224, 3) – На меня, незнакомого человека, с интересом стоял и смотрел.

Как видим, семантика глаголов **чапсы**, также производных от него глаголов **чапсырха** и **чапсыхтан** характеризуется как «удивление + любопытство» или же «удивление + интерес», более того у последних двух глаголов наблюдается в семантике смещение в сторону концепта «интерес». Обычно объектом удивления (интереса и любопытства) является положительное явление или ситуация. Эти два глагола относятся к глаголам удивления на основе своих вторичных значений: **чапсырха** «1) лакомиться чем-л.; есть что-л. с удовольствием; 2) относиться к кому-чему л. с любопытством; 3) восторгаться, восхищаться, 4) проявлять интерес к чему-л.»; **чапсыхтан** «1) проявлять интерес к кому-чему-л.; 2) удивляться».

Глагол **үрүк** имеет вторичное значение удивления. По своему основному значению он относится к глаголам страха. Интересным фактом является то, что он, изначально являясь глаголом страха, может обозначать удивление не только с отрицательным, но и положительным объектным распределителем. Выявлены следующие ЛСВ глагола **үрүк**:

1) «удивляться». *Миниң пічиме пір дее үрүкпеңер, мындаг улуғ частыг кізі пасча тіп* (Хч, 2001, 22, 4) – Моему письму вообще не удивляйтесь, мол, пишет такой старый человек. *Холында хайдаг-да тооп парган түктіг теері чаза тартып ала, өріністіг үрүккен* (Чч, 102) – Растягивая в руках какую-то шкурку с замерзшей шерстью, весело удивлялся;

2) «поражаться». *Мин үрүк паргам синиң абахай, чарых сырайыңзар көрібізін* (А, 152) – Я поразился, увидев твое красивое, светлое лицо.

Нужно отметить, что реализация того или иного ЛСВ глагола **үрүк** зависит от семантики окружающих членов предложения. Например, в предложении – *Ниме пол парды, Картин Харохович? – үрүгін, күлімзіреен ол* (Чч, 33) – Что случилось, Картин Харохович? – удивляясь, улыбаясь он глаголу **үрүк** в деепричастной форме придает значение удивления глагол **күлімзіре** «улыбаться». При выпадении же глагола **күлімзіре** «улыбаться» глагол **үрүк** приобрел бы значение «пугаться»: – *Ниме пол парды, Картин Харохович? – үрүккен ол* – Что случилось, Картин Харохович? – пугался он.

Таким образом, из рассмотренных нами шести глаголов удивления (**хайха, тагна, чапсы, чапсырха, чапсыхтан и ўрўк**) три последние глагола относятся к периферии данной микрогруппы, что свидетельствует о том, что удивление имеет тесные семантические связи с другими эмоциями – интересом, любопытством и страхом. Как и другие эмоциональные состояния, удивление может иметь положительный, отрицательный или нейтральный оттенки, что зависит от характера ситуации или же явления. Если же ситуация или объект представляет опасность для субъекта, то его удивление может перейти в страх. А если же ситуация или явление не представляет опасности, то это удивление-интерес и удивление-любопытство. Если же ситуация или явление представляется приятной, то это удивление-радость. Идеальная модель управления глаголов удивления: субъект + объект + глагол. В определении характера удивления особую роль играет объект, т. е. описание ситуации или же явления.

2.3.2. Глаголы со значением беспокойства

Глаголы данного синонимического ряда объединены общей инвариантнойемой «нарушение внутреннего спокойствия субъекта». Доминантой ряда является многозначный частотный глагол **сагыссыра** «беспокоиться», его значение в Хакасско-русском словаре представлено двумя ЛСВ: 1) беспокоиться; 2) заботиться [ХРС, 2006, с. 428]. Анализ собранного нами материала выдал нам следующие ЛСВ данного глагола:

- 1) «заботиться». *Зоя туңмызынаңар тың сагыссырачаң, че андаг даа полза, хатыглачаң* (ЗпШп, 79) – Зоя очень заботилась о своем братишке, но в то же время была строга к нему. *Позыңарга хоргыс чох поларынаңар поэңар сагыссыраңар* (Хч, 1999, 158, 8) – Сами заботьтесь о своей безопасности;
- 2) «быть чрезмерно озабоченным». *Ўгреніс ўчўн тўлег прайзын сагыссыратча* – Все озабочены оплатой за учебу;
- 3) «беспокоиться». *Палаларыңа сагыссыраба, прайзын, ўгредіп, чуртас чолына кир салгазың* (Хч, 1988, 104, 4) – Не беспокойся о своих детях, ты всех выучил и поставил на ноги. *Суворов солдаттарга чахсы хайчаң, олардаңар сагыссырачаң* (Птч, 135) – Суворов хорошо относился к солдатам, беспокоился о них;
- 4) «думать». *Хараа тооза марыглардаңар сагыссыраам* (Хч, 1996, 64, 3) – [Я] всю ночь думал о соревнованиях. *Пурунғыларыбысты ундуттин, чиит тўлдеңер сагыссырааңар* (Хч, 1997, 168, 4) – Не забывая о своих предках, давайте будем думать о своих потомках;
- 5) «волноваться». *Чон аразында аннаңар хайдаг даа чоохтар чўрзе, агаа сагыссырачаң ниме чоғыл* (По, 23) – Хоть в народе о нем ходят разные слухи, ему не о чем волноваться. *Кемнің-де хызычағы, –*

- сагын салгам мин, – Аны ибде сагыпчалар, сагыссырапчалар* (ЗпШп, 194) – Чья-то дочь, – подумал я, – Ее дома ждут, волнуются;
- б) «печья». *Олар постарының пайирынаңар ла сагыссырачаңнар, че чон хайди өзөкчеткенін паза хызылчатханын көрбечеңнер* (Птч, 89) – Они пеклись только о своем обогащении, но не видели, как народ голодает и бедствует;
- 7) «переживать». *Иней сагыссырапча: Марасха пу чыл школа парарга. Хайдаң кип-азах алчаң* (Х, 3) – Бабушка переживает: Марасу нынче идти в школу, где брать одежду.

Следует отметить, что глагол **сагыссыра** образован от основы **сагыс** «мысль, дума», мотивированность значения которой частично стерлась при выражении эмоции. Но его ЛСВ «думать» делает акцент на данный признак.

Фонетические варианты глагола **чүрексі / чүрексін / чүрексіре** «волноваться» образованы от существительного **чүрек** «сердце». *Хыс, хынганын сахтап, чүрексінче* – Девушка волнуется в ожидании своего любимого. *Мин угаа тың чүрексінгем. Андар парчатханыма позым даа киртін полбинчатхам* (Хп, 3) – Я очень волновался. Даже сам не верил тому, что ехал туда. *Сыдазам ма, чох па пу тогыста. Мин позым даа чүрексінчем, туртухчам* (Хч, 1998, 9, 1) – Выдержу ли, нет на этой работе. Я и сам волнуюсь, робею. *Лениннің кабинетіндер кірер алында угаа чүрексіреп, андартын көңілері көдіріл парған, чалахай сыххлачаңнар* (По, 115) – Все очень волновались перед тем, как заходить в кабинет Ленина, но оттуда выходили с приподнятым настроением.

Чилексі саг. волноваться в предчувствии *чеге-л.*, заранее возбуждаться, тревожиться, беспокоиться; **чилексіп, узуп полбадым** в тревоге [я] не могу заснуть; оолгымның үчүн чилексіпчем беспокоюсь за сына [ХРС, 2006, с. 967]. *Алиман ибде чох пол парған, мин сахтаам паза чилексеем* – Алимана не оказалось дома, я ждал и волновался.

В Хакасско-русском словаре обнаружены также глаголы, которые, насколько нам известно, не используются в языке и речи:

суудирға «1) *разг. неодобр.* нуждаться, испытывать потребность, необходимость *в ком-л., чем-л.*; 2) задумываться, беспокоиться, тревожиться о ком-л., чем-л.; ср. **сагыссырирға; нимее суудабыстың?** О чем тревожишься?» [ХРС, 2006, с. 524].

таларға II «1) беспокоиться, заботиться; **ам нимее агаа талчазың?** Ну что [ты] о нем беспокоишься? **Син магаа талба** ты не беспокойся обо мне; 2) *в отриц. форме* быть равнодушным, беззаботным; не обращать внимания на что-л.; **нимее талбас кізі** беззаботный (беспечный) человек» [ХРС, 2006: 580].

үймирге «волноваться, тревожиться; **мин агаа үйменчем** я очень полную о нем» [ХРС, 2006, с. 449].

Всего в хакасском языке, по нашим подсчетам, 6 глаголов со значением беспокойства, все из них, за исключением **суудирга**, не выходят за пределы обозначения беспокойства, и, как правило, эти глаголы наделены более конкретным значением. Наиболее употребительными являются глаголы **сагыссыра** и **чўрекси**.

2.4. ГЛАГОЛЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЭМОЦИИ

Глаголы со значением смеха и плача (антонимические и синонимические корреляции)

Антонимические отношения как между отдельными глаголами, так и между противопоставленными по семантике микрогруппами – есть одно из основных проявлений внутрисистемной парадигматики ЛСГ. Как отмечает Ф. П. Филин, синонимические и антонимические отношения – два наиболее важных, конструктивно значимых вида семантических связей слов в структуре ЛСГ [Филин, 1982, с. 27].

Глаголы со значением смеха, как и глаголы со значением плача, представляют отдельные подгруппы в составе ЛСГ глаголов эмоции. Однако по признаку воспроизведения звуков смеха и плача они приближены к ЛСГ глаголов звучания. М. Г. Усманова глаголы смеха в башкирском языке относит к ЛСГ глаголов звучания, выделяя их в особую подгруппу глаголов звучания, издаваемых человеком (не связанных с его речью) [Усманова, 2002, с. 32]. Ю. А. Кузнецов лексические единицы русского языка, обозначающие смех, выводит в отдельное лексико-семантическое поле, при этом отмечает, что они находятся на пересечении нескольких семантических группировок – эмоций, звукообозначений, мимики, жестов, межличностных отношений [Кузнецов, 2005, с. 6]. Мы же глаголы со значениями смеха и плача выводим в отдельные подгруппы в составе ЛСГ глаголов эмоции. На наш взгляд, смех и плач – это яркие эмоции, проявляющиеся издаванием звуков, свойственных для еще более конкретных проявлений этих эмоций.

Отличительной (от других членов ЛСГ глаголов эмоции) особенностью глаголов смеха и плача является то, что они обозначают не пребывание субъекта в каком-либо эмоциональном состоянии (переживании), а внешнее проявление эмоционального состояния (глаголы смеха – положительного, а глаголы плача – отрицательного). Однако деление эмоций на положительные и отрицательные требует некоторого уточнения, так как в некоторых ситуациях негативные эмоции могут быть направлены на хороший, справедливый результат или же, такая противоречивая эмоция, как, злорадство, от которого сам субъект получает удовольствие, оценивается как негативная. По этому поводу американский психолог

К. Э. Изард пишет: «...вспышка гнева может способствовать выживанию индивида или чаще – защите личного достоинства, сохранению личностной целостности, исправлению социальной несправедливости. Полезным для выживания может стать и страх; он, как и стыд, выступает регулятором агрессивности и служит утверждению социального порядка» [Изард, 1999, с. 3]. В нашем случае также отмечается выражение глаголами смеха отрицательных эмоций, когда причиной смеха (или улыбки) может быть, например, растерянность, страх, злость и т. д. *Ол, аргызын үдөзип, хомзыныстыг ла күлүмзиреен* – Он, провожая друга, только грустно улыбался; *Күлүнче, позы ылганча* (Хх, 50) – Улыбаётся, а сам плачет; *Ол, хатхырза даа, мин көргөм: аның істінде изі чох полган* (Д, 26) – Она, хоть и улыбалась, я видел: в душе ей было тяжело. Также плач может быть вызван положительной эмоцией, например, от радости, восхищения, гордости и т. д. *Күн тооза чөскіннеп, избер айланганда, Ян өрिंगеніне ылгамзырабысхан* – стол кистінде харибдең позыдылган пабазы одырчатхан (Тс, 6) – Ян где-то шатался целый день, и когда пришел домой, от радости прослезился – за столом сидел вернувшийся из тюрьмы отец.

С точки зрения физиологии, «при смехе после вдоха следует не один, а целый ряд продолжающихся иногда долго коротких спазматических выдыханий при открытой голосовой щели; если голосовые связки приводятся при этом в колебательные движения, то получается громкий, звонкий смех – *хохот*; если же связки остаются в покое, то смех бывает тихим, беззвучным... Что касается мимики при смехе, то она обуславливается сокращением определённых групп лицевых мышц, придающих лицу известное выражение, свойственное смеющемуся человеку. Есть много общего в изменениях дыхания и мимики при смехе и плаче или рыданиях, вследствие чего эти состояния, с внешней стороны, могут быть смешаны между собой, а у детей эти состояния даже легко переходят друг в друга» [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Смех>]. Плач «представляет ряд видоизмененных дыхательных движений с сопровождающей их особой мимикой и слезотечением. Характерны изменения дыхания – что вслед за вдыханием следует не одно выдыхание, а ряд то коротких, то протяжных выдыханий с весьма изменчивым ритмом – то отличным, то напоминающим ритм при смехе; и так как дыхательная щель в течение всего времени бывает открыта и голосовые связки приводятся в характерные колебательные движения, то плач, подобно смеху, сопровождается рядом весьма разнообразных голосовых звуков, то протяжных, то отрывочных, свойственных данному акту [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Плач>]. Поскольку с физиологической точки зрения явления плача и смеха очень близки друг другу, естественно ожидать в лексических микросистемах, описывающих эти явления, также значительных сходств и пытаться описывать их вместе.

Ядро подгруппы глаголов смеха представляют наиболее употребительные нейтральные глаголы: **хатхыр** «смеяться (громко), хохотать» [ХРС, 2006, с. 824], **күлүн**, который соответствует русскому «улыбаться» [ХРС 2006, с. 824], семантики которых характерны для всех языков. Производный от корня **күл** глагол **күлүмзіре** «улыбаться слегка, чуть заметно» является также частотным и обозначает улыбку в своем основном ЛСВ.

Однокоренные названным глаголам **хатхыраңна** «посмеиваться, насмехаться, посмеиваться над кем-л., чем-л.» [ХРС, 2006, с. 824] и **күл** «1) улыбаться, смеяться, усмехаться; 2) высмеивать кого-л., насмехаться над кем-л.; позорить кого-л.» [ХРС, 2006, с. 213] синонимизируются по признаку «насмехаться над кем-л. или чем-л.» и характеризуются негативным отношением к реципиенту. Г. А. Сисалиева сформулировала общее определение семантики глаголов со значением насмешки таким образом: «Совершая действие: вербальное устное, письменное (добродушно, дружелюбно, зло и т. д.), кинесическое, субъект хочет, чтоб объект предстал смешным в глазах людей. Субъект также может испытывать от своего действия удовольствие, унижая объект... Смех... может считаться неуместным, грубым или даже кощунственным» [Сисалиева, 2009, с. 789]. Глаголы **хатхыраңна** и **күл** в первичных ЛСВ обозначают «улыбаться». Глагол **хатхыраңна** образован от корня **хатхыр** «смеяться» при помощи словообразующего аффикса **-аңна**, который превносит в семантику данного глагола сему «слегка, чуть-чуть». Таким образом, глагол **хатхыраңна** обозначает «пытаться улыбаться в неловкой ситуации». *Ол нима дее нандырчаан пілбин, хатхыраңнаан* – Он, не зная, что и ответить, **делал вид, что улыбается**. Во вторичных ЛСВ своего значения глаголы **хатхыраңна** и **күл** находятся на пограничной зоне глаголов смеха и поведения. *Улуг тарыхта даа полза, хан, чалгана, күлген хысар* – Царь, хоть и был сильно разгневан, умоляя, **улыбался** девушке. При реализации ЛСВ «насмехаться» значения этих глаголов в контексте обычно процесс направлен на адресата насмешки, выраженным именем в д. п. Хотя процесс насмешки с этической точки зрения оценивается как отрицательный, но для самого субъекта (насмехающегося) он является стимулом для положительной эмоции – удовольствия.

Фонетические варианты стилистически окрашенных глаголов **ырсай** *разг., груб.* «1) выступать, выдаваться, торчать (напр. о верхних зубах, о нитках при шитье); 2) оскаливать, скалить (зубы); 3) улыбаться, оскаливая зубы; оскалиться» [ХРС, 2006, с. 1046], **ырчай** то же, что и **ырсай** [ХРС, 2006, с. 1047], обозначают смех также во вторичном ЛСВ.

Глаголы **эре** «1) закатываться (смехом, кашлем, слезами); 2) хохотать, смеяться» [ХРС, 2006, с. 1060] и **талчых** обозначают высокую степень интенсивности смеха. В ХРС глаголу **талчых** дается толкование «лишаться чувств, терять сознание»; *ізігдең талчыгарга* «а) изнемогать

(обессилеть) от жары; б) задохнуться от жары» [ХРС, 2006, с. 584]. Хотя словарная статья глагола **талчых** не отражает его семантическую связь с процессом смеха, следует отметить, что она все-таки обеспечивается за счет наличия дифференциальной семы в его семантике. *Нимее иди талчыхчазың?* – Что ты так **закатываешься смехом**? Также контекстуальное значение смеха может иметь глагол **чалбай** «1) сплющиваться, делаться плоским; 2) быть широким; 3) *перен., разг.* широко, радостно улыбаться; расплываться в улыбке; *Кемге пиди чалбайбыстың?* Перед кем это ты **расплываешься**? *Палачах чалбайча* [грудной] ребёнок **проявляет радость, улыбаясь**» [ХРС, 2006, с. 932]. В данном случае признак смеха глаголу **чалбай** придает его синтагматическая связь с производителем процесса, т. е. одушевленным субъектом.

Глаголы **ырчанна** «разг., груб. хихикать, смеяться (*развязно*), смеяться (*по поводу и без повода*)» [ХРС, 2006: 1048], и **кідіре** «смеяться раскатисто, гоготать» имеют экспрессивный характер. Глагол **кідіре** отсутствует в ХРС, есть лишь его каузативная форма **кідірет** «производить раскатистые (дробные) звуки; *кідіреде хатхырага* «раскатисто смеяться»; *кідіреде сегіреге* «плясать, выбивая дробь» [ХРС, 2006, с. 175]. На наш взгляд, второй иллюстративный пример выбран не совсем удачно, так как глагол **кідіре** больше связан с процессом смеха. Более правильным переводом выражения «плясать, выбивая дробь» на хакасский язык считаем *тычырада сегіреге* (глагол **тычыра** «трещать, потрескивать, хрустеть»; *сынган салаалар тычырап түсче* – «сломанные ветки падают с треском»; *одың тычырап кійче* – «дрова горят, потрескивая» [ХРС, 2006, с. 710].

Нами зафиксированы также малоупотребительные глаголы **ниде** «закатываться смехом, смеяться беззвучно» (близкий по значению глаголу **талчых** «закатываться смехом») и **кимзей** «слегка улыбаться беззубым ртом», значения которых выведены из анализа нашего материала. В Хакасско-русском словаре эти глаголы отсутствуют. Возможно, значение глагола ассоциативно связано с глаголом **кимзій** «выступать вперед (о челюсти)» [ХРС, 2006, с. 164].

В Хакасско-русском словаре обнаружены также глаголы **кїзеңне** «чуть-чуть улыбаться»; *кїзеңнеп чоохтанарга* «говорить, улыбаясь (с улыбкой)» [ХРС, 2006, с. 175] и **мызай** «слегка улыбаться (одними губами)»; *ир кїзі мызай салган* «мужчина слегка улыбнулся» [ХРС, 2006, с. 260]. Однако в современном хакасском языке эти глаголы не используются, и мы не обнаружили ни одного примера их употребления. Возможно, они были вытеснены из речи ныне действующими глаголами со значением улыбки и перешли в разряд архаизмов.

Таким образом, наша картотека насчитывает всего 16 глаголов со значением смеха. Все они объединяются по общему признаку «издавать смех при переживании таких чувств, как радость, веселье, злость, злорад-

ство и др.» и выражают положительные, реже отрицательные эмоции определенным способом (в виде смеха).

Базовым глаголом в подгруппе глаголов смеха является стилистически нейтральный и обладающий широкой сочетаемостью глагол **хатхыр** «смеяться». Все глаголы смеха по семе «интенсивность воспроизведения смеха» выделены на три синонимических ряда:

а) смех высокой интенсивности:

ээрэ «закатываться (смехом, кашлем, слезами): хохотать, смеяться». *Мойнына читіре хызарып, сым-туюххан чоо ээреен Кабрүс* (Кх, 131) – Краснея до шеи, Кабрүс сильно **хохотал** украдкой;

талчых в ЛСВ «закатываться смехом». *Кабрис, чоогын тоос полбин, чоо талчыхча* – Кабрис так **закатывается смехом**, что не может закончить свой рассказ. *Пірде піреезін кистінең хат парган тобырахнаң ызыладыбысчалар, анаң на паарлары көскенче талчыхчалар* (А, 33) – Иногда закидают кого-нибудь в спину затвердевшей грязью и **закатываются смехом**.

ниде «закатываться смехом, смеяться беззвучно». *Катя, иидеп на-рыбызып, аның көксінзер пазын салча* (Хх, 45) – Катя, **давясь от смеха**, кладет [свою] голову ему на плечо.

Доминанта синонимического ряда – глагол **ээрэ**.

б) смех обычной интенсивности:

хатхыр «смеяться, хохотать». – *Амды Девяткин чойлап сыгар, – хатхырыбысхан Степа* (О, 45) – Сейчас Девяткин начнет врать, – **засмеялся** Степа.

ырчанна «хихикать, смеяться (развязно), смеяться (по поводу и без повода)». *Пабам трактор күүлезінең тыңох иде кўзүреде ырчаннабысхан* (Ткө, 27) – [Мой] отец **захохотал**, заглушая гул трактора.

кідіре «смеяться громко, раскатисто». *Хамаанаң тирін чысхлап, прайзынаң хада кідірепче* Кимовна (Ат, 140) – Вытирая пот со лба, вместе со всеми **смеётся** Кимовна. *Ол Пасекты көр салып, тогылах сырайына толдыра кідіребіскен* (КМ, 22) – Он **засмеялся** (букв. «на все свое круглое лицо»), увидев Пасека.

Доминантой синонимического ряда является глагол **хатхыр** «смеяться».

Следует отметить, что глаголы данного синонимического ряда могут обозначать также смех высокой интенсивности при сочетании с соответствующими конкретизаторами, выражающими усиление действия, например, вполне нормальные выражения типа **чоо хатхыр** «сильно смеяться», **хайдадар ырчанна** «чересчур хохотать», **матап кідіре** «сильно смеяться».

в) смех низкой интенсивности:

күлін «улыбаться». *Андада Сарыг Пазычах, көблче ырын тохтадып, сылтаг чох күлін салча* (Кх, 11) – Тогда Сарыг Пазычах, прекращая свое пение, без причины **улыбается**.

күл «насмехаться, улыбаться». *Хызычах, хара харагастарынаң мин-зер көріп, паарсах күлген* – Девочка, смотря на меня своими черными глазами, дружелюбно улыбалась.

күлімзіре «улыбаться слегка, чуть заметно». *Шишкин күлімзіребіс-кен: – Син андаг махачы полган ползаң, нога тискезің немецтердең* (Лч, 1990, 16 июнь) – Шишкин **заулыбался**: – Если ты такой смелый, почему же сбежал от немцев.

ырсай в ЛСВ «улыбаться, оскаливая зубы; оскалиться». – *Чарир, чарир, – ипчизи сырайына толдыра ырсайча* (Хо, 8) – Хватит, хватит, – [его] жена **широко улыбается** (букв. «на все лицо»).

ырчай в ЛСВ «улыбаться, оскаливая зубы; оскалиться». *Ол хара чүзіне толдыра тістерінең чалтырап ырчайча* (Хт, А, 95, № 2, 42) – Он широко (букв. «блестя зубами на все своё черное лицо») улыбается.

чалбай в ЛСВ «широко, радостно улыбаться; расплываться в улыбке». *Наа чаап парган аппагас харны көр салып, ол таң өрінгеніне бе, таң хайхаанына ба сырайына толдыра чалбайыбысхан* – Увидев выпавший белый пушистый снег, он то ли от радости, то ли от удивления широко (букв. «на все лицо») **улыбнулся**. Как видим из примеров, глаголы **ыр-сай**, **ырчай** и **чалбай** могут быть выделены по мимическому критерию «широкое раскрытие рта» в один ряд.

кимзей «улыбаться слегка беззубым ртом». *Улуг кізілер, айнаның чоо агырганын кем көрді ни тіп, кимзейіс салганнар* (Хч, 2001, 4, 7) – Пожилые люди **улыбнулись**, говоря, кто видел, как болеет черт.

хатхыранна «посмеиваться, насмехаться, посмеиваться над кем-л., чем-л.». *Пычон, наа килген кізее чойырхан, хатхыраңнаан* – Пычон улыбался, заискивая перед незнакомцем.

Доминанта данного ряда – глагол **күлін** «улыбаться».

Глаголов со значением плача в хакасском языке, по данным нашего материала, насчитывается 7. Они объединяются в одну семантическую подгруппу по наличию в своем значении интегральной семы «издавать плач, выражая горе, боль, страдание, реже радость, восторг и т. д.». Базовым глаголом является стилистически нейтральный и наиболее частотный глагол **ылга** «плакать». И. Ю. Самойлова, анализируя русские глаголы **плакать** и **смеяться** как средство выражения внутреннего мира человека в поэзии И. Бродского, отмечает, что глагол **плакать** в поэтических текстах И. Бродского выражает не только реакцию на негативные чувства, но и способность, которая присуща человеку уже при рождении, ибо это первый звук, издаваемый человеком и воспринимаемый окружающими как свидетельство его жизнеспособности [Самойлова, 2011, с.

14]. Как и в русском языке, хакасский глагол **ылга** «плакать» также обозначает первый звук человека при рождении.

В целом, глаголы данной подгруппы по степени воспроизведения (интенсивности) плача, так же, как и глаголы смеха, образуют три синонимических ряда:

а) плач высокой интенсивности:

Глаголы **марла** «1) реветь (о животных); 2) *разг.* реветь; громко плакать (о людях)» [ХРС, 2006, с. 235] и **орла** «реветь (о животных); *разг.* орать (о людях)» [ХРС, 2006, с. 307] в первичных своих ЛСВ обозначают рев животных, во вторичных ЛСВ могут обозначать громкий плач. Как показывает словарная дефиниция глагола **орла**, его семантика нейтральна к признаку плача. *Аба чили орланча – Орет* (ревет) как медведь. В отношении людей возможно употребление данного глагола, если человек орет громко, однако чаще он применим в случае плача. Исходя из контекстов, мы выводим такое толкование к данному глаголу «громко плакать, реветь, рыдать; орать». Глаголы **марла** и **орла** согласно первичным ЛСВ относятся к ЛСГ глаголов звучания, к разряду глаголов плача они переходят с пометой «очень громко плакать». *Кем анда марланча? – Кто там ревет? Тун хараада Коланың ипчизінің ачыг орлааны истілген – В тёмную ночь было слышно, как горько рыдала жена Колы.*

К этим двум глаголам по семе «громко плакать» приближается также глагол **сарла** «1) громко, с визгом плакать; 2) громко, с визгом кричать, орать», который не зафиксирован в ХРС. *Зойка, немец позынзар чагдапчатханда, тың хысхырып, сарлаан* – Зойка громко и **сильно плакала** (букв. «сильно (крича)»), когда немец подходил к ней. Следует отметить, что все эти три глагола одинаково частотны, поэтому среди них выделить доминанту представляется затруднительным.

б) плач обычной интенсивности:

Доминанта подгруппы глаголов плача – **ылга** «плакать», который соответствует русскому глаголу «плакать». Хакасско-русский словарь дает только одно значение данного глагола «плакать» [ХРС, 2006, с. 1039]. *Сынап ол тее халзаң, сагаа пір дее кізі ылгабас* (Хх, 138) – Если даже и помрешь, над тобой никто **не будет плакать**. *Ылгабысхан Харахан, малына айабызып* (Ах, 69) – **Заплакал** Черный царь, пожалев свой скот.

Следующий по частотности глагол **сыхта** «горько плакать, рыдать, причитать» [ХРС, 2006, с. 562]. *Прайзы ол хызычахха сыхтаан* – Все **рыдали** об этой девочке. *Син сыхтапчазың ма? Мині харах частыг үдезерге чарабас* (Кх, 188) – Ты **плачешь** что ли? Меня нельзя провожать со слезами. *Ичемні ирге тудыбох хондыртырлар. Амга теере сыхтапча* (Кх, 24) – Мою маму, оказывается, украли и выдали замуж. До сих пор **плачет**.

Нужно добавить, что глаголы данного ряда **ылҕа** и **сыхта**, так же, как и глаголы обычной интенсивности смеха, могут обозначать процесс высокой интенсивности, сочетаясь с соответствующими обстоятельственными словами.

в) плач низкой интенсивности:

сүркүңне «всхлипывать» [ХРС, 2006, с. 533]. – *Джамиля! Джамиля! – сүркүңнеем мин, харах частарыма пурлугуй* – Джамиля! Джамиля! – всхлипывал я, захлебываясь слезами.

Производный глагол от **ылҕа** – **ылҕамзыра** «1) прослезиться; захныкать; 2) делать вид, что плачешь, притворяться плачущим» [ХРС, 2006, с. 1039]. *Ол тылаасты ис салып, ничем ылҕамзырабысхан* – Услышав такую новость, [моя] сестра **прослезилась**.

В Хакасско-русском словаре есть также глагол **сыгыт** «прост. заливаться слезами» [ХРС, 2006, с. 544], который в хакасском языке малоупотребителен. Нами зафиксирован лишь производный от него глагол **сыгыдын**, значение которого исходя из текста толкуется нами как «тихо, беззвучно плакать». *Ол, ичезине күрлеткен олган чили, сыгыдынча* – Он **плачет** тихо, как ребенок, наказанный матерью.

Доминанта данного синонимического ряда – **сүркүңне** «всхлипывать».

Ю. А. Кузнецов синонимический ряд глаголов со значением смеха в русском языке различает по следующим смысловым признакам: 1) характер звука и мимика субъекта; 2) каузатор эмоционального состояния; 3) характер манифестируемого чувства; 4) интенсивность внешнего проявления эмоционального состояния и наличие самоконтроля; 5) длительность состояния; 6) тип субъекта; 7) обозначение свойственной субъекту манеры смеяться; 8) оценка обозначаемого состояния [Кузнецов, 2005, с. 17]. Данные семантические параметры глаголов смеха отмечены с учетом синтагматического окружения глаголов смеха, и они являются релевантными для более полного описания рассматриваемых глаголов. Мы также в ходе анализа семантики глаголов смеха и плача применяли как парадигматические, так и синтагматические параметры.

Основными общими признаками противоположных по семантике подгрупп глаголов смеха и плача являются выражение разных степеней интенсивности проявления эмоций, что обеспечивает данным подгруппам градуальный тип внутренней организации. Наряду со степенями интенсивности проявления эмоций, также является основанием внутрисистемных отношений глаголов и характер звучания. Таким образом, глаголы смеха и плача находятся в семантической оппозиции, опирающейся на такие основные качественные характеристики, как интенсивность и звучание. Внутренне противопоставленными по данным признакам являются не только отдельные синонимические ряды глаголов внутри подгрупп глаголов смеха и плача, но и отдельные лексемы. Семы «широкое рас-

крытие рта», «наличие слез» и «обнажая зубы» характерны для семантики отдельных глаголов. Выявленные общие семы в семантике исследуемых глаголов обеспечивают синонимические и антонимические отношения как между отдельными глаголами, так и между подгруппами.

Ниже в таблице 1 показано распределение значений семантических признаков в рассматриваемых глаголах, наличие тех или иных сем обозначается знаком +. Отсутствие знаков в клетках обозначает немаркированность глаголов указанными семами.

Таблица 1

№	Глаголы	Интенсивность эмоции		Спазматические выдохи	Наличие звучания		Мимические признаки			
					есть	нет				
	со значением положит. эмоции («смех»)	высокая	низкая							
1	<i>ээрэ</i> «закатываться (смехом, кашлем, слезами) 2) хохотать, смеяться».	+		+	+			+		+
2	<i>талчых</i> в ЛСВ «закатываться смехом».	+		+		+		-		+
3	<i>ииде</i> «закатываться смехом, давиться от смеха»	+		+		+		-		+
4	<i>хатхыр</i> «смеяться, хохотать».			+	+			+	+	
5	<i>ырцаңна</i> «хихикать, смеяться (развязно), смеяться (по поводу и без повода)».			+	+			+	+	
6	<i>кідіре</i> «смеяться громко, раскатисто».	+		+	+			+		
7	<i>күлін</i> «улыбаться».		+				+			
8	<i>күл</i> «улыбаться, смеяться, усмехаться».		+				+			
9	<i>хатхыраңна</i> «посмеиваться, насмеяться, посмеиваться над кем-л., чем-л.».		+	+		+				
10	<i>күлімзіре</i> «улыбаться слегка, чуть заметно».		+	-			+			
11	<i>ырсай/ ырчай</i> в ЛСВ «улыбаться, обнажая зубы; оскалиться».		+	-			+		+	

12	<i>чалбай</i> в ЛСВ «широко, радостно улыбаться; расплываться в улыбке».	+		-			+	+		
13	<i>кимзей</i> «слегка улыбаться беззубым ртом».		+				+	-	-	
	со значением отрицат. эмоции («плач»)									
1	<i>марла</i> в ЛСВ «реветь; громко плакать (о людях)».	+		+		+			+	
2	<i>орла</i> в ЛСВ «громко плакать; выть; орать, рыдая»	+		+		+			+	
3	<i>сарла</i> в ЛСВ «громко с визгом плакать».	+		+		+			+	
4	<i>ылга</i> «плакать».			+		+				+
5	<i>сыхта</i> «горько плакать, рыдать, причитать».			+		+			+	+
6	<i>сүркүңне</i> «всхлипывать»		+	+			+			+
7	<i>ылгамзыра</i> «1) прослезиться; захныкать; 2) делать вид, что плачешь, притворяться плачущим».		+	+			+	+		+
8	<i>сыгыдын</i> «тихо, беззвучно плакать».		+	+			+	+		+

В семантике наиболее употребительных глаголов по одному и тому же признаку могут содержаться по две противоположные семы. Например, глаголы смеха **хатхыр** «смеяться, хохотать», **ырчанна** «хихикать, смеяться (*развязно*), смеяться (*по поводу и без повода*)», **кідіре** «смеяться громко, раскатисто» и глаголы плача **ылга-** «плакать» и **сыхта** «горько плакать, рыдать, причитать» могут обозначать процесс как обычной, так и высокой интенсивности. Высокую интенсивность процесса они могут выражать, как было отмечено ранее, при сочетании с соответствующими обстоятельствами, однако исключается сочетание названных глаголов с обстоятельствами, показывающими низкую интенсивность. Например, вполне уместны и нормальны выражения типа смеяться, хохотать, плакать или причитать сильно, но нельзя сказать смеяться, хохотать, плакать чуть-чуть, немного... Также обращают на себя внимание глаголы **хатхыр** «смеяться, хохотать». **ырчанна** «хихикать, смеяться (*развязно*), смеяться

(по поводу и без повода)» и **ылга** «плакать» тем фактом, что по признаку «звучание» могут обозначать как громкий, так и тихий процесс, что обеспечивается также сочетанием с соответствующими словами. Считаем, что такие возможности названных частотных глаголов объясняются малосодержательностью (нейтральностью) их семантики и широкой сочетаемостью.

Семантика глаголов смеха, так же как и глаголов плача, маркированная одинаковыми семами, предопределяет не только синонимические, но и антонимические отношения внутри данных подгрупп. По признаку «интенсивность» три синонимических ряда глаголов со значением смеха находятся в антонимических отношениях с тремя синонимическими рядами глаголов со значением плача, т. е. противопоставление данных синонимических рядов производится по степени интенсивности выражения эмоций. Например, глаголы высокой интенсивности смеха: **эре** «закатываться (смехом, кашлем, слезами) 2) хохотать, смеяться», **талчых** в ЛСВ «закатываться смехом», **ииде** «закатываться смехом, смеяться беззвучно» антонимически противопоставлены глаголам высокой интенсивности плача **марла** в ЛСВ «реветь; громко плакать (о людях)», **орла** в ЛСВ «громко плакать; выть; орать, рыдая», **сарла** в ЛСВ «громко с визгом плакать».

Также по выше указанному признаку «звучание» рассматриваются антонимические взаимоотношения отдельно взятых глаголов как внутри подгруппы, так и между противопоставленными подгруппами. Например, два базовых глагола, **хатхыр** «смеяться» и **ылга** «плакать», являются антонимами по общности признаков высокой и обычной интенсивности и по громкому и тихому звучанию.

Таким образом, исходя из данных таблицы 1, выводится таблица 2, в которой указываются антонимические отношения глаголов смеха и плача. Следует отметить, подобным, антонимическим соотношениям могут подвергаться любые из членов противопоставленных синонимических рядов. Об антонимических отношениях глаголов смеха и плача свидетельствуют совпадения их дифференциальных сем по рассматриваемым параметрам.

Таблица 2

Глаголы со значением смеха	Звучание	Интенсивность	Глаголы со значением плача
антонимический ряд 1			
эре «закатываться (смехом, кашлем, слезами) 2) хохотать, смеяться»	громкое	высокая	марла в ЛСВ «реветь; громко плакать (о людях)».

<i>талчы</i> в ЛСВ «закатываться смехом», <i>инде</i> «закатываться смехом, давиться от смеха».		высокая	<i>орла</i> в ЛСВ «громко плакать; выть; орать, рыдая», <i>сарла</i> в ЛСВ «громко с визгом плакать».
антонимический ряд 2			
<i>кідіре</i> «смеяться громко, раскатисто».	громкое	нейтральная	<i>сыхта</i> «горько плакать, рыдать, причитать».
<i>хатхыр</i> «смеяться, хохотать», <i>ырчаңна</i> «чихикать, смеяться (развязно), смеяться (по поводу и без повода)».		нейтральная	<i>ылга</i> «плакать».
антонимический ряд 3			
<i>күлүн</i> «улыбаться», <i>күл-</i> «насмехаться, улыбаться», <i>хатхыраңна</i> «посмеиваться, насмехаться, посмеиваться над кем-л., чем-л.», <i>күлүмзіре</i> «улыбаться слегка, чуть заметно», <i>ырсай-/ырчай</i> в ЛСВ «улыбаться, оскаливая зубы; оскалиться», <i>чалбай</i> в ЛСВ «широко, радостно улыбаться; расплываться в улыбке», <i>кимзей-</i> «слегка улыбаться беззубым ртом».		низкая	<i>сүркүңне</i> «всхлипывать», <i>ылгамзыра</i> «1) прослезиться; захныкать; 2) делать вид, что плачешь, притворяться плачущим», <i>сыгыдын</i> «тихо, беззвучно плакать».

Глаголы смеха и плача антонимического ряда 3 синонимичны по шкале «низкая интенсивность эмоции»; однако они находятся в разнообразных отношениях по шкалам «наличие спазматических выдохов» и «звучание». В отличие от глаголов плача, для которых обязательно «наличие спазматических выдохов (по наличию звучания они охарактеризованы либо как «нет», либо как «тихо»)), в семантике глаголов смеха спазматические выдохи могут отсутствовать (тогда это значение улыбки, и в этом случае звучание также отсутствует), а могут и наличествовать (в случае глагола *хатхыраңна*, который по звучанию охарактеризован как «тихо»).

Таким образом, рассмотрены 13 глаголов со значениями смеха и 9 глаголов со значением плача, синонимические и антонимические отношения которых выявлены в пределах иерархической структуры одной ЛСГ. Наиболее релевантными признаками, по которым можно дифференцировать семантику глаголов смеха и плача в хакасском языке являются: интенсивность эмоции, наличие и громкость звучания смеха и пла-

ча, а также семы, доминирующие в семантике отдельных глаголов: «широкое раскрытие рта», «наличие слез» и «обнажение зубов».

2.5. СОМАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОСОЧЕТАНИЯ С СЕМАНТИКОЙ ЭМОЦИИ

Задачей данного раздела является освещение фрагмента наивной картины мира, созданной посредством соматической лексики и фразеологии хакасского языка.

Во фразеологических единицах любого языка заключается богатый народный опыт, мудрость и специфика национального видения мира, что является важным элементом любой традиционной культуры. Соматическая фразеология имеет национально-культурную специфику, которая обуславливает несовпадение различных национальных картин мира. В значении фразеологических единиц основную роль играют фоновые знания носителя языка, практический опыт личности, культурно-исторические традиции народа, говорящего на данном языке.

Участвуя в описании многих сфер жизнедеятельности человека, фразеологизмы подтверждают универсальность национального менталитета, а также национально-культурную специфику. Языковая картина мира, создаваемая соматической лексикой и фразеологией, еще не нашла должного освещения в тюркских языках. Между тем именно определение особенностей видения наивной картины мира и есть одна из основных задач современного языкознания, освещающего лингвистические и культурологические особенности носителей этих языков.

В корпусе фразеологии соматические фразеологизмы представляют собой обширную семантическую группировку. Термин «соматизм» в переводе с греческого слова «somatos» обозначает «тело». В качестве соматизма выступает лексема, выражающая бытовое наименование части тела и внутренних органов человека. Обычно сюда же включают такие компоненты, как душа, дух. Ученые считают, что соматические фразеологизмы имеют глубокие исторические корни и являются наиболее употребительной частью в системе фразеологии. Это объясняется тем, что «человеческое тело оказалось одним из самых доступных для наблюдения и изучения объектом, и слова, обозначающие части тела человека, так же древни, как и само человеческое сознание» [Белявский, 1997, с. 19].

Исследователи выделяют различные тематические подгруппы соматических фразеологизмов, среди которых самой обширной и продуктивной является подгруппа соматических фразеологизмов, передающих эмоционально-психические переживания человека. При этом поле выражаемых эмоций обширно: радость, печаль, недовольство, злость, удивление, испуг, стыд и т. д. Соматические фразеологизмы используются как

один из инструментов выражения национального культурного мировидения народа, позволяющий им полнее передать свои мысли или произвести большее впечатление от сказанного. Например, в работе И. В. Кашиной «Фразеологизмы со значением эмоционального состояния» проведена семантическая классификация идиом, выявлены их структурные модели и дана характеристика особенностям сочетаемости фразеологических единиц со значением эмоции [Кашина, 1981]. Также можно отметить диссертацию Н. Б. Швелидзе «Фразеологизмы со значением эмоций в современном русском языке» [Швелидзе, 1997]. Здесь автор дает семантическую характеристику фразеологических единиц, обозначающих эмоции, выявляет их грамматические особенности.

Глагольно-именные фразеосочетания, обозначающие эмоции человека в хакасском языке, построены по моделям: а) эмоциональная лексика + глагол, например, **пичелге пастыр** (букв. «быть придавленным печалью»), «печалиться (обычно долгое время)», **хырт кӧр** букв. «смотреть раздраженно; раздражаться, ненавидеть», **хырт тут** букв. «держаться раздражение; раздражаться, злиться»; б) соматическая лексика + глагол (именной компонент – соматизм (обычно в притяжательной форме) + глагол), например, **паар хайыл** букв. «печень тает; страдать», **істі кӧй** букв. «нутри горит; завидовать», **чӱрек хайна** букв. «сердце кипит; волноваться», **пу харахтаң кӧрбеске** букв. «этими глазами не видеть; ненавидеть» и т. д. При этом тематика глагольной семантики разнообразна, потому не поддается определенной семантической классификации.

Включение глагольно-именных соматических фразеосочетаний в состав ЛСГ глаголов эмоции объясняется их активным употреблением в языке и речи, поэтому их не следует понимать как периферию системы ЛСГ глаголов эмоции. Они показывают богатую картину различных аспектов процесса эмоциональной деятельности в хакасском языке, тем самым они заполняют те семантические пустоты, которые не обозначены соответствующими глаголами эмоции. Эти глагольно-именные сочетания по своему морфологическому построению образуют некое поле с семантикой эмоции.

В хакасском языке в выражении эмоциональных переживаний участвуют в основном фразеосочетания с компонентом – соматизмом, обозначающим внутренние органы человека. Это слова – символы переживаемых эмоций: **чӱрек** «сердце», **ӧкпе** «легкие», **паар** «печень», **істі** «нутри», которые имеют ассоциативные значения, позволяющие выявить особенности хакасского народного менталитета. Обычно к ним относят также понятия **кӧңні** «душа», **хут** «дух, душа». Лидерство по активности данных соматизмов в обозначении эмоций отмечает и Т. Г. Боргоякова. «Они составляют основу мотивационного признака, который отражает механизмы когнитивного мышления древнего человека и антропоцентризм языка, выраженный в тех метафорах, которыми он мыслит. И если *сердце* относится к общечеловеческим метафорам и составляет основу

переносной номинации чувств и эмоций в языке вообще, в том числе в составе фразеологических единиц, то *печень* относится к заметным компонентам тюркского соматического фразеологического фонда [Боргоякова, 2013, с. 126]. Самые разные эмоции в человеческом сознании соотносятся в первую очередь с представлениями о каких-либо действиях, происходящих во внутренних органах.

Как и в других языках, наиболее разнообразные эмоциональные переживания обозначают фразеологизмы с компонентом **кѳцнї** «душа». Понятие души в традиционном сознании всех народов представляется как место сосредоточения всех эмоций и чувств, сознательного и бессознательного. Душа символизирует не только «орган чувств» и «орган желаний», но и «орган предчувствий», следовательно, душа как бы абсолютный центр всего человеческого.

Хакасско-русский словарь дает такое толкование существительному **кѳцнї**: употр. с аффиксом принадлежности 3 л. 1) желание, стремление, воля; **Кѳцнїннец ползын** – Пусть будет по твоему. 2) настроение. 3) в сочет. с *кїрерге* душа, сердце; **Кѳцнїне кїрбеске** [Ему] не понравится, [ему] не по душе; **Кѳцнїм чатпинча** – Мне не нравится [ХРС, 2006, с. 201–202]. Как видим, в сочетании с глаголами, реализуется третий ЛСВ значения существительного **кѳцнї** «душа, сердце». Исключение составляют лишь сочетания **кѳцнї тўс** (букв. «[его] душа падать») «быть не в духе, портиться настроение», а также **кѳцнїн кѳдїр** (букв. «поднимать [его] душу»), «поднимать [его] настроение, дух; ободрить; развеселить».

В собранном нами материале выделяется 13 фразеосочетаний по типу **кѳцнї** + глагол, характеризующих различные аспекты процесса эмоциональной деятельности. При этом значения этих и остальных устойчивых сочетаний мотивированы от их буквального содержания. В целом же сочетание существительного **кѳцнї** с глаголами в основном дает значения, группирующиеся в семантическое поле концепта «настроение».

Данные фразеосочетания обозначают как положительные, так и отрицательные эмоции, при чем 10 из 13 фразеосочетаний обозначают положительные эмоции. Анализ семантики данных фразеосочетаний позволил нам выделить 2 синонимических ряда:

Фразеосочетания по типу «**кѳцнї** «душа» + глагол» образуют целое семантическое гнездо. Исходя из значений обозначаемых ими действий, мы выделили два синонимических ряда:

1. Синонимический ряд с общим значением «нравиться» составляют фразеологизмы:

кѳцнїне кїр букв. «входить в [его] душу». Это наиболее распространенный глагольно-именной фразеологизм со значением «нравиться», которое дифференцируется в объектном отношении:

а) ситуация. *Пазох ниме көңңіңе кірбин тур?* (О, 24) – Что тебе опять **не нравится?**

б) явление: *Палубаның чахсы хырылып чуулганы миңің көңңіме кірген* (О, 13) – Мне **направилась** надраенная чистота палубы. *Олар хайди тонан салганнары көңңіме кірбинче* (Хч, 1997, № 171, 7) – Мне **не нравится**, как они одеты.

в) конкретное лицо. *Ористің көңңіне Илексеі чоо кіредір* (Хч, 11) – Рису очень **нравится** Илексей.

г) вещи, предметы. *Сыын мүүстері хыстарның көңңіне кіргеннер* (Ап, 175) – Рога марала **направились** девушкам.

Көңңіне чат букв. «[его] лежать в душу; нравиться, быть по душе». *Кізілер дачаларда күн иртірчелер, че миңің андаг нимее көңңім чатпинча* (Хо, 64) – Люди проводят дни на даче, но мне **не нравится** такое дело. *Андаг чуртас Торичаның көңңіне чатпаан* (Хт, 95, 2, 55) – Такая жизнь была **не по душе** Ториче.

Көңңіне ал букв. «брать в [его] душу; нравиться, быть удовлетворенным, предпочитать». *Прокуратура сурынызын толдырарга тогыр польбысханын хыгырып алып, Андрей пу киректі көңңіне албаан* (Хч, 2001, 10, 3) – Прочитав, что [он] отказался выполнять предписание прокуратуры, Андрею это дело **не понравилось**. *Прайзы аны истіп, көңңіне алган паза аның паарсастыг сөстеріне таңнаан* (Чх, 18) – Все, слушая его, **были удовлетворены**, и удивлялись его доброжелательному голосу.

Көңңі тарт букв. «тянуть [его] душу; симпатизировать к чему-кому-л.». *Че пірсі ахсын чатпас, чоохчы даа полза, хыстың көңңін тартпинчатхан* (Чх, 74) – Но у одного из них рот не закрывается, но, хоть он и разговорчивый, но девушка **не симпатизировала** ему.

2. Синонимический ряд с общим значением «быть в хорошем настроении» составляют фразеосочетания:

Көңңі чазал букв. «[его] душа излечиваться; веселеться». *Че түрче поларынаң аның Нинанаң Зоя, хатхырызып ала тогынчатханнарын көріп, көңңі чазалыбысхан* (О, 26) – Но вскоре, видя, как, смеясь работают Нина и Зоя, **ему стало легче (веселее)**.

Көңңі чары букв. «[его] душа светиться; быть в хорошем настроении, становиться веселым, бодрым». *Хандыра өскіріп алгам огород тамахтарын, оларны көріп, көңңім чараан* (Хт, 49) – Я здорово вырастил овощи. Смотря на них, мне **было весело**. *Имчі агаа укол идібіскен. Инейектің саа кірібіскен. Көд дее чараан* (Чх, 42) – Врач ей сделал укол. У бабульки сил прибавилось. **И настроение поднялось**. *Иртен мангуста одыра түскен, түгін тырбайтабысхан, күнге хурудынган. Аның көңңі чарыбысхан* (П-о, 262) – Утром мангуста села, распушила [свою] шерсть, сушилась на солнце. Ей **стало весело**. *Чуртасха хомзынарға маң чоғыл, уламох көңңім чарып парча маңат тогынган соонда* (Хч, 2001, 5, 7) – Жаловаться на жизнь некогда, наоборот, мне **становится весело**, когда

хорошо поработаю. *Аның сөстерін истіп, көңнім чарып килген* (Хч, 2001, 9, 2) – Услышав его слова, у меня **поднялось настроение**.

Көңнін көдір букв. «поднимать [его] душу; поднимать [его] настроение, дух; ободрить, развеселить». *Иртен – тогысха. Анзын сагысха кир килзе, Күрдейнің көңні көдіріле түсче* (Хч, 1997, № 7, 8) – Утром – на работу. Как только вспомнит об этом, у Курдея **поднимается настроение**. *Пірее чахсы ниме идерге көңнім көдірілген* (Хч, 1998, № 10, 2) – У меня **был настрой** делать что-то хорошее. *Мині айап, көңнімні көдір салдах* (Хч, 2000, 129, 5) – Жалея меня, **подними-ка мне настроение**. *Алиман минің көңнім көдірілізін, мині тогынзын, чуртазын тіп сағынган* (Д, 110) – Алиман хотел, чтоб у меня **был хороший настрой**, чтоб я работал и жил.

3. Далее следуют фразеосочетания с различной эмоциональной семантикой:

Көңні тол букв. «[его] душа заполняется; удовлетворяются чем-л., быть довольным». *Улуг алгыс республика кинінде хакас ибін тургыс салып, хакас чонның көңнін толдырган кизилерге* (Хч, 2000, 131, 6) – Большая благодарность людям, поставившим в республиканском центре хакасскую юрту и тем самым **удовлетворившим** хакасский народ.

Көңнін толдыр букв. «заполнять [его] душу; быть довольным удовлетверенным». *Че чшит поэзия сагам пістің көңнібісті толдыр полбинча* (Кч, 54) – Но молодая поэзия пока **не может удовлетворить** нас. Данное фразеосочетание отличается от предыдущего каузативным характером, отражающимся и на их семантике.

Көңнін часхар букв. «успокаивать [его] душу; успокаивать, утешать». *Көңнім часхарарга сағынзам, Агбан хастада чөр килчем* (Хч, 2001, 5, 7) – Если хочу **успокоить себя**, [обычно] хожу вдоль реки Абакан. *Аның көңнін ол наа книгалар, тетрадьтар часхарчалар* (Ит, 134) – Его **успокаивают** эти новые тетради и книги.

4. Семантика последних трех фразеосочетаний имеет отрицательный оттенок:

Көңні түс букв. «[его] душа упала; быть не в духе, портиться настроение». *Тогыс табылбинчатса, көңнілері улам түс парар* (Хч, 2000, № 138, 3) – Если они не смогут найти работу, то **им станет еще хуже**. *Тура алнында пабамның адын көр салып, көңнім түс парган* (Хч, 2000, № 164, 7) – Увидев возле дома лошадь отца, у меня **упало настроение**. *Көріндеске көрінген соонда көп кизінің көңні түс парча* (Хч, 2001, 10, 6) – У многих людей при виде себя в зеркале **падает настроение**. Следует отметить, что данное фразеосочетание состоит в антонимических отношениях с *көңнін көдір* (букв. «поднимать [его] душу») «поднимать его настроение, дух, ободрить, развеселить».

Көңні хал букв. «[его] душа осталась; что-л. становится противным, надоест». *Мин нинче хатап сірерге чоохтап парим, көңнілерің*

халыбысты, неке (Зп Шп, 91) – Я сколько раз вам повторяю, вам уже надоело, наверно.

Көңнү хорылдыр букв. «очищать [его] душу; задеть за живое», русск. душу переворачивать». *Даниярның ырлары көңнімни хорылдырыбысханнар* (Д, 30) – Песни Данияра **взбудоражили мою душу**.

Во всех этих фразеосочетаниях существительное **көңнү** «[его] душа» используется в притяжательной форме, чего требует его сочетаемость с глаголом в зависимости от контекста. Гораздо реже отмечается его употребление в им. п., например, **көбү чох** «без настроения» [Чертыкова, 2013, с. 231–232].

Существительное **хут (-ды)** в Хакасско-русском словаре представлен как: 1) религ. дух (умершего человека); 2) миф. душа (живого человека) [ХРС, 2006, с. 869–870]. Обычно фразеологизмы с компонентом **хут** обозначают «бояться».

Хут сых букв. «душа выходит». *Олар Жанатастагы предпринимательлерниң хуттарын сыгар турганнар* (Хч, 1999, 148, 3) – Они **держали в страхе** предпринимателей Жанатаса. *Көрзе ле, хыринзар ала пуга пазып одыр. Атучахтың худы сых парир* (Х, 29) – Увидев, что к нему приближается бык, он **от страха стоял как вкопанный**.

Хут чарыл букв. «душа раскалывается». *Пайагы чатпах оолахты миннең хости одыртчалар. Ок, худым чарыл парган* (Чч, 59) – Того мальчика посадили рядом со мной. Ох, и **напугался** же я.

Хут табанзар түс букв. «душа спускается к пяткам». *Польшада лагерьдең тискенде, аның табызын ис салзох, арыгли худым табанымзар түс чөрибисчең* (Чч, 12) – Когда в Польше сбежал из лагеря, как только слышал его голос, сильно пугался.

В основе всех фразеологических образований с компонентами **көңнү** «[его] душа» и **хут** «дух, душа» лежит общая категориальная сема «жизненная сила, энергия».

Следующий широко распространенный в хакасском языке соматизм **чүрек** «сердце», который в сочетании с глаголом может обозначать любые эмоции, как положительные, так и отрицательные. Такие фразеологизмы указывают на то, что причина, вызывающая какую-либо эмоцию, прямым образом действует на сердце, отражаясь на его состоянии.

Как известно, представление о сердце у многих народов символизирует место сосредоточения самых сокровенных мыслей, эмоций и настроений человека, а также сердце – это объект, реагирующий и откликающийся на различные ситуации и явления окружающего мира. Состояние сердца и душевное состояние самого человека взаимосвязаны.

По данным нашего материала фразеосочетания с компонентом **чүрек** обозначают следующие эмоции:

а) сердечные переживания: **чүрек ачы** букв. «сердце саднит», **чүрек сыста** букв. «сердце ноет, болит, ломит», **чүрек ағыр** букв. «сердце бо-

лит»). Эти три фразеологизма объединены общим значением «переживать, страдать, чувствуя разедающую боль в сердце»; *Ызърап парча ізик – чўреем ачи тўсче*: Каскар килді (П, 136) – Заскрипит дверь, **сердце [мое] ёкнет**: Каскар пришел. *Чўрегім сыстанча миниң, хайди полчалар олар анда* (П, 107) – **Сердце [мое] ноет**, что с ними там происходит.

б) волнение: **чўрек сїртле** (букв. «сердце бьется»), **чўрек талбыра** (букв. «сердце ушаченно бьется, парит»). *Аринаны кўр салып, чўреем сїртли тўскен* – Увидев Арину, я **заволновался**.

в) вдохновение, хорошее настроение: **чўрек кўбре** (букв. «сердце вдохновляет»), **чўрек кўдїр** (букв. «сердце поднимать»). *Паскирниң, чалаңнарны кўргенде, чўрее кўбри тўскен* (Чх, 213) – Увидев всадников, Паскир **воодушевился**.

г) надоесть, становится противным: **чўрек ўл** (букв. «сердце умирает»). *Оларны кўрїп, чўреем ўл парган* – Их действия мне стали противны. Данный фразеологизм синонимичен **кўннї хал** (букв. «[его] душа осталась») «что-л. становится противным, надоесть».

д) проявление симпатии: **чўрекке чат** (букв. «ложиться на сердце») «нравиться», **чўрек нымза** (букв. «сердце смягчится»). *Ам на їди тїпчезїң. Кўр салзаң, чўреең нымзап парар* (П, 105) – Только сейчас так говоришь. Когда увидишь, **лучше станешь относиться** (букв. «твое сердце смягчится»).

Но некоторые фразеологизмы не конкретизируют тип эмоций. Калькированный с русского языка фразеосочетание **чўрекке чагын ал** «принимать близко к сердцу» нейтрален в идентификации объекта. Можно принимать близко к сердцу и плохое и хорошее, о чем свидетельствуют примеры: *Че, аның сўстерїн чўрекке чагын алба, атарханча ол сагаа* – Ну, **не принимай близко к сердцу** его слова, завидует он тебе. *Синїң тахпахтарыңны мин чўрекке най чагын алчам* – Мне очень нравятся твои тахпахи (букв. «очень близко к сердцу принимаю»).

Также нейтрален в объектном отношении фразеосочетание **чўрек чар** (букв. «расколоть сердце»). Как и в русской языковой картине мира, сердце может раскалываться и от страха, и от любви, от боли и т. д. *Хабан-Кешке, кинетїн столны мунзурухтабызып, кїзїлернїң чўреен сала чар салбаан* (Кх, 66) – Когда Хабан-Кешке вдруг ударил кулаком по столу, все **дрогнули от страха** (букв. «чуть не расколлот сердца»).

Фразеологизм **чўрек хайна** (букв. «сердце кипит») выражает возбужденное состояние субъекта, вызванное мотивацией положительного или негативного характера. *Анзының тың чабал сўснең нандырганына Павелнїң чўрегі хайнабысхан* (П, 8) – То, что он ответил очень плохим словом, **сильно возмутило** Павла (букв. «сердце закипело»).

Также в нашей картотеке содержатся примеры, в которых компонент **чўрек** выступает не в составе фразеосочетаний, а в сочетании с глаголом, который характеризует состояние сердца. Это такие сочетания, как

чўректе хайралла (букв. «беречь в сердце»), **чўрек чылыт** (букв. «греть сердце»), **чўрек кўй** (букв. «горит сердце»), **чўрек тибірет** (букв. «сердце шевелить»), **чўректі хыза пас** (букв. «сердце сжимать») и т. д., значения которых воспринимаются буквально. На наш взгляд, субъект упоминает о сердце при таких обстоятельствах, когда он испытывает наиболее насыщенные эмоции и хочет выразить переживаемые ощущения, приписывая соответствующие действия своему физическому сердцу. *Кем-де чир ұстўне сыхханына пу ёкіс оолах їди ёрїнчеткенї минїң чўреемнї угаа тибїреткен* (Д, 120) – То, что этот мальчик-сирота так радуется тому, что кто-то появился на свет сильно растрогало меня. *Гченїң наарсах сўстерї, хыйга чоохтары чўрек чылытча* (Хч, 2000, 183, 3) – Ласковые слова и мудрые советы матери **согревают сердце**.

Как видим, в хакасском языке **чўрек** «сердце» наиболее распространенный соматизм при выражении внутреннего состояния субъекта, как и в других языках. В Кратком хакасско-русском фразеологическом словаре Т. Г. Боргояковой находим еще следующие, отсутствующие в нашей картотеке глагольно-именные фразеологизмы с соматизмом **чўрек** «сердце»:

Чўрек аасха тол парарға [тығыл парарға] «испытывать сильный страх, испуг»; букв. «сердце в рот наполнилось». *Аны кўр салып, Орїстїң їстїнде уламох їзї чох пїлдірїбіскен. Нимедең-де хорыгып, чўрее ахсына тығыл кїлген* (Т. Балт.) – Увидев это, совсем не по себе стало Орис. От страха сердце у нее упало.

Чўрек ардадарға «расстраивать, заставлять завидовать, страдать»; букв. «сердце портить».

Чўрек кўйерге «завидовать»; букв. «сердце горит». *Тўрче полганда їкї харындастарының хаттары, чўректерї кўїп, илеп нарилар* (Хара Паар) – Прошло немного времени, а жены двух братьев места себе не находят от зависти.

Чўрек ётіре парарға «трогать душу, доходить до души»; букв. «сквозь сердце проходить». *Оларның ойыннары чўрек ётіре парча, аймах-пасха сагыстар халгызып* (Л. ч.) – Их игра трогает душу, будит разные мысли.

Чўрек хатарға «ожесточиться, наполняться решимостью»; букв. «сердцу затвердеть». *Хызанча ёрекеннїң кїп-чоохтары, сагысха тыс пїрбїн, хастың сырбал парган хылыгы чўреемнї хатырыбысты* (А. Хал.) – Рассказы бабки Хызанчи не давали мне покоя, да и то, что гусь был так настойчив, придала мне решимости.

Чўрек хызарға «испытывать острое чувство жалости, сострадания и т. д.»; букв. «сердце сдавливают». *Аннаңар даа Надяның хадарар кўнї чїдїп, хойнаң хада хыр кїстїнде чїт парзох, чўрегі хыс сыхчатхан* (Г. Каз.) – Поэтому, когда наступал Надин день, и она вместе с овцами скрывалась за горой, сердце ее сдавливалось.

Чўрек кўксине сынминча «становиться тоскливо, тяжело на душе»; букв. «сердце в грудь не входит». *Пірде ўр ниместе ирткен нимелерин сагысха кирин, чўрегі хайдар-хайдар улуг пилдірібісче, кўксине сынминча* (Н. Дом.) – Иногда вспоминал недавние события и на душе становилось тоскливо.

Чўрек чабырыларга «быть в плохом расположении духа, в подавленном настроении»; букв. «сердце придавить». *Ўзинчі аалынча парганда, чахсы хыс чогылох. Чўрек чабырылып, оолах нандыра чўрібісті* (Хара паар) – В третьем аале тоже не оказалось хорошей девушки. Девушка уехала назад в подавленном настроении (букв. «с придавленным сердцем»).

Чўрек ора-чара тартарга «вызывать душевные муки, заставлять страдать»; букв. «сердце на части тянуть» [Боргоякова, 1996, с. 136–138].

Соматизм **өкпе** «легкие» в хакасском традиционном понимании символизирует орган злости и раздражения. Фразеосочетания с данным компонентом используются для описания кратковременного нахождения субъекта в состоянии злости и раздражения. Это следующие фразеосочетания: **өкпе тур** (букв. «легкие стоят»), **өкпе чарыл** (букв. «легкие раскальваются»), **өкпе тазых** (букв. «легкие переливаются через край»), **өкпе сiстiр** (букв. «легкие набухают»), **өкпе тыгыл** (букв. «легкие теснятся»), **өкпе хайна** (букв. «легкие кипят»), **өкпезин читтiр** (букв. «доставить [свой] легкие»). *Пекишке, өкпезі хайнап, столдаң хазанагын хапхан, «ма, чи» тiп хырызынып, нес кистіне тасты пирген* (Хчкчн, 207) – Пекишке, **разозлясь**, схватил котелок со стола, ругаясь «на, ешь», бросил его за печку. *Хачан Сакай Мойнахты сўтнең азырап сыхханда, хоосханың улам на өкпезі чарылган* (Х, 10) – Когда Сакай стал поить Мойнаха молоком, кошка стала **злиться** еще больше. *Пайацахтың, олары көр салганда, ирiмнi өдiрген ирлiктер тiп, өкпезі тыгыл килген* (Хч, 2001, 6, 7) – Когда Пайацах увидела их, **разнервничалась**, мол, дьяволы, убившие моего мужа.

Фразеологизмы **өкпе тўс** (букв. «падать легкие») и **өкпе пазын** (букв. «легкое давить») обозначают «успокаиваться; подавить гнев, раздражение, обиду». *Соххан соонда өкпезі тўс парган* (Хт, 45) – После того, как его побил, он **успокоился**.

Существительное **өкпе** «легкие» может употребляться самостоятельно в местном падеже (с аффиксом -де), в исходном падеже (с аффиксом -нең) или же с аффиксом обладания (-лиг) для обозначения нахождения субъекта в состоянии злости и ярости: *Абам оңныг өкпедө полбас* (А, 173) – [Мой] отец наверно сильно **рассержен**. *Пусть меня знают, еще не то көрерлер, – өкпезінең хычанча Сирой* (Хч, 2001, 8, 8) – Пусть меня знают, еще не то увидят, – **со злостью** угрожает Сирой. *Улуг өкпелiг хыгырча: «Удурлап сыгар сыын пар ба? Ўрiп сыгар адай пар ба?»* (фолькл.) – В большой **ярости** бросает клич: «Есть ли марал, который не

побоится выйти мне навстречу? Есть ли собака, которая встретит меня с лаем?».

Соматизм **паар** «печень» в хакасском национальном сознании ассоциируется с понятием самого тяжелого чувства – горя, тоски, боли. Даже глаголы, сочетающиеся с данным соматизмом, относятся к семантической категории разрушения: **түгел** «истощаться», **хуру** «сохнуть», **хайыл** «плавиться», **сыста** «ныть, саднить», что свидетельствует о представлении хакасов, что от сильных (обычно негативных) эмоций может разрушаться печень, причем, иногда в конкретном физическом плане: *Паланы іди тың ылгатпаңар, паары хайылар* – Не заставляйте ребенка так сильно плакать, а то [его] **печень будет таять**.

Как показывают примеры, печень может истощаться не только от горя, но и от несчастной любви, разлуки, тоски по любимым, родным людям. *Аннаң чарылызып, агаа паарым түгенген* (Д, 56) – После разлуки с ним, я **сильно тосковала**. *Өрекеннің городтагы оолгына пичелеп, паары хурупча* – Старушка **сильно переживает** о сыне, живущем в городе. *Галя хайда-да ирее көрче, анзын сагынза, Паскирнің паары хайылча* (Чх, 120) – Где-то Галя страдает, как только Паскир подумает об этом, он **сильно тоскует** (букв. «его печень тает»).

Однако не все фразеосочетания с компонентом **паар** «печень» обозначают негативные эмоции. Например, фразеосочетание **паары көс** (букв. «печень сдвинуться») в зависимости от мотивации может быть нейтрален к обозначению эмоции, в текстах он обычно характеризует чрезмерность и интенсивность эмоционального действия. Другой фразеологизм **паарға пазын** (букв. «давить на печень») обозначает лишь положительные эмоции (милосердие, сострадание, мягкосердечие).

Об этом свидетельствует фрагмент из толкования значения слова **паар**, представленного в Хакасско-русском словаре: **паары ачирға** «а) испытывать тревогу, беспокойство, душевные страдания; б) жалеть (*сочувствовать*) кому-л.; **паар көзіккенче хатхыраға** сильно смеяться; умирать со смеху; **паар көскенче ылғирға** сильно плакать; **паарға пазынарға** ласкать, обнимать *кого-л.*; **паарға сиип парарға** западать в душу; **паар сыстирға** беспокоиться тревожиться; **паары түгенерге** переживать, скучать по *кому-л.*; жалеть *кого-л.*; *сочувствовать кому-л.* (букв. «печень сохнуть»); **паарым ачыпча** сердце шемит; **аннаң чарылызып, паарым түгенген** расставшись с ним [я] сильно скучал; **паар хараларға** быть в состоянии, близком к изжоге; **паары хайыларға** переживать *о ком-л.*; **паары хурирға** скучать, тосковать *о ком-л.*» [ХРС, 2006, с. 332–333].

В хакасском языке также активно функционируют глаголы, образованные от существительных-соматизмов:

чүрек «сердце» – **чүректі // чүректін:** 1) «волноваться» *Магаа чүректінмеңер, харындастар* (Ба, 106) – За меня **не волнуйтесь**, братья;

2) «робеть». *Оол, чўрексініп, хыстың ніске пілін сірлесчеткен холларынаң сыйбаан* (А, 92) – Парень, **робея**, своими дрожащими руками гладил тонкую талию девушки.

өкпе «легкие» – **өкпелен:** «1) гневаться, горячиться, негодовать» [ХРС, 2006, с. 322]. *Көрдек аны, хайди өкпеленібіскен. Син, оолгыча, магаа хара хустан тудысчатхан харгаа төдй көрінчезің* (П, 66) – Смотри-ка, как он **разгорячился**. Ты, мальчик, мне кажешься вороной, дерущейся с орлом.

паар «печень» – **паарса:** «1) проявлять внимание, расположение, ласку, нежность к кому-л.; 2) ласкаться» [ХРС, 2006, с. 333–334]. *Пастыктар сымдах хысха паарсаңнар* (Чт, 28) – Начальники **хорошо относились** к трудолюбивой девушке.

Следует отметить, что у русских соматизмы «легкие» и «печень», за исключением «сердца», редко ассоциируются с какой-либо эмоцией.

Следующий фразеологизм по типу соматизм **істі** «нутро, живот» + глагол используется для обозначения таких эмоций, как:

а) зависть: **істі көй** (букв. «гореть живот»), «завидовать». *Хынысчалар олар, а сірернің істілерің көйче* (Сс, 10) – Они любят друг друга, а вы **завидуете**. Данный фразеологизм является доминантой синонимического ряда глаголов со значением зависти в хакасском языке; **істі чохтан** (букв. «не быть животу (внутренностям)») «завидовать». *Ол угаа чохсы кізі полган, істі чохтанып пілбес* – Он был очень хорошим человеком, не умел завидовать; **істі чараба** (букв. «внутренность не подходит») «завидовать». *Ібіме толдыра аалчылар чыылысты, хончим, тізең, істі чарабин, чоо тарыхча* – У меня собралось гостей полон дом, а мой сосед, завидую, сильно злится.

б) злости, раздражения: **істі тарлан** (букв. «становиться тесно внутри»), **істі чарыл** (букв. «нутро раскалывается»), **істі сістір** (букв. «заставляют набухать живот»). Эти три фразеологизма объединены общей инвариантной семьей «сердиться, раздражаться»; *Оолның істі тарланып, хаалха изігін тазылада чаап, парыбысхан* – Парень, **психанув**, ушел, сильно хлопнув дверьми ворот;

в) плохое настроение: **істі кимір** (букв. «грызть нутро»), **істі харасхы пол** (букв. «становиться темно в утробе»). *Пуўн иртеннең сыгара Орозкулның істі харасхы полган* (Ап, 179) – Сегодня с самого утра у Орозкула **не было настроения** (букв. «его живот был темным»).

В Кратком хакасско-русском фразеологическом словаре Т. Г. Боргояковой зафиксированы следующие глагольно-именные фразеологизмы с компонентом **істі** «внутренность, живот, нутро»:

Істі ачирға «испытывать чувство тревоги, беспокойства, тоски»; букв. «внутренность ноет».

Істі-паарын хомзыныс кимірче «испытывать острое чувство жалости». *Анзын сагыеза, аның істі-паарын хомзыныс кимір сыхча* (И. Кост.) – Когда он думал об этом, сердце наполнялось жалостью.

Істі хурупча «тосковать, скучать»; букв. «внутренность сохнет». *Ічебіс чурты сагыс изібіске кіріп, хазарга сагын турбыс, мында полчаа чоғыл, істібіс хурып, полбин парирбыс* (Хара паар) – Вспоминая родительский дом, решили мы бежать, здесь оставаться не было никаких сил, душа истосковалась.

Істі чарабинча «что-либо кому-либо не по нраву, не по душе»; букв. «внутренность не подходит». *Угапый, тізең, поэзының хыриндагы хутухтаң хончыктары суг алчатханына істі чарабин, полганынаң на чийс сыххан* (Л. ч.) – А Угапый, которой не понравилось, что соседи берут воду из колодца, рядом с ее домом, начала их есть поедом.

Істі чарылча «сильно злиться»; букв. «внутренность разрывается».

Істі чарыпча «радоваться»; букв. «внутренность светится».

Істіне толдыра (тарынарға) «очень сильно (рассердиться)». *Ірепчлер, істіне толдыра тарынзалар даа, сизік пирбинчелер* (Н. Домож.) – Супруги, даже если сильно рассердятся, виду не подадут.

Істіңде харасхы түсче «становится тяжело, горько на душе»; букв. «внутри темнота падает». *Че Онисаның тогысха алай ба кинога парарда, стенедегі хоостыг рушниктең тартын салған көріндессер көрінібіссе, істіне саңай харасхы түзібісчең* (А. Хал.) – Когда Онис собиралась на работу или в кино и смотрелась в зеркало на стене, украшенное рушником, на душе становилось тяжело.

Істіңче соох ойлапча «становится страшно, становится не по себе»; букв. «внутри холод бегаёт». *Ол, иди чаадаң тизіп килчеткен кізілерні көре, Паскирнің істіне соох ойлаан: полганының на сырайында улуг чобаг, сырайлары ээн-хуу ла полглаан...* (И. Кост.) – Глядя на бегущих от войны людей, Паскиру становилось страшно: у каждого на лице было написано большое горе, лица были серые и застывшие... [Боргоякова, 1996, с. 34–36].

Хотелось бы также сказать о фразеологизме, в образовании которого участвует соматизм, выражающий такую часть тела, как **харах** «глаз». Это фразеологизм **пу харахнаң көрбеске** (букв. «этими глазами не видеть»). Данное фразеосочетание является наиболее употребительным и базовым выражением значения «ненавидеть», тем самым оно покрывает ту семантическую пустоту – лакуну, т. е. заменяет отсутствующий в лексической системе хакасского языка глагол, выражающий ненависть. Моделирование фразеологизма **пу харахнаң көрбеске** (букв. «этими глазами не видеть») нарушает грамматическую однотипность структуры, которая характерна для рассматриваемых фразеологизмов с семантикой эмоции. Более подробно об этом фразеологизме в п. 2.4.3.

Следует отметить, что в русском языковом понимании глаз – это орган, принимающий информацию извне (*смотреть во все глаза / смотреть в оба (глаза)*) – быть внимательным, бдительным, смотреть с большим вниманием; *открыть/раскрыть глаза на что-то* – понять, довести до ума что-либо) и др., но любить глазами. В хакасском же языке выходит, что это орган, отвечает за ненависть. *Аны, хан тузындагы офицер тин, ну харахнаң көрбинібіскеннер орында үлгү тутчатхан настыхтар* (Хч, 1992, 149, 2) – Местные представители власти **возненавидели** его, считая царским офицером. *Орозукул поэзының чуртазын ну харахтаң көрбинче* (Ап, 185) – Орозукул **ненавидит** свою жизнь. *Күлчүк минің не сөзім исче, пасхазынаң ол ырахтынох тисче. Абанахнаң Коланы ну харахнаң көрбинче* (Птн, 50) – Кулчук слушается только меня, от других убегает издалека. **Ненавидит** Абанаха и Колу.

В нашей картотеке обнаружен также фразеологизм, который можно отнести к исключениям из правил, поскольку он носит контекстуальный характер: **тіс хычырат** (букв. «скрипеть зубами») в значении «злиться, злобиться»: *Пайлар, чазанып – тонанып, үлүкүндегі чили, хыгыртыс чөрчелер. Оларны көрпін, олаңай чон уламох тістерін хычырат турган* (Кх, 62) – Богачи, нарядившись как на празднике, приглашают друг друга в гости. При виде всего этого, простой народ **злобился** еще больше.

Итак, мы рассмотрели фразеосочетания с компонентами – соматизмами, представляющими внутренние органы: **чүрек** «сердце», **өкпе** «легкие», **паар** «печень», **істі** «нутро», а также понятия **кбңні** «душа», **хут** «дух, душа», которые являются наиболее частотными в хакасском языке. Участвуя в описании различных сфер эмоциональной деятельности человека, они подтверждают ее универсальность, а также национально-культурную специфику. Мы выявили, что каждый конкретный внутренний орган имеет специфику образной ассоциации, которая, проявляется в лексических средствах, отражающих особенности общенациональной культуры. Таким образом, в хакасском миропонимании с эмоциями связаны лишь внутренние органы. С сердцем ассоциируются самые разные эмоции и переживания (страдание, любовь, тоска, радость и др.). Связь других внутренних органов и эмоций более избирательна: с легкими ассоциируются злость и раздражение, с нутром – злость и зависть, с печенью – страдание, тоска. С формальной точки зрения наблюдаем, что рассмотренные фразеосочетания строятся по типу «именной компонент-соматизм + глагол».

2.6. ФРАЗЕОСОЧЕТАНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕНАВИСТИ

В русском языке Р. М. Гайсина глаголы со значением ненависти (например, *ненавидеть, презирать*) относит к зоне, переходной между состоянием и отношением [Гайсина, 1981]. Двоякость данного явления

объясняется тем, что граница между глаголами эмоционального состояния и глаголами эмоционального отношения неустойчива и размыта. Так же, как и эмоция любви, ненависть может быть постоянным чувством и в то же время направленным на кого-что-либо. Однако, в данном случае стоит говорить не об эмоции, переживаемой субъектом в какой-либо ситуации и в короткое время, а о постоянном эмоциональном состоянии субъекта – чувстве.

В хакасском языке отсутствует глагол, обозначающий эмоцию ненависти. Данную функцию выполняют фразеосочетания **пу харахнаң кӱрбе** букв. «этими глазами не видеть; ненавидеть» и менее частотное **хырт кӱр** букв. «смотреть с ненавистью; испытывать ненависть, неприязнь к кому-либо». Они объединены в один синонимический ряд по общему значению «испытывать негативное и агрессивное отношение к кому-чему-либо». Лексема **пу харахнаң кӱрбе** (букв. «этими глазами не видеть»), «ненавидеть» несет на себе основную семантическую нагрузку эмоции ненависти, более подробно она описана в предыдущем пункте «Соматические фразеосочетания с семантикой эмоции».

О. Ю. Кокошникова пишет, что фразеологически связанные значения характерны в большинстве случаев, для глаголов, основные значения которых по самой по своей природе являются обобщенными. «... фразеологически обусловленные значения многозначного глагола характеризуются связанностью, замкнутостью и слитностью фразы. Фразеологически связанное значение с тем минимальным лексическим окружением, без которого оно не может реализоваться, лишено глубокого и устойчивого понятийного центра» [Кокошникова, 2004, с. 57]. В нашем случае в образовании фразеосочетаний со значением ненависти участвуют такие многозначные глаголы как **кӱр** «смотреть» и **тут** «держаться», которые в сочетании с корневой основой **хырт** глагола **хыртыстан** «проявлять ненависть, враждебность, недружелюбие, неприязнь, раздражение к кому-л.» [ХРС, 2006, с. 899] образуют семантическое гнездо с семантикой ненависти. Исключение составляет более свободное сочетание **хырт хылын** букв. «вести себя раздраженно; раздражаться».

Фразеосочетание **хырт кӱр** букв. «смотреть с ненавистью; испытывать ненависть, неприязнь к кому-либо» является одним из членов словообразовательного гнезда с существительным **хырт** «раздражение» (**хыртыстан** «проявлять ненависть, враждебность, недружелюбие, неприязнь, раздражение к кому-л.», **хырт тут** букв. «держаться раздражение; испытывать раздражение к кому-л.», **хырт хылын** букв. «вести себя раздраженно; относиться к кому-л. с раздражением, недолго любить»). На наш

взгляд, в семантике этих двух фразеосочетаний компонент «ненависть» выступает имплицитно по сравнению с компонентом «раздражение».

Фразеосочетание **хырт кӧр** букв. «смотреть с ненавистью; испытывать ненависть, неприязнь к кому-либо», в отличие от **пу харахнаң кӧрбе**, обозначает более насыщенную, напряженную эмоцию ненависти, возможно, сопровождающуюся некоторыми действиями. А также субъект ненавидящий при фразеосочетании **хырт кӧр** обычно бывает наделенным отрицательным оттенком. *Хабан-Кешке пайларны хырт кӧрче* – Хабан-Кешке ненавидит богачей. *Олар Жанатастагы олганнарны ногада хырт кӧрчеңер* – Они почему-то ненавидели детей из Жанатаса.

Как видим, только два фразеосочетания **пу харахнаң кӧрбе** букв. «этими глазами не видеть; ненавидеть» и **хырт кӧр** букв. «смотреть с ненавистью; ненавидеть» выражают одну из базовых основных эмоций – ненависть. Глагол **хыргыстан** стоит на стыке глаголов раздражения и ненависти. Хакасская языковая картина мира не располагает разнообразием обозначений ненависти, так же, как и противопоставленному ей чувству любви.

2.7. ОДИНОЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЭМОЦИИ

Одиночные глаголы в основном бывают однозначными. Данную подгруппу образуют десять одиночных глаголов, не имеющих синонимов. Это следующие глаголы:

Кӱнне «ревновать». В хакасском языке значение ревности выражает только один глагол, в основе которого содержится категориальная сема «испытывать чувство мучительного сомнения в чьей-л. верности, любви, подозревая предмет своей любви в привязанности к кому-л. другому».

Психологи считают, что ревность пробуждает такие фундаментальные эмоции, как страх и гнев. Возможность лишиться любви и всего, что связано с ней, порождает у человека страх. Любовь, кроме всего прочего, означает чувство защищенности и безопасности; отсутствие чувства безопасности, как мы уже говорили, является главной причиной страха. Эмоция гнева, также представленная в феномене ревности, возникает тогда, когда человек ощущает, что все его попытки сохранить позицию в отношениях с любимым человеком, вернуть его внимание, любовь и связанное с ней чувство безопасности, бесплодны. В процессе ревности участвуют субъект (испытывающий страх потерять любимого), ассоциативный объект (источник любви) и адресат (являющийся барьером между субъектом и его источником любви). Тем самым при реализации глагола **кӱнне** «ревновать» доминирует идея источника любви и адресата, яв-

ляющегося по сути первопричиной чувства ревности. На наш взгляд, семантика данного глагола содержит два компонента:

1) «ревновать близкого человека в страхе потерять его любовь и внимание». *Че адайахтар, удур-төдiр Сакайга куннесселер дее, хайзына даа ээзиниң наарсазы тиң читче* (Х, 10) – Собачки, хоть ревновали друг друга к Сакаю, каждой из них было достаточно любви хозяина. *Олганнар иче-набаларын хачан даа тогыстарына куннепчелер ноза* (Д, 22) – Ведь дети всегда ревнуют своих родителей к их работе;

2) «ревновать любимого человека в страхе потерять его». *Хайди иди мидеэзи чох магаа куннечең. Сынап мин Паскирнең чөрерге иткен ползам, хачанох чөрерчкiнiн* (Чх, 63) – Как можно так необдуманно ревновать ко мне. Если бы я хотела с Паскиром быть в любовных отношениях, то давно была бы. *Хайди за имчи агырыг кiзинi хухахтабас? Амды, кемни ле имнезем, прай агырган кiзiлерге куннир одырлар ноо?* (Чх, 62) – Как врачу не обнять больного. Что, теперь меня будут ревновать ко всем больным, кого я буду лечить?

Өкерсiн «любоваться». Семантика данного глагола может быть идентифицирована в объектном отношении. Так, объектом любования могут быть:

а) человек или предмет, внешним видом вызывающие симпатии. *Позымның көлемни көрерге хынчаңмын. Пасчазың, көрiп одырчазың, көрiндестегi ле чiли, өкерсiнчезiң* (Д, 50) – Я любил смотреть на свою тень. Идешь, смотришь, как в зеркале, и любишься. *Аның ооларына өкерсiнчең* – Он любовался его сыновьями.

б) явления природы. *Хон париған күннің алысчатхан өңнерiне өкерсiнгең* (Кч, 44) – Я любовался меняющимися цветами заката.

в) чьи-либо действия. *Аның плесет салчатханына өкерсiнчеңнер* (Чт, 6) – Все засматривались на его танцы.

г) чьи-либо творения: *Хоостарны стенедe хыхслап салып, андар өкерсiнiп одырчаң* (Хч, 1997, 1, 3) – Повесив картины на стены, он любовался ими.

Изи чохтан «чувствовать себя неудобно, не в себе, расстраиваться». Данный сложный глагол образован при сочетании существительного **ис** (-зи) III ум, разум; рассудок [ХРС, 2006, с. 135] частицы **чох** со словообразующим аффиксом **-та-** и возвратным аффиксом **-н**.

В семантике данного фразеологизма мы выделяем следующие ЛСВ:

1) «чувствовать себя плохо, некомфортно». *Оларны сагысха кирiп, Клаң изi чохтан парған, iстiне соох ойли түскен* (Хч, 1998, 104, 5) – Когда их вспомнила, Клан стало не по себе, холодок пробежал внутри.

Нога-да хомай ниме ит салган чили изи чохтанчам (Чт, 44) – Почему-то чувствую себя как-то не по себе, как будто совершила что-то плохое;

2) «расстраиваться». *Ористің, Эдөттөң тизің, Харатассар парыбысханын истің, Илексей изі чохтан парган* (О, 58) – Услышав весть о том, что Орис сбежала от Эдота в Черногорск, Илексей расстроился;

3) «недомогать». *Фронтониктің чүрегі сыстабысхан: күн чабал полар, неке. Пазох изі чохтанар, пазох иді сыстабызар апсахтың* (Хч, 1999, 135, 3) – У фронтовика заняло сердце: наверно, опять погода испортится. Опять будет недомогать и все тело будет ныть у старика;

4) «беспокоиться; быть в состоянии беспокойства, тревоги». *Ноо ниме мині изі чохтандырча за?* (Ат, 38, 137) – Что же мне так не дает покоя?

Чохсын 1) «чувствовать, ощущать, замечать отсутствие кого-л., чего-л.; паламны чохсынчам чувствовать отсутствие своего ребенка; 2) чувствовать потерю кого-л., чего-л.; тужить о потере, тосковать о ком-л., о чем-л.; чохсын чөрерге постоянно чувствовать потерю кого-л. из близких; ічезін чохсынча [она] тоскует по матери; 3) приbedняться; чохсынарға күс имеющий привычку приbedняться» [ХРС, 2006, с. 992]. *Пірде Арина Петровнаы чохсынып, чүрек ундар ла хыза пазыл сыхча* [Ба, 272] – Иногда сердце начинает сжиматься, чувствуя отсутствие Арины Петровны.

Кирексі // киректе «1) иметь потребность желание, нужду в чем-л.; пала сүт кирексіпче ребенок желает молока; 2) нуждаться в чем-л.; ол ахча кирексіпче ему нужны деньги; 3) требовать что-л.; чон амыр хоных кирексіпче народ требует мира» [ХРС, 2006, с. 169].

Киректе нуждаться, иметь нужду, надобность, потребность, желание в чем-л. [ХРС, 2006, с. 169].

Түүл I 1) испытывать отвращение к кому-л. (напр., после его неприятных поступков); 2) разочароваться в ком-л., чем-л. [ХРС, 2006, с. 696]. *Че аалдагы чонны көріп, мин түүлчөм* (Хч, 2001, 4, 6) – Но при виде деревенских людей я испытываю отвращение. *Хатха түүлбе, харындасты хыйа итпе* (погов.) – В жене не разочаровывайся, брата не отвергай.

Чархан «тяготиться чем-л.»; чархан парарға совсем устать от чьего-л. присутствия, долгого разговора, болтовни; аалчыдаң чарханарға тяготиться присутствием гостя; суум-саамнаң чарханчам [меня] раздражает шум; пу паладаң чарханыбыстым [я] уже устала от этого ребенка [ХРС, 2006, с. 947]. *Туган най көпте хомайох, саңай чарханыбыстым* (Хч, 1998, 3) – Когда родни много, тоже плохо, я совсем устал [от них]. *Ічезі оларны көксеең, агырыг кізіні чархандырчазар тiң* (Птн, 41) – Мать их ругала, мол, надоедает больному человеку.

Чидік употр. чаще в отриц. форме «быть в нетерпении»; мин чидікпинібістім у меня нет терпения, (мне не терпится); ибзер нанарға чидікпинче [ему] не терпится ехать домой; чидікпин сағирға ждаты с нетерпением [ХРС, 2006, с. 963]. Наш материал подтверждает во всех контекстах употребление данного глагола в отрицательной форме: *Чоогының узараанын истіп аларға чидікпинчеткем* (Ат, 38, 112) – Мне не терпелось узнать продолжение его рассказа. *Абамның пічин уучама хыгыр пирерге чидікпинчем* (Х, 21) – Мне не терпится прочесть бабушке письмо отца.

Глагол **чидік** чаще в сочетании с глаголом **сағы** «ждать» принимает форму деепричастия. *Паланаң на ибде одырып ирістіг. Аннаңар ол ирін чидікпин сахтапчадыр* (Т, 88) – Скучно сидеть дома только с ребенком, поэтому она ждет мужа с нетерпением. *Марас уучазын чидікпин сагаан, харахтары көзенекте ле* (Х, 4) – Марас ждал бабушку с нетерпением, все время смотрел в окно (бук. «его глаза только на окнах»). *Аалчыларның прайзы чидікпин сагаан* (Кч, 23) – Все ждали с нетерпением гостей.

Чиркен «1) брезговать, чувствовать отвращение, брезгливость; 2) гнушаться, пренебрегать кем-л.» [ХРС, 2006, с. 971].

Агырыг малдаң кізілер чиркенгеннер, аннаңар аны постарының хаза тазынаң хыйа сүргеннер (Птн, 13) – Люди брезговали больного животного, поэтому прогоняли его от своих сараев. *Синің иргі тоныңнаң ол чиркенче* – Он брезгует твоей старой шубы.

Апта «1) привораживать; 2) очаровывать, зачаровывать; пленять, заколдовать; 3) перен. заинтересовывать, заинтриговать». В смысловой структуре данного глагола имплицитно содержится каузативный признак, никак не выраженный формально. *Джиннер прай тынныгларны аптап піледірлер* (По, 254) – Джинны умеют привораживать всех живых существ. *Хам ічеңең хада аптап алгазар аны* (Хч, 2000, 165, 7) – Со своей матерью – шаманкой вы приворожили его. *Олғаннар, постарының устарынаң хайхадып, көп көрігчилерні аптап алғаннар* (Хч, 1997, 135, 5) – Дети приворожили многих зрителей, удивляя своим мастерством. *Сірер міні саңай аптабыстар, Кузьма Егорович. Холым хычыбысты, тогыс тілеп* (Ба, 292) – Вы сильно заинтересовали меня, Кузьма Егорович. У меня аж руки зачесались, прося работу.

Часто каузатором выступает имя, выражающее явление, предмет или признак чего-л. Эмоционально переживающий субъект приобретает статус социативного объекта. Второй участник ситуации, оказывающий эмоциональное воздействие на субъекта, мыслится как «одушевленное» имя в именительном падеже. *Кадышевтің нымахтары міні кічігдөк аптааннар* – Сказания Кадышева меня уже с детства заинтересовали [ХРС, 2006, с. 69].

Как видим, эмоции, выражаемые перечисленными одиночными глаголами, не являются базовыми. Но все эти глаголы в хакасском языке наиболее частотны в силу того, что не имеют синонимов, и они одни выражают те или иные эмоции. Но, тем не менее, они находятся на периферии ЛСГ глаголов эмоции, за исключением наиболее содержательного глагола **күһне** «ревновать» с обобщенной семантикой.

2.8. ПОГРАНИЧНЫЕ ЗОНЫ ЛСГ ГЛАГЛОВ ЭМОЦИИ (НА ПРИМЕРЕ С ЛСГ ГЛАГЛОВ ГОВОРЕНИЯ)

Как известно, внутренний мир человека чрезвычайно сложен. В этом мире чувства человека, его отношение к миру и восприятие различных вещей и жизненных событий находят свое выражение в различной форме. В зависимости от индивидуальных особенностей своего внутреннего мира человек говорит, думает, совершает какие-либо поступки, эмоционально реагирует на те или иные явления. Некоторые проявления его внутреннего мира бывают визуально видимыми и с помощью системы невербальных знаков доходит до окружающих, некоторая же часть (например, мысль) бывает известна лишь самому человеку. Например, злость человека ощущается в движениях его рук, дрожании его губ, повышении тона речи, изменении цвета лица и др. В зависимости от внутреннего состояния у человека может пересохнуть в горле, прерваться голос. Поскольку все эти проявления находят свое отражение в языке, лингвистика всегда уделяла большое внимание исследованию вербальных средств выражения эмоциональных, ментальных, поведенческих и других состояний человека.

Исследователи не раз отмечали, что ЛСГ не является строго изолированной структурой. Однако установление её границ, которые являются подвижными, нечеткими в виду имеющихся смысловых связей между глаголами представляют одну из трудностей определения конкретной ЛСГ. В связи с этим лингвисты по-разному определяют границы и состав группы.

Размытость границ объясняется тем, что лексические единицы обладают одновременно несколькими ЛСВ в своей семантической структуре, одни из которых на уровне вторичных значений могут переходить за пределы одной ЛСГ. По наличию таких сем глаголы могут соотноситься с двумя и более семантическими группами. В этом случае лексемы расположены на периферии ЛСГ. В значении таких слов важное место занимает образный компонент, который связывает прямое и переносное значения, и другие коннотативные компоненты. Пересечение наблюдается

не только с другими лексическими группами, но и между подгруппами и разрядами внутри ЛСГ.

Глаголы эмоции чаще пересекаются с глаголами говорения, поведения, интеллектуальной деятельности, восприятия и др. Это объясняется тем, что эмоциональные процессы являются своеобразной составляющей психических состояний человека наряду с его волевыми проявлениями и интеллектуальными состояниями. «Мы никогда не говорим и не мыслим абсолютно рассудочно, – пишет Ш. Балли, – но, с другой стороны, эмоциональная доля мысли может быть настолько мала, что ее языковое выражение практически следует зачислить в категорию логического знака. Но верно также и обратное: чувство может господствовать настолько, что идея кажется сведенной к нулю...» [Балли, 1961, с. 23].

Связь глаголов эмоции с глаголами других ЛСГ осуществляется, главным образом, через корреляции вторичных и переносных значений. Это происходит при смене категориальных признаков, как, например, при переходе глаголов звучания в группу глаголов эмоции: **марла** «1) реветь (о животных); 2) *разг.* реветь; громко плакать (о людях)», **орла** «реветь (о животных); *разг.* орать, громко плакать (о людях)» и т. д. Как видим, ряд глаголов в переносном значении может обозначать не только звучание, но и громкий плач.

В нашем предшествующем исследовании мы пришли к выводу, что многие глаголы говорения в хакасском языке имеют ЛСВ, выражающие эмоциональную оценку со стороны говорящего: **хырыс** «ругать», **кёксе** «бранить», **хызаанна** «сильно и долго ругать кого-либо за какую-либо провинность», **күрле** «отчитывать» и другие [Чертыхова, 2005, с. 90–100].

Расширяют объем исследуемой группы, составляя ее периферию, глаголы говорения с ярко выраженной эмоционально-стилистической окраской. Это глаголы, обозначающие эмоциональную брань: **адайлан**, **хазырлан**, **чабаллан**, **чалтырат**, у них более сложная семантическая структура: злобность + речь, а иногда и действия и находятся на стыке трех ЛСГ: говорения, эмоции и поведения. В их значениях сочетаются такие семы, как «брань», «гнев», «сопровождение гнева какими-либо действиями». Подобные слова имеют ассоциативное значение, содержащее сравнение с тем, что названо производящим словом и мотивированы значениями корней: **чабаллан** – **чабал** «плохой», **хазырлан** – **хазыр** «злой, грозный, яростный». В семантике глагола **адайлан** чувство злости ассоциируется с действиями и признаками злой собаки (**адай** – собака).

Следует отметить, что все эти глаголы в речи широко употребительны, что подтверждается примерами:

чабаллан «1) браниться; 2) злиться». *Магаа ол чабалланган, ыырчы палазына полысчазың тiп* – Он бранился на меня, мол, я помогаю ребен-

ку врага. *Мылтиин хаап, Ойаңның чыхчозынзар улап, чабаллан сыххан: – Холың көдір, хасхы... – Схватив ружье, нацелив на висок Ойана, стал браниться: – Руки вверх, бандит... – Түрчедөң прайларыңны харибге чылдырғлим, – чабаллан сыххан Ойаң – Скоро всех вас сдвину в тюрьму, – стал браниться Ойан.*

хазырлан «1) браниться; 2) свирепеть». – *Сынны чоохта! – хыннаң наган суура тартып, хазырланган хасхы – Говори правду! – выхватывая из кобуры наган, злобно кричал бандит. – Сагамох чуртымнаң сыххлаңаа! – хазырланган апсах – Сейчас же выходите из [моего] дома! – рассвирепел старик. – Тохтат салыңар пістің кибірге келерге! – хазырланча Пычон – Прекратите смеяться над нашим обычаем! – свирепеет Пычон.*

адайлан «1) браниться, 2) злиться». – *Пілчезің ме, мылтых тударга чарадылбинчатханын? – адайланча ол – [Ты] знаешь, что не разрешается держать [у себя] ружье? – бранится он.*

чалтырат «1) сильно ругать; 2) браниться, угрожая, иногда и действуя». Данный глагол образован путем присоединения к глаголу **чалтыра** «блестеть» аффикса понудительного залога **-т-**. Следует отметить, что глагол **чалтырат** только в таком формальном выражении имеет статус глагола эмоции. – *Пу кашаны тооза чібіс. Алай амох хуу хатты хыгыр килем, – чалтыратча палазын ічезі – Эту кашу всю съешь. Или сейчас же позову Бабу Ягу, – пугает ребенка мама.*

Итак, мы помним, что при выделении ЛСГ глаголов эмоции должно учитываться и то обстоятельство, что часто в конкретном употреблении глаголов наблюдается совмещение основного значения с обозначением внешнего проявления эмоций (сопереживания, раздражения, досады, недоумения, ярости, бешенства и т. д.). Если подходить к отбору интересующих нас глаголов с учетом этого обстоятельства, в том же Хакасско-русском словаре [2006] можно насчитать еще более 40 глаголов, находящихся на периферии ЛСГ глаголов эмоции. Они тоже входят в систему ЛСГ глаголов эмоции, и, составляют ее периферийные зоны.

ГЛАВА III. СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛОВ ЭМОЦИИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Синтагматика – 1) один из двух аспектов изучения системы языка, анализ особых – синтагматических – отношений между знаками языка, возникающих между последовательно расположенными его единицами при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте; этот аспект изучения языка противопоставляется парадигматике [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 447].

Как известно, синтагматические характеристики глагольной лексики устанавливаются при рассмотрении их как элементов синтагматической цепи, выделении обязательных и факультативных позиций.

В русском языкознании изучению типовой сочетаемости глаголов посвящены наиболее полные и глубокие исследования, среди которых можно назвать работы В. П. Бахтиной, В. В. Богданова, Л. М. Васильева, Р. М. Гайсиной, А. А. Кретова, Э. В. Кузнецовой и др. В последние годы лексикологи рассматривают сочетаемостные свойства глагола в лексико-семантическом аспекте через характеристику семантических признаков. «Сочетаемость глаголов обуславливается следующими факторами, выделенными вслед за Сухотиным многими авторами: 1) структурно-грамматическими особенностями глагола; 2) лексическим значением глагола; 3) лексико-грамматическими признаками зависимого слова (см. Сухотин, 1962; Попова, 1968; Гордеев, 1973; Михайлова, 1989; Бабенко 1989 и др.)...» [Михайлова, 1989]. Перечисленные признаки позволяют выделить однотипную сочетаемость глаголов, принадлежащих одной семантической группировке: субъект + стимул (причина) + глагол. Синтагматические характеристики глаголов эмоции устанавливаются при рассмотрении их как элементов синтагматической цепи, выделении обязательных и факультативных позиций.

Глаголы одной ЛСГ обычно имеют однотипную грамматическую сочетаемость, т. к. это члены одного грамматического разряда, и однотипную лексическую сочетаемость, т. к. они связаны общей категориально-лексической семьей и типовыми дифференциальными признаками. Учет этих двух типов сочетаемости позволяет выделить типовую сочетаемость глаголов эмоции, т. е. дать определенную характеристику тех позиций, которые представлены в конструкциях глаголов, поскольку принадлежность к определенной группировке предполагает однотипную сочетаемость.

Анализ синтаксического окружения глаголов эмоции в хакасском языке показывает, что чаще синтагматическую цепь заполняют позиции субъекта и причины (стимула). В данную синтагматическую цепь выстраиваются как обязательные, так и факультативные позиции. Наиболее разнообразной характеристикой валентности обладает позиция причины (стимула). «Эмотивная лексика ситуативна в своей денотативной основе, так как эмоции нерасторжимо связаны с субъектом, их испытывающим, и объектом, их вызывающим. Глагол является частью речи, наиболее приспособленной для отражения эмоций: он обязательно ориентирован на сферу субъекта или на сферу объекта» [Уфимцева, 1986, с. 138].

В хакасском языке, как и в других разноструктурных языках, идеальную типовую модель конструкций глаголов эмоции представляется таким образом: субъект + причина (стимул) + глагол.

3.1. ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТРУКЦИЙ ГЛАГЛОВ ЭМОЦИИ

Семантику глаголов эмоции, как в хакасском, так и других языках, можно обозначить как субъектно-причинную, так как их содержательная структура требует наличия субъекта и причины (стимула), соответственно ситуация эмоционального переживания может иметь вид как двухместной – субъектно-причинной структуры. При коммуникации эти две позиции часто не получают словесного выражения, но тем не менее, они легко восстанавливаются.

3.1.1. Позиция субъекта при глаголах эмоции

Вопросу о семантическом субъекте посвящены работы многих лингвистов [см. Алисова, 1970; Арутюнова, 1976; Абдуразаков, 1991; Бертагаев, 1958; Кокорина, 1979; Воронина, 1976 и др.]. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, субъект составляет как раз тот элемент, который обеспечивает суждению отнесенность к миру [Арутюнова, 1979, с. 323]. М. А. Абдуразаков дает следующее обобщенное определение субъекту: «... это первый, независимый, обуславливающий объект системы, задающий признак или отношение в зависимости от модели предложения или незадающий обуславливаемых им объектов системы» [Абдуразаков, 1991, с. 6]. Мы вслед за Д. Д. Ворониной считаем, что семантический субъект – это тот компонент в семантической структуре предложения, который выступает как носитель признака, выраженного семантическим предикатом» [Воронина, 1976, с. 2].

Статус субъекта в конструкциях глаголов эмоции обязателен. Субъект – есть «производитель» или «автор» эмоциональной деятельности,

которая без него само собой совершаться не может. Субъект и процесс эмоции неотделимо взаимосвязаны и дополняют друг друга. При этом, составляя одно целое, каждый выполняет свою роль, предназначенную только для него.

При глаголах эмоции субъект (носитель) эмоционального переживания обычно представляет собой лицо (или другие одушевленные существа: животные, звери, птицы), испытывающее эмоциональное состояние или признак, выраженный эмотивным глаголом.

Различные предметы и явления объективного мира по-разному воздействуют на сознательную сферу человека: радуют, огорчают, беспокоят, вдохновляют и т. д. Субъект хоть и осознанно переживает какие-либо эмоции, но он не производит каких-либо волевых действий, проявление его воли иногда может заключаться лишь в скрытии им своих эмоциональных переживаний. В определенные отрезки времени предметы и явления окружающей действительности или определенные ситуации, под воздействием которых субъект получает какие-либо переживания, становятся для него значимыми и охватывают все проявления его жизнедеятельности, а продолжительные чувства (любовь, ненависть) переживаются им в форме психических состояний. Эмоциональные переживания субъекта взаимосвязаны также с такими проявлениями механизма внутренней регуляции психической деятельности, как поведение, говорение, иногда и мышление. Например, под воздействием какого-либо эмоционального переживания, субъект может ругаться, кричать, или вести себя каким-либо образом (радоваться, наглеть, безумствовать, дурачиться, приставать к кому-либо). А также переживание каких-то эмоций в результате может подвести субъекта к пониманию или решению. Существует также обратная связь: чужая речь или какие-то проявления поведения другого лица могут вызвать у субъекта определенные эмоциональные переживания.

Глаголы со значением эмоции выражают с одной стороны – процесс отношения субъекта к определенным явлениям действительности, ситуациям, к действиям других людей и т. д., с другой стороны – его психологическое состояние и переживания в результате данного отношения. Таким образом, субъект (носитель) эмоционального переживания обычно представляет собой лицо, испытывающее эмоциональное состояние или признак, выраженный эмотивным глаголом. К позиции субъекта при глаголах эмоции тяготеют малосодержательные (или бессодержательные) слова:

а) термины, выражающие понятие «человек» (указание на возраст, пол, род занятий, родственные отношения). – *Синің ўнің пістің тогысха чарир*, – *чөпсін салган пастыгы* (Хо, 75) – Твой голос подойдет для нашей работы, – остался довольным начальник;

б) собственные имена. *Өрінче Хакасия, кееркестіг Чиңіс күнін тапыхтап* – Радуется Хакасия, празднуя День победы;

в) личные имена. *Ойаң паза кізі чілі көрбеен, күннің сай, изірік киліп, соғып ла чалтырат турчаң* (Чх, 121) – Ойан его возненавидел, приходя пьяным, избивая, угрожал ему. *Галя хайда-да ирее көрче* (Чх, 120) – Галя где-то страдает;

г) личные местоимения. *Ол, ачырганып, паза полбин, пазох амзабысты* (Хч, 2001, 4, 7) – Он, сокрушаясь, не зная что делать, опять выпил. *Пір дее кізіден уйатпаам, нога-да синнең, апсах, уйатчам* (П, 151) – [Я] никогда никого не стеснялся, но тебя, старик, почему-то стесняюсь. *Алиман ибде чох полган, мин сахтаам паза сағыссырабысхам* (Д, 121) – Алимана дома не было, я его ждал и забеспокоился;

д) субстантивированное подлежащее. *Чечняны позыдарга хынминчатханнар Россия изелерге чөр тіп сағыссырапчалар* (С, 101) – Те, кто против отделения Чечни, беспокоятся, что Россия развалится;

е) явления и предметы, наделенные одушевленностью. *Өң-пазы чяхяхтар, харах өріндіріп, чүрек көдіргеннер* (О, 59) – Разные цветы, радуя глаз, поднимали настроение.

Как видим, почти все слова, выступающие в роли субъекта, обозначают людей. Но в сказках животные и птицы, и даже предметы могут обладать даром эмоциональной деятельности. Такие конструкции мы рассматриваем наряду с конструкциями, где позиция субъекта представлена словом, выражающим понятие «человек».

По сравнению с другими позициями, позиция субъекта не отличается разнообразием форм выражения. Обычно выражается именем в им. п., очень редко местн. и напр. п.

3.1.2. Позиция причины (или стимула) эмоционального переживания при глаголах эмоции

Данная позиция представляет собой реакцию субъекта на какие-либо психические раздражители и в конструкции характеризуется разнообразием синтаксических обозначений. Это могут быть имена:

а) в дательном падеже (глаголы любви, удивления, злости, раздражения, смеха, радости, печали). «Дательный падеж оформляет имена объектов, к которым (на которые) направлена эмоция субъекта (протогониста). При этом сама эмоция может быть как положительной, так и нейтральной или негативной. Негативные эмоции – неприязнь, обида, злость, раздражение, возмущение – не выводят объект, вызывающий эту эмоцию, за рамки «личной сферы» субъекта. Они предстают как направленные как к объекту, а не от него» [Черемисина, Озонова, Тазранова, 2008, с. 73]. Данная модель действует по схеме «кто + кому / чему + глагол». *Соохха хатхырчаң, ізіге күлінчең Сагдай* – На мороз насмехался, на тепло улыбался [обычно] Сагдай. *Хысхы харааларда соохха тооп турган,*

чайгыда чылыга чалахайланган – В зимние ночи мерз [обычно], а летом радовался жаре.

б) в исходном падеже, который представляет источник, чего следует избегать, бояться, стыдиться (глаголы страха, стыда). *Амды пірдеезі адайдаң хорыхпаан, сым на турчатханнар* – Теперь никто не боялся сабаки, все стояли на месте.

А. Т. Тыбыкова также отмечает управление глаголами эмоции именами в дательном и исходном падеже, поскольку «у алтайских глаголов **тарын** «обижаться», **ачын** «сердиться», **јескин** «брезговать» конечное -н основы восходит к суффиксу возвратного залога, что делает их семантику замкнутой на субъекте, а валентность дательного и исходного падежа открывает позицию стимула причины, повода эмоции, эмоциональной реакции [Тыбыкова, 1991, с. 139].

Более подробная система глагольных моделей простых предложений, в том числе глаголов со значением эмоции, на материале алтайского, тувинского и хакасского языков описана в монографии М. И. Черемисиной, А. А. Озоновой, А. Р. Тазрановой [2008].

Чаще стимул эмоционального переживания выражается синтаксическим описанием ситуации эмоционального переживания или же причины эмоции. Русист Н. И. Шапилова такие позиции рассматривает в качестве факультативных, и называет обстоятельственными [Шапилова, 1970]. В хакасском языке это наиболее распространенный способ репрезентации стимула или причины эмоции. В данной позиции могут выступать:

а) деепричастный оборот. Это наиболее распространенный способ раскрытия причины эмоционального переживания при глаголах со значением радости, злости, раздражения, страха, печали, страдания, стыда, удивления, беспокойства, смеха, плача и ненависти. *Чалаас хаттарны кӱрпӱ, кӱлімзіреп ле салказың* – Видя голых женщин, только поулыбаешься. *Ол, Пасекты кӱр салып, тогылах сырайына толдыра сізібіскен* – Он, увидя Пасека, надулся на все [свое] круглое лицо;

б) прямая речь. Прямой речью управляют глаголы со значением радости, злости, раздражения, страха, печали, удивления, беспокойства, смеха, плача и восхищения. – *Ідӱк тее чадап настыр чӱрчезің, – саңай үрүгін настабысты Кулагастың ипчизи* – И так еле ходишь, – стала страшиться жена Кулагаса. – *Джамиля! Джамия! – сүркүңнеем мин, харах частарыма пурлугып* – Джамия! Джамия! – всхлипывал я, захлебываясь своими слезами. – *Ок, казактың сабызы мирген! – морсын халган Сабагоол* (Пт, 80) – Ох, и меток удар казака! – восхитился Сабагол. Евсейка тарыныбысхан: – *Хайдаг уйады чохтардыр!* (По, 97) – Евсейка разозлился: – Какие они бесстыжие!

в) придаточное предложение: *Сменада ит салар тогызымны толдыр полбазам, ачырғанчаңмын* – Если [бывало] не мог закончить работу

за одну смену, я огорчался. *Зойка, немец позынзар чагдапчатханда, тың хысхырып, сарлаан* – Зойка сильно плакала, когда немец подходил к ней;

г) придаточное предложение со связкой **tіp** (говоря). Связка **tіp** является распространённым средством связи в хакасском языке между глаголами говорения, мышления, эмоции, движения, письма и т. д. и придаточным предложением, которое выражает различные значения: причину или цель действия, предназначенность предмета для *кого-чего-либо*, принятие *кого* или *чего-л.* за *кого* или *чего-л.* и т. д.

Застывшая деепричастная форма глагола **tі** «сказать» – **tіp** букв. «говоря» в различных фонетических вариантах (**деп, теп, теш, тип**) употребляется во многих тюркских языках. Будучи связкой (или служебным словом), **tіp** является связующим звеном между глаголом и его зависимым придаточным предложением и переводится на русский язык как *мол, что*. Обычно управляют придаточным предложением со связкой **tіp** глаголы мыслительной деятельности, эмоции, восприятия, но чаще всего, глаголы говорения. «Наличие определенных лексико-семантических групп предикатов – общее для этих конструкций. Специфика проявляется в способах выражения субъекта зависимой предикативной единицы и характере личного оформления зависимого сказуемого» [Шамина, 1989, с. 132].

В ЛСГ глаголов эмоции придаточное предложение со связкой **tіp** является распространённым способом раскрытия причины эмоционального переживания, им могут управлять большинство глаголов, это

глаголы со значением радости (**öріп** «радоваться», **чалахайлан** «проявлять приветливость, радушие», **чары** «1) светить, светиться; 2) *прям.* и *перен.* (о детенышах некоторых животных) прозреть; 3) *перен.* светлеть, просветлеть»);

глаголы со значением удивления (**хайха** «1) удивляться; 2) поражаться; 3) изумляться»; **таңна** «1) удивляться; 2) поражаться»; **чапсы** «1) удивляться, изумляться; 2) восхищаться, восторгаться»; **чапсырха** «1) лакомиться чем-л.; есть что-л. с удовольствием; 2) относиться к кому-чему л. с любопытством; 3) восторгаться, восхищаться; 4) проявлять интерес к чему-л.»; **чапсыхтан** «1) проявлять интерес к кому-чему-л.; 2) удивляться»; **үрүк** 1) удивляться; 2) поражаться»);

глаголы со значением удовлетворения (**чөпсін** «1) быть удовлетворенным, удовлетворяться, удовольствоваться чем-л.; остаться довольным; 2) чаще употр. в отриц. форме; чөпсінмеске быть недовольным, недовлетворенным; 3) одобрять; чарадыҕларға чөпсінерге одобрять решения»; **морсын** «быть довольным чем-л., удовлетворяться»);

глаголы со значением злости (**тарып** «нервничать, сердиться, возмущаться, раздражаться, злиться, гневаться, обижаться», **тарых** «нервничать, сердиться, раздражаться, возмущаться, расстраиваться»);

глаголы со значением гнева и брани (**чабаллан** «злиться, браниться», **хазырлан** «свирепеть, злиться, браниться», **адайлан** «злиться, браниться», **айналан** «злобствовать, злиться»);

глаголы со значением раздражения (**хыртыстан** «проявлять ненависть, враждебность, недружелюбие, неприязнь, раздражение к кому-л.», **тыртыстан** «раздражаться, злиться», **ыдырҕахтан** «раздражаться, злиться»);

глаголы со значением беспокойства (**сағыссыра** «1) беспокоиться; 2) волноваться») и др.

Примеры: *Хайди көп одың чар салгазың тiп хайханча Пасилий* – Василий удивляется, мол, как ты много наколот дров. *Мин Зоя пасхаларына тың хатыг полбазын паза класстаң чара полча полбазын тiп хорыххам* (ЗпШп, 82) – Я боялась, как бы Зоя не была слишком строгой к другим и как бы не сторонилась своего класса. *Аны хомай азырапчатхан полбазыннар тiп, төремiл сағыссыридыр* (О, 62) – Она постоянно беспокоилась, а вдруг его плохо кормят.

Нужно отметить, что глагол эмоции, как и глагол говорения, может управлять как прямой речью, так и придаточным предложением со связкой **тiп**. В таких контекстах глагол эмоции легко может быть заменен глаголом говорения, например, *Хайди мындаг хара төрiп пардым тiп, ачырганча* – Сильно сокрушается, мол, почему я родилась такой черной = *Хайди мындаг хара төрiп пардым тiп, чоохтанча* – Говорит, мол, почему я родилась такой черной.

д) делиберативный объект называет тему речи или мысли и является пропозиционным участником действия (процесса), выражаемого, большей частью, глаголами речи, так как выражает понятие «о ком – о чем идет речь», с глаголами эмоции, где делибератив раскрывает причину эмоционального переживания, и реже – с ментальными глаголами. В русском языке делибератив представлен формой предложного падежа.

В хакасском языке делиберативный объект оформляется формой на **-нанар/-нецер, -таңар/-тецер, -данар/-денер**, в алтайском же языке при помощи послелога **керегинде**.

Считается, что форма на **-нанар/-нецер, таңар/-тецер, -данар/-денер** сравнительно молодая. В хакасских текстах она была зафиксирована впервые в текстах В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова [Катанов, 1892–1894]. «Эта сложная форма развилась, видимо, из аффикса исходного падежа путем сочетания с так называемым послелогом аффиксом **-ар/-ер**, возникшего, в свою очередь, вероятно, от слова **аар** «дальше, по ту сторону» [Боргояков, 1976, с. 116]. Данная форма выражения темы речи, мысли, эмоции действует только в хакасском языке. «В других тюркских языках Южной Сибири это «нулевая форма» в сочетании с послелогом (алт. *керегинде*, тув. *дээш*)» [Черемисина, Колосова, 1987, с. 5].

В Грамматике хакасского языка [1975] данная форма представлена как послелог-аффикс, наряду с аффиксом **-ча/-че**, характерными особенностями которых являются такие признаки, как полное отсутствие самостоятельных лексических значений, слияние с основой сопровождаемых слов, подчинение законам сингармонизма. «Форма на **-наңар/-ненер, -танар/-тенер, -даңар/-денер** восходит к сочетанию аффикса исходного падежа с аффиксом **-ар/-ер**, сопровождает имена, местоимения и причастные формы глагола, используется: 1) для указания на объект речи, мысли или чувства, передаваемого сказуемым; 2) для выражения причинно-следственных отношений, если сказуемое не содержит в себе значений речи, мысли и чувства» [Грамматика, 1975, с. 267]. В неродственных хакасскому пермских языках также формальными показателями выражения делиберативных отношений отмечаются послеложные и падежные единицы, при этом в каждом из языков доминируют послелогии как основное и наиболее стандартное средство [Некрасова, 2012].

М. И. Боргояков считает, что эта форма ведет себя вполне как сформировавшийся падеж и по своим признакам она «вплотную приближается к категории падежей, и ее можно было бы включить в качестве девятого падежа в состав склонения, назвав ее условно «причинно-следственным» падежом» [Боргояков, 1976, с. 117]. Н. Г. Доможаков называет его «исходно-послеложным падежом» [Доможаков, 1948, с. 62]. М. И. Черемисина делиберативный падеж считает одной из 9 форм, выполняющих функции актантов [Черемисина, 2002, с. 5].

Делиберативным способом могут раскрывать причину эмоции глаголы со значением беспокойства, а также некоторые глаголы со значением печали (**хомзын, чобал, пичелен**). *Хараа тооза марыглардаңар сагыссыраам* (Хч, 1996, 164, 3) – Я всю ночь переживал о соревнованиях. *Мының соонаң мині синнеңер пичеленминче тібессің, неке* (По, 255) – После этого ты, наверно, не скажешь, что я не переживаю о тебе;

е) инфинитив. Под объектным инфинитивом мы понимаем инфинитив, выполняющий функцию объекта при глаголе с объектной валентностью. Синтаксисты такие конструкции называют аналитическими конструкциями на **-арга**, инфинитивными конструкциями или модальными конструкциями. В русском языке такой инфинитив легко трансформируется в существительное, например, учиться читать = учиться чтению; догадался убраться в квартире = догадался о необходимости уборки в квартире.

Объектный инфинитив, где «субъект доминирующего глагола побуждает (каузирует) другое лицо исполнить действие, названное. В тюркских языках каузативные отношения выражаются специальными формами каузативного (или побудительного) залога. Эта «морфологическая параллель» существенно ограничивает сферу использования инфинитивных конструкций для выражения каузации. В этот тип входят, во-первых,

конструкции с переходными глаголами, образованными от глаголов адаптации каузативными аффиксами: ср. *бичишрге урен* «учиться писать» – *бичишрге урет* «учить писать». Во-вторых, к ним примыкают глаголы с семантикой положительного или отрицательного влияния, содействия или противодействия субъекта доминирующего глагола совершенно инфинитного действия... В-третьих, такие конструкции формируют глаголы вербальной каузации: просить (требовать, приказывать), разрешать, запрещать...» [Черемисина, 1995, с. 11].

В отличие от других способов выражения позиции причины эмоции объектный инфинитив является наименее распространенным и характеризуется строго определенной семантикой: он обозначает действие, которого остерегается субъект. Обычно он соотносится с будущим временем и сочетается с глаголами со значением:

а) страха. *Магаа оларның аразындагы киректер тың на пилдістіг полбаан, көні чоохтаза, анзынаңар сағынарға хорыххам* (Д, 32) – Мне непонятны были дела, происходящие между ними, честно говоря, я и думать об этом боялся;

б) стыда. *Колхоз тамаан огырлаан ол, аннаңар чоохтанарга уйадарчыхсың* (П, 186) – Он воровал колхозное зерно, ты бы постеснялся говорить о нем. *Мин синнең хада төреен күнге парарга уйатпинчам – син арага іспинчезің* (Хо, 11) – Я не стесняюсь идти с тобой на день рождения – ты не пьешь.

Таким образом, наиболее характерным типом дискурса, в котором употребляются глаголы эмоции, является объект (стимул) эмоционального переживания, который в свою очередь подразделяется на определенные комбинации валентностных средств. Н. Б. Кошкарева выделяет следующие дифференциальные признаки моделей, описывающих эмоциональное состояние, на материале русского языка:

1) субъектом – экспириенцером является одушевленное лицо; 2) субъект испытывает импульсивное (кратковременное, непродолжительное или ограниченное определенными временными рамками) эмоциональное состояние, что препятствует варьированию данной модели по категории фазисности и ограничивает возможность указания на длительное течение эмоции; 3) каузатором эмоции является предшествующее событие; 4) позицию каузатора может занимать имя пропозитивной семантики или предикативная единица, которые обозначают некоторое явление действительности и являются диктумом предложения; 5) позиция каузатора является обязательной в силу ее диктумного характера; б) эмотивный глагол является средством выражения модуса – эмотивного отношения субъекта к пропозиции, получающей свернутое или развернутое выражение [Кошкарева, 2004, с. 32]. Подобная характеристика, на наш взгляд, соответствует также структурным моделям хакасских глаголов эмоции. Основную роль в конструкции выполняет позиция причины

эмоционального состояния, это происходит потому, что «без каузатора не может быть установлена связь между событием, названным им, и переживанием по его поводу, названным эмотивным предикатом» [Кошкарева, 2004, с. 32].

3.2. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТРУКЦИЙ ГЛАГОЛОВ ЭМОЦИИ

Как нам известно, позиции субъекта и причины эмоционального состояния являются обязательным компонентом в конструкциях глаголов эмоции. Однако, богатое контекстное окружение и лексическое наполнение конструкций глаголов эмоции способствует образованию, помимо ядерных позиций, также других факультативных сем. Периферийные или факультативные позиции в конструкциях глаголов эмоции представляются в виде разнообразных грамматических образований. Заполнение факультативной позиции характеризуется лексической разнообразностью.

Наиболее продуктивной является модель сложноподчиненного предложения с придаточным, указывающим на время протекания процесса той или иной эмоции: *Амды, хачан чыллар ирт парганда, изі чохтанчам, кимірче мині алгыс сөстөрі, тынымны ал халган үчүн* (Хч, 1997, 40, 2) – Сейчас, когда прошли года, мне не по себе (чувствую себя неуютно), не дают мне покоя слова благодарности за то, что спасли мне жизнь. *Пастагы классха парар алнында оолагым чүрөксінген* – Перед тем, как идти в первый класс, [мой] сын волновался. *Пуун иртеннең сыгара апсаамның істі тарлан тур* – Сегодня с самого утра мой муж раздражается.

Также выделяются следующие конкретизаторы протекания эмоциональной деятельности:

а) место. *Күдеттің андаг хылых нимес, аннаңар ол оларга **ибінде** ле тарын чөрче* (Птн, 48) – У Кудета не такой характер, поэтому он на них злится **только дома**.

б) время. *Ибзер парганда, ол мині кўннебіскен* – **Когда пошли домой**, он меня заревновал. *Пірсінде чўреем сыдаспаан, ылгап салыбысхам* – **Однажды** мое сердце не выдержало, я заплакал.

а) интенсивность (слабая, сильная). *Мин синнеңер **тың** сагыссырапчам* (ЗпШп, 179) – **Я сильно** беспокоюсь о тебе.

Как видим, факультативное приглагольное окружение характеризуется обычно обстоятельными характеристиками.

Как известно, глагол располагает разветвленной системой грамматических форм, и в случае с глаголами эмоций также наблюдаем, как они могут приобретать в предложении и другие грамматические формы и тем

самым выступать в роли других членов предложения: причастием, деепричастием, дополнением, обстоятельством. При этом глагол эмоции располагает наиболее разнообразным управлением. *Ол, хатхырза даа мин кӧргем: аның істінде изі чох полган* – Он, хоть и смеялся, было видно, что ему было не по себе.

Обычно реализация глагола эмоции осуществляется в соответствии с различными валентностными типами, например, деепричастием, деепричастным оборотом, наречием, которые характеризуют процесс эмоциональной деятельности.

Итак, как известно, глаголы эмоции, как и глаголы других ЛСГ, имеют однотипную грамматическую сочетаемость, поскольку это члены одного лексико-грамматического разряда, и однотипную лексическую сочетаемость, поскольку они связаны общей категориально-лексической семьей и типовыми дифференциальными семами. В качестве типовых позиций для глаголов эмоции выделяются позиции субъекта, причины (стимула), они же являются и обязательными для данных глаголов. Позиция субъекта «регулярно выражается одушевленными именами существительными и обозначает активного производителя действия» [Фоменко, 1979, с. 66]. Позиция же причины (стимула) характеризуется разнообразием выражений. В типовой сочетаемости некоторых глаголов эмоции также обязательно присутствие второго участника действия, который также попадает под образную категорию причины (стимула) эмоционального переживания. Например, *Оолах арғызына тарынган* – Мальчик злился на друга. Здесь под образом друга понимается действия, которые, по мнению переживающего мальчика, являются предосудительными, выходящими за рамки приличия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глагольная лексика представляет наиболее многосложную, иерархическую микросистему языка, организованную как множество ЛСГ или лексических полей. Традиционно ЛСГ включает слова одной части речи (главным образом, глаголы), которые объединены общим дескриптивным родо-видовым признаком и противопоставлены по каким-либо другим семантическим признакам. Обращение к проблеме ЛСГ, как к особо многосложной, иерархической системе языка, является актуальным в лексикологии не только хакасского языка, но и других тюркских языков Южной Сибири.

В проведенном исследовании впервые не только в хакасском языке, но и других тюркских языках, подвергнуты лексико-семантическому описанию 213 глагольных единиц со значением эмоции. Поле эмоционального переживания хакасского языка располагает 16 единицами глаголов, выражающих положительные эмоции, 64 единицами глаголов, выражающих отрицательные эмоции, 19 единицами глаголов, обозначающих нейтральные эмоции, 21 единицей глаголов, выражающих проявление как положительной, так и отрицательной эмоций, а также 9 единицами одиночных глаголов. Особое разнообразие выражений представляют эмоции, обозначенные соматическими фразеосочетаниями (83 глагольно-именных единиц). Мы показали, что глаголы со значением эмоции в хакасском языке являются организованной иерархической структурой. Глаголы, выражающие положительные эмоции, расположены по 4 семантическим микрогруппам, глаголы отрицательной эмоции – по 7 микрогруппам, внутри которых объединены в синонимические ряды. Глаголы нейтральной эмоции представлены двумя микрогруппами. Глаголы, обозначающие проявление эмоции (смех и плач) также расположены по двум микрогруппам, внутри которых по различным дифференциальным признакам образуют синонимические ряды. Наиболее объемную и богатую картину представляют соматические фразеосочетания с семантикой эмоции. Эмоции универсальны, а структура эмотивной лексики не совпадает в разных языках, ЛСГ глаголов эмоции также имеет национальную специфику.

В первой главе данного исследования мы выявили и показали, что глаголы эмоции в хакасском языке представляют собой организованную, системную группировку, состоящую из микрогрупп, подгрупп и синонимических рядов. Под глаголами со значением эмоции мы понимаем глаголы, обозначающие различные аспекты психической деятельности чело-

века. Основное их отличие от глаголов других ЛСГ состоит в том, что они обозначают не действие, активно совершаемое субъектом, а реакцию субъекта на определенные семантические раздражители.

В одну ЛСГ глаголы эмоции объединены по общности категориально-лексической семы «испытывать, переживать какое-либо чувство или эмоцию». Специфической особенностью хакасского языка, а также других тюркских языков, является отсутствие идентификатора – выразителя категориально-лексической семы ЛСГ глаголов эмоции. В русском языке идентификатором ЛСГ глаголов эмоции является *чувствовать*, с которым привативно связаны более содержательные глаголы эмоции. Также русский язык позволяет конкретизировать эмоцию глагольно-именным образованием вроде *чувствовать радость, чувствовать раздражение, чувствовать тоску* и т. д.

Во второй главе дается семантическая классификация глагольной лексики со значением эмоции в хакасском языке, определяется состав ЛСГ, где по общности инвариантной семы глаголы эмоции подразделяются по семантическим подгруппам. Исходя из качественных характеристик выражаемых эмоций, глаголы мы выделяем три разряда: 1) глаголы, выражающие положительные эмоции; 2) глаголы, выражающие отрицательные эмоции; 3) глаголы, выражающие нейтральные эмоции. Далее эти глаголы подразделяются по подгруппам, микрогруппам и синонимическим рядам.

Как показало исследование, наиболее многочисленными оказались подгруппы глаголов со значениями злости, раздражения, страха, печали, удивления, смеха и плача. Данные эмоции психологи называют базовыми, основными. Однако выражение в глагольной форме таких базовых эмоций, как ревность и радость, оказалось скупой и сдержанной: только один глагол *кўнне* выражает эмоцию ревности, радость также выражается только глаголом *өрін*, и двумя глаголами во вторичных ЛСВ. Обозначение таких постоянных и длительных чувств, как любовь и ненависть также выражено небогато. Считаем, что представление в языковой форме эмоциональных переживаний отражает определенную систему представлений хакасов об окружающей действительности и явлениях, а также специфику веками сложившегося национального характера. Также отмечаем богатство и разнообразие образных средств выражения эмоциональных переживаний в виде соматических фразеосочетаний, образованных по типу «имя + глагол». Можно сказать, что в хакасской наивной картине мира это своеобразная форма представлений и ощущений наиболее ярких эмоций. В хакасском миропонимании страдание, любовь, тоска, радость локализируются в сердце, боль, тоска – в печени, злость – в легких, зависть – животе (в нутро), в то время как, например, у русского человека эмоциональность связана только с сердцем. Взаимосвязь хакас-

ского мироощущения с обслуживающим его языковым выражением в дальнейшем представляет перспективу данного исследования.

Внутри подгрупп выделяются синонимические ряды. Однако некоторые подгруппы по общности семантики идентичны синонимическим рядам. В конечном счете, объектом детального анализа является глагол, в частности, глагол в одном из своих ЛСВ. В каждом глаголе эмоции уточняется категориально-лексическая сема группы, инвариантная сема подгруппы.

Также в исследовании ЛСГ глаголов эмоции большое внимание уделялось выявлению взаимоотношений между ее членами. Наиболее ярко системные связи глаголов обнаруживаются в их распределении по семантически объединенным подгруппам. Основными типами семантических связей являются синонимические, антонимические, гипонимические, многозначные и другие отношения. Эти связи находятся между собой во взаимосвязи и взаимодействии.

Третья глава монографического исследования посвящена синтагматической характеристике глаголов эмоции. Один из аспектов изучения ЛСГ глаголов эмоции, как системы, функционально-семантический, который предусматривает анализ парадигматических и синтагматических особенностей глагольной лексики, поскольку сочетаемостные возможности глагола зависят от семной структуры его значения, а также при таком подходе наиболее полно раскрываются и другие специфические особенности глагола. Не вызывает сомнений, что сочетаемостные возможности глагола зависят от семной структуры его значения. Поэтому вопросы сочетания парадигматики и синтагматики в сфере ЛСГ находятся в центре внимания как синтаксистов, так и лексикологов в разноструктурных языках, в частности, в русистике и тюркологии. Анализ синтаксического окружения глаголов эмоции в хакасском языке показал, что чаще синтагматическую цепь заполняют позиции субъекта и объекта (стимула, причины). В данную синтагматическую цепь выстраиваются как обязательные, так и факультативные позиции. Наиболее разнообразной характеристикой валентности обладает позиция объекта (стимула, причины).

Характерной особенностью ЛСГ глаголов эмоции, которая вызывала определенные трудности при проведении ее границ и детальном анализе некоторых многозначных глаголов, была пересекаемость с различными семантическими группами, например, ЛСГ глаголов говорения, поведения, мышления, восприятия, что свидетельствует об открытости и размытости границ между ними.

Все глаголы хакасского языка, составляющие иерархическую структуру ЛСГ глаголов со значением эмоции, представлены в виде приложения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдуразаков. Семантические типы субъектов. Ташкент, 1991. 103 с.
2. Аммосова И. В. Анализ семантических структур многозначных глаголов «кыбыт» и «кэл» на материале Большого толкового словаря якутского языка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Вып. № 130 / 2011. С. 136–140.
3. Анненский И. Ф. Избранные произведения. М., 1988.
4. Антонова Л. Е. Семантика стыда и способы ее выражения в современном русском языке: норма и субстандарты: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 220 с.
5. Апресян В. Ю. Недавние американские исследования в области эмоции и эмоциональной лексики // Семиотика и информатика. Вып. 34. М., 1995. С. 52–53.
6. Апресян В. Ю. Речевые стратегии выражения эмоций в русском языке // Русский язык в научном освещении. № 2 (20). М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 26–57.
7. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. № 3. 1993. С. 27–35.
8. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 251 с.
9. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.
10. Апресян Ю. Д. Стыдиться // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 1997. С. 413–423.
11. Арнольд И. В. Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексического значения // XXII Герценовские чтения. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1970. С. 5–12.
12. Артюхова С. В. Словообразовательный потенциал глаголов с семой «эмоция» в современном русском языке. АКД. Махачкала, 2005.
13. Арутюнова Н. Д. О стыде и совести // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 54–79.
14. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
15. Арутюнова Н. Д. Семантическая структура и функции субъекта // Изв. АН СССР, серия литературы и языка. Т. 38. 1979. С. 323–334.
16. Афанасьева Е. Н. Переносное значение слова в якутском языке. АКД. Якутск, 1996.
17. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 2004.
18. Ахмедова Ф. А. Об особенностях глагольных фразеологизмов со значением эмоций в русском, таджикском и английском языках // Пятая международная научно-практическая Интернет-конференция «Спецпроект: анализ научных исследований» (17–18 июня 2010 года).
19. Бабенко Л. Г. Лексико-семантические группы глаголов и семантические модели предложения // Лексико-семантические группы русских глаголов. Иркутск, 1989. С. 97–113.
20. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. 182 с.

21. Бабенко Л. Г. Функционально-семантический класс глаголов эмоциональной деятельности // Лексико-семантические группы современного русского языка. Новосибирск, 1985. С. 41–48.
22. Бабенко Л. Г. Пересекаемость глаголов чувств с глаголами других ЛСГ // Слово в системных отношениях. Свердловск: Изд-во Свердл. пед. ин-та, 1982. С. 35–42.
23. Бабенко Л. Г. Функциональный анализ глаголов говорения, интеллектуальной и эмоциональной деятельности (на материале художественной речи А. П. Платонова): АКД. Свердловск, 1980.
24. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
25. Барыс-Хоо В. С. Лексико-семантическая группа глаголов движения в тувинском языке. АКД. Новосибирск, 2006.
26. Бахтина В. П. Лексико-грамматическая сочетаемость глаголов речи в русском языке // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Т. 2. Воронеж, 1966. С. 158–163.
27. Белявский С. Н. Фразеологизмы говорят о многом. Минск: Высшая школа, 1997. 223 с.
28. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977. 204 с.
29. Богуславская О. Ю. И нет греха в его вине (виноватый и виновный) // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 79–90.
30. Болотина Т. П. Особенности функционирования глаголов лексико-семантических групп психического состояния в поэзии XIX и XX веков (на материале поэм В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, А. Т. Твардовского и Е. А. Евтушенко) // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 22–24.
31. Большой психологический словарь. Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Олма-пресс, 2004. 666 с.
32. Боргояков М. И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1976. 159 с.
33. Боргоякова Т. Г. Соматические коды в хакасской фразеологии // Уральские и алтайские языки и народы: сопоставительно-типологический взгляд. Урал, алтай тиллерине паза чоннарнына пүкүле тиндестірігліг көріс: материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения М. А. Кастрена (1813–1852). 25–28 сентября 2013 г., Абакан, 2013. С. 124–130.
34. Боргоякова Т. Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. Абакан: Изд-во Хакасского госуниверситета им. Н. Ф. Катанова, 1996. 145 с.
35. Боргоякова Т. Г. Хакасская фразеология: учебно-методический комплекс по дисциплине: учебное пособие. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2014. 156 с.
36. Бочкарев А. И. К вопросу о косвенных экспрессивах // Научное обозрение: гуманитарные исследования. Научный журнал. 2012. № 3. С. 503–510.
37. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Грамматика позора // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 216–235.
38. Бытева Т. И. К вопросу о специфике полисемии в диалектной системе // Лексика и фразеология русских говоров Сибири. Новосибирск, 1982. С. 69–78.
39. Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, речи, мысли // Очерки по семантике русского глагола / под ред. А. Ф. Нестерова. Уфа, 1971. С. 38–310.
40. Васильев Л. М. Семантические модели предложения // Исследования по семантике. Уфа, 1976. С. 27–40.
41. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика: учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
42. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.
43. Вещилова В. Ф. Глаголы движения в турецком языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть IV. Лексика. М., 1962. С. 93–105.

44. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 162–189.
45. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове): учебное пособие для вузов. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
46. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986.
47. Вольф Е. М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Наука, 1989. С. 55–75.
48. Воронина Д. Д. О функции и значении семантического субъекта в строе русского предложения: АКД. М., 1976. 24 с.
49. Гайсина Р. М. Семная структура значений и типология глаголов отношения // Исследования по семантике русского языка. Лексическая и словообразовательная семантика. Межвузовский сборник. Уфа. 1979. Вып. 4. С. 30–39.
50. Гайсина Р. М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. 195 с.
51. Гайсина Р. М. Синтагматическая характеристика глаголов отношения // Синтаксис и интонация. Уфа, 1976. С. 32–48.
52. Гайсина Р. М. Значение и синтагматика глаголов (на материале глаголов отношения). Пособие по синтаксису. Уфа, 1980.
53. Гак В. Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 22–29.
54. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. М.: Изд-во МГУ, 1958. С. 103–124.
55. Ганеев Ф. А. Семантические разряды глаголов татарского языка // Исследования по татарскому языкознанию. Казань, 1984. С. 75–84.
56. Гаптелганиева Д. М. Многозначность и омонимия в системе татарской глагольной лексики. АКД. Казань, 1999.
57. Гордон Е. А. Семантические особенности глаголов чувств в русском языке // Русский язык. Душанбе, 1980. С. 77–82.
58. Грамматика хакасского языка. Под ред. Н. А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 417 с.
59. Графова Т. А. Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 67–99.
60. Дмитриев Н. К. Глаголы движения // Строй тюркских языков. М., 1962. С. 590–598.
61. Дмитриев Н. К., Чистяков В. М., Бакеев Н. З. Глаголы движения, глаголы действия. Глаголы речи. Глаголы мышления // Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе. М., 1952. С. 162–242.
62. Доможаков Н. Г. Описание кызыльского диалекта хакасского языка: рукопись канд. дисс.; Абакан, 1948. Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ.
63. Дорофеева Н. В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков). АКД. Волгоград, 2002. 19 с.
64. Евгеньева А. П. Основные вопросы лексической синонимии // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.-Л., 1966. С. 4–29.
65. Евгеньева А. П. Синонимические и парадигматические отношения в русской лексике // Синонимы русского языка и их особенности. Л.: Наука, 1972. С. 5–22.
66. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Зарубежная лингвистика М., 1999. С. 131–256.
67. Жуковская Е. Е. Семантический анализ некоторых глаголов эмоционального состояния и их производных: АКД. М., 1975. 21 с.

68. Зализняк Анна А. О семантике щепетильности (обидно, совестно и неудобно на фоне русской языковой картины мира) // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 101–119.
69. Зализняк Анна А. Семантика глагола 'бояться' в русском языке // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 42. № 1. М., 1983. С. 59–66.
70. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переводов» // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 13–26.
71. Ивановна Е. А. К вопросу об аспекте изучения категории вида у отглагольных существительных в русском языке // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 31. Вып. 2. М., 1972. С. 113–118.
72. Изард К. Э. Психология эмоций / пер. с англ. СПб: Питер, 1999. 464 с.
73. Иорданская Л. Н. Стыд, стыдиться, стыдно // И. А. Мельчук, А. К. Жолковский и др. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.
74. Иштанова Р. К. Глаголы татарского языка в семантическом аспекте: АКД. Казань, 2002.
75. Каксин А. Д. Хакасский язык в аспекте лингвистической типологии. Абакан: Изд-во «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2013. 108 с.
76. Каксин А. Д. Хакасы: культурные традиции и их трансформация (конец XX – начало XXI вв.). Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2013. 152 с.
77. Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. Когнитивная основа семантической классификации глаголов восприятия в разноструктурных языках. – Культура народов Причерноморья: научный журнал. № 168. 2009. Т. 1. С. 331–334.
78. Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. Синтаксис и прагматика сложных предложений хантыйского языка (применительно к ЛСГ глаголов) // Грамматика и прагматика сложных предложений в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Международный лингвистический симпозиум: сборник тезисов. Томск (Россия), 27–30 июня, 2006. Томск, 2006. С. 50–51.
79. Карандашова Н. Э. Синонимические ряды глаголов психической деятельности: функционально-семантический аспект. АКД. СПб., 2003.
80. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Наука. 1976. 356 с.
81. Карпов В. Г. Хакасский язык: проблемы и перспективы развития. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2007. 260 с.
82. Катанов Н. Ф. Грамматика сагайского наречия татарского языка. Красноярск, 1882–1884 (Рукопись).
83. Кашина И. В. Фразеологизмы со значением эмоционального состояния лица в современном русском языке: структурно-семантическая характеристика: АКД. М., 1981. 24 с.
84. Кильдибекова Т. А. Глаголы действия в современном русском языке. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 1985. 158 с.
85. Кодухов В. И. Общее языкознание: учебник для студентов филол. специальностей. М.: Высшая школа, 1974. 303 с.
86. Козырев Т. А. Лексико-семантическая группа эмотивных глаголов в тюркских языках Южной Сибири и в казахском (в сопоставительном аспекте). АКД. Новосибирск, 1999.
87. Кокошникова О. Ю. Многозначные глаголы в хакасском языке // Языки коренных народов Сибири: сб. научных трудов. Вып. 12. Новосибирск, 2002. С. 180–192.
88. Кокошникова О. Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири). Новосибирск. 2004. 144 с.

89. Кошкарева Н. Б. Эмотивные модели простых предложений с дательным падежом при переходных глаголах // Принципы моделирования структуры и семантики предложения. К 80-летию доктора филологических наук, профессора Майи Ивановны Черемисиной. Новосибирск, 2004. С. 28–58.
90. Кретов А. А. Из наблюдений над семантикой и сочетаемостью глаголов зрительного восприятия // Семантика и структура предложения. Уфа, 1978.
91. Кривошеева И. В. Структурные схемы русского простого предложения с глаголами эмоциональной деятельности. АКД. Воронеж, 1999.
92. Крючкова М. Л. Лексико-семантическая сочетаемость группы глаголов эмоционального состояния и отношения с именами: АКД. М., 1981.
93. Кузнецов А. М. Структурно-семантические параметры в лексике (на материале английского языка). М.: Наука. 1980. 160 с.
94. Кузнецов Ю. А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира. АКД. СПб., 2005.
95. Кузнецова Э. В. Введение // Лексико-семантические группы русских глаголов. Научный редактор Э. В. Кузнецова. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та. 1989. С. 4–24.
96. Кузнецова Э. В. О принципах и методах выделения объема семантических классов русских глаголов // Классы слов и их взаимодействие. Свердловск, 1979. С. 5–12.
97. Кузнецова Э. В. Лексико-семантическая группа слов и методы ее описания // Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов лингвистической конференции. Новосибирск: Новосибирский государственный университет. Вып. 11. 1969. С. 99–101.
98. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа. 1989. 216 с.
99. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: учебное пособие. М., 1982.
100. Кузнецова Э. В., Боровикова Н. А. Функциональная эквивалентность глаголов в ЛСГ // Лексико-семантические группы русских глаголов. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1989. 177 с.
101. Кулиев Г. К. Семантические группы глаголов (на материале юго-западной группы тюркских языков) // Советская тюркология. 1975. С. 7–16.
102. Курлова И. В. Выражение эмоционального состояния глаголами разных лексико-семантических групп: АКД. М., 1996.
103. Кульмагамбетова Б. Б. Аффиксальное образование глаголов в современном казахском языке: АКД. Алма-Ата, 1956.
104. Курбанова С. Структурно-синтаксические особенности глаголов со значением желания в современном английском языке // Філологічні науки. Збірник наукових праць. 2011. № 9. С. 106–110.
105. Кызласова И. Л. Категория модальности в хакасском языке. Абакан: Изд-во ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2010. 152 с.
106. Кызласова И. Л., Чертыкова М. Д. Словарь синонимов хакасского языка / Хакас тілінң синонимнер сөстiгі. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2014. 228 с.
107. Лагузова Е. Н. Глаголы, обозначающие отрицательные эмоции, в ярославском областном словаре // Русские народные говоры: проблемы изучения: тезисы докладов и сообщений научной конференции. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. 1997. С. 49–521.
108. Лексико-семантические группы хакасских глаголов (глаголы говорения и движения): словарь-справочник / сост. М. Д. Чертыкова, А. Н. Чугункова. Абакан. 2013. 72 с.
109. Лексико-семантические группы русских глаголов / науч. ред. Э. В. Кузнецова // Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1989. 176 с.

110. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. редактор В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
111. Лопатин В. В. Метафорическая мотивация // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1975.
112. Лук А. Н. Эмоции и чувства. М.: Знание, 1972. 75 с.
113. Лукьянова Н. А. Системные отношения в лексике говоров Сузунского и Ордынского районов Новосибирской области: АДД. Новосибирск, 1966.
114. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986. 227 с.
115. Матвеева Е. П. Семантическая структура глагола бил- «знать» в якутском языке (в сопоставлении с алтайским глаголом бил- «знать») // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 193–197.
116. Матвеева Е. П. Семантическая структура многозначного глагола в якутском языке (непроизводные глаголы физического воздействия на объект). АКД: 10.02.02. Якутск, 2007.
117. Матвеева Т. В. Лексико-семантические группы русских глаголов: учебный словарь-справочник / под общ. ред. Т. В. Матвеевой. Свердловск, 1988.
118. Материалы к сравнительному словарю глагольной лексики тюркских языков Саяно-Алтая / отв. ред. Н. Н. Широбокова, О. Ю. Шагдурова. Новосибирск: Омега-Принт, 2013. 176 с.
119. Мелерович А. М. Семантическая структура фразеологических единиц в современном русском языке как лингвистическая проблема: АДД. Ленинград, 1982. 40 с.
120. Мельникова С. Е. О глаголах чувств в современном русском языке // Лексико-грамматические проблемы русского глагола. Новосибирск: Западно-сибирское книжное издательство, 1969. С. 60–74.
121. Милых М. К. Конструкции с прямой речью как синтаксическая единица // Филологические науки. 1961. № 4. С. 136–145.
122. Михайлова О. А. Типовая сочетаемость глаголов // Лексико-семантические группы русских глаголов. Иркутск, 1989. С. 84–97.
123. Моисеева С. А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. 264 с.
124. Мыльникова О. Е. О глаголах чувств в современном русском языке // Лексико-грамматические проблемы русского глагола. Новосибирск. 1969. С. 35–39.
125. Мягкова Е. Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории: АДД: 10.02.19. М., 2000.
126. Некрасова Г. А. Средства выражения делибератива в пермских языках // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 147–150.
127. Николаенкова Т. В. Глаголы с семантикой эмоционального состояния (настроения) в поэзии Ф. И. Тютчева // Тютчевский дебют II / под ред. А. В. Антюхова, А. Л. Голованевского. Брянск, 2009.
128. Новиков Л. А. Семантический анализ противоположности в лексике // Избранные труды. Том 1. Проблемы языкового значения. М., 2001. 672 с.
129. Рамазанова А. Х. Лексико-семантические средства выражения значения презрения в разносистемных языках // Вестник Воронежского университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 2. С. 151–153.
130. Ретунская М. С. Условия формирования оценочных номинаций в процессе коммуникации // Вестник Харьковского университета. Харьков, 1987. С. 37–41.
131. Озонава А. А. Аналитические конструкции с семантикой желания (на материале алтайского языка) // Алтайская филология. Горно-Алтайск, 2000. С. 81–87.

132. Ойноктинова Н. Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров. АДД: Специальность 10.01.09 – фольклористика. Казань, 2012. 46 с.
133. Оразов М. Семантика казахского глагола (опыт семантической классификации). АКД. Алма-Ата, 1983.
134. Падучева Е. В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 3–23.
135. Пелих Е. А. Семантические различия однокоренных именных и глагольных лексем (на материале семантического поля желания в русском, украинском, английском языках) // Семантика словосочетаний и синтаксических конструкций. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1987. С. 93–97.
136. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка (Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения): учебное пособие. Воронеж, 1984.
137. Похмелкина В. Е. Лексико-семантическая группа глаголов отрицательного эмоционального состояния как проявление системности лексики: АКД. М., 1975.
138. Психология эмоций. Под ред. В. К. Вилонаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. М.: Изд-во МГУ, 1984. 288 с.
139. Псянчин Ю. В. Лексико-семантическое поле глаголов движения башкирского языка. АКД. Баку, 1990.
140. Псянчин Ю. В., Ягафарова Д. Д. Семантика глаголов исполнения горизонтального движения в башкирском языке (на примере оппозиции «неосложненность // осложненность») // Уральский регион Республики Башкортостан: человек, природа, общество: материалы региональной науч.-практ. конф. (18 ноября 2011 года). Сибай, 2011. С. 409–413.
141. Салчак А. Я. Лексико-семантическая группа глаголов поведения в тувинском языке: в сопоставительном аспекте. АКД. Новосибирск, 2005.
142. Самойлова И. Ю. Глаголы **плакаться**, **смеяться** как средство выражения внутреннего мира человека в поэзии И. Бродского // Вестник МГЛУ. 2011. № 3. С. 13–20.
143. Саналова Б. Б. Глаголы интеллектуальной деятельности в алтайском языке (в сопоставительном аспекте). Новосибирск. АКД, 2004.
144. Саналова Б. Б. Глаголы мыслительной деятельности в алтайском языке (в сопоставлении с киргизским языком). Горно-Алтайск, 2007. 167 с.
145. Сарыбаева А. М. Семантические особенности глаголов чувства в русском и киргизском языках // Сопоставительно-типологические исследования русского и киргизского языков: Лексика. Фрунзе, 1988.
146. Сердобольская Н. В. Глаголы с семантикой эмоций и наивная картина мира народа бесермян. // Общее и сравнительно-историческое языкознание / Московский городской психолого-педагогический университет. М., 2010. С. 75–84.
147. Симонов П. В. Информационная теория эмоции // Психология эмоций. СПб., 2008. С. 276–284.
148. Сисалиева Г. А. Лексико-фразеологическое поле, репрезентирующее концепт «осмеяние» // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. Т. 11. Вып. 4 (3). 2009. С. 788–792.
149. Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. М.: Изд-во МГУ, 1998. 319 с.
150. Смирницкий А. И. К вопросу о слове. Проблема тождества слова // Труды Института языкознания АН СССР. М., 1954. Т. 4. С. 3–49.
151. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. 271 с.
152. Татаринцев Б. И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М.: Наука, 1987. 197 с.
153. Телия В. Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемость // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 250–319.

154. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981. 269 с.
155. Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 36–66.
156. Тыбыкова А. Т. Исследования по синтаксису алтайского языка. Простое предложение. / под ред. М. И. Черемисиной. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. 228 с.
157. Усманова М. Г. Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка. АДД. Уфа, 2002.
158. Усманова М. Г. Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка. Монография. Уфа: РИО РУНМЦ, 2002. 212 с.
159. Уфимцева А. А. Лексическое значение: (Принципы семиологического описания лексики). М., 1986.
160. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 285 с.
161. Уфимцева А. А. Некоторые вопросы синонимии // Лексическая синонимия. М.: Наука, 1967. С. 26–38.
162. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М.: Наука, 1968. 272 с.
163. Уфимцева А. А. Проблемы системной организации лексики: АДД. М., 1970. 30 с.
164. Уфимцева А. А. Языковая номинация: Общие вопросы // Уфимцева А. А., Азнаурова Э. С., Телия В. Н. [и др.]. Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука. 1977. С. 5–52.
165. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски исследования в честь на акад. Стефан Младенов. София, 1957.
166. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. 334 с.
167. Фоменко Ю. В. Семантические классы переходных глаголов, управляющих формой из + род. пад. в русском языке // Классы слов и их взаимодействия: межвуз. сб. уральских гос. университетов. Свердловск, 1979. С. 59–68.
168. Фомина Л. И. Семантическое поле удивления и его структура // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т, под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казанского ун-та. Т. 2, 2006. С. 263–265.
169. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков [и др.]. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
170. Халиков К. Глаголы движения в современном узбекском литературном языке. АКД. Самарканд, 1967.
171. Хусаинов К. Ш. Звукоизобразительные глаголы смеха в казахском языке // Советская тюркология. 1987. № 6. С. 67–75.
172. Цалкаламанидзе А. А. Семантико-синтаксические группы глаголов в узбекском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1987. 185 с.
173. Чанков Д. И. О распространении двуязычия среди хакасов // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. XI. Абакан, 1965. С. 146–153.
174. Чебодаева Л. И. Синтаксис сложного предложения (сложносочиненные и бессоюзные предложения): учеб. пособие для студентов, обуч. по спец. 033000 – Хакасский язык и литература. Абакан : Изд-во ХГУ. 2003. 72 с.
175. Черемисина М. И. Основные типы аналитических конструкций в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 2. Новосибирск: ИФЛ СО РАН, 1995. С. 3–22.
176. Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири: учебное пособие // Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 1992. 92 с.

177. Черемисина М. И. Язык как явление действительности и объект лингвистики: учебное пособие по курсу «Общее языкознание» // Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 1998. 128 с.
178. Черемисина М. И. Язык и его отражение в науке о языке // Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 2002. 254 с.
179. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 197 с.
180. Черемисина М. И., Озонова А. А., Тазранова А. Р. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: Изд-во «Любава», 2008. 205 с.
181. Чертыкова М. Д. Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект). Абакан, 2005. 180 с.
182. Чертыкова М. Д. Глаголы со значением эмоции в хакасском языке // Материалы ICANAS-37. М., 2004. С. 44–46.
183. Чертыкова М. Д. Способы выражения причины глаголами печали в хакасском языке // Урал-Алтай: через века в будущее: материалы научной конференции (г. Горно-Алтайск, 11–13 сентября 2003 г.). Горно-Алтайск, 2005. С. 234–237.
184. Чертыкова М. Д. Глаголы со значением раздражения в хакасском языке // Урал-Алтай: через века в будущее. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Уфа, 1–5 июня 2005 года). Уфа, 2005. С. 79–81.
185. Чертыкова М. Д. Глаголы отрицательной эмоционально-этической оценки в хакасском языке // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2014. № 2 (55). С. 117–121.
186. Чертыкова М. Д. Глаголы со значением смеха в хакасском языке // 60 лет Хакасскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории: Материалы научно-практической конференции. Абакан, 2005. С. 165–171.
187. Чертыкова М. Д. К вопросу о ЛСГ глаголов эмоции в хакасском языке // Центральная Азия и Казахстан: истоки тюркской цивилизации: Труды Международной научно-практической конференции (25–26 мая 2006 г., г. Тараз, Казахстан). Тараз (Казахстан), 2006. С. 35–44.
188. Чертыкова М. Д. К вопросу о когнитивной основе классификации глаголов смеха и печали (на материале русского, хантыйского и хакасского языков) // Материалы XII Международной научной конференции «Русистика и современность» (Украина, Одесса, 30 сентября – 4 октября 2009 г.). Одесса, 2009. С. 10–15.
189. Чертыкова М. Д. Глаголы со значением эмоциональной оценки в составе лексико-семантической группы глаголов говорения (на материале хакасского языка) // Лингвистическое наследие Шарля Балли в XXI веке: Материалы международной научно-практической конференции, 5–7 октября 2009 года / РГПУ им. А. И. Герцена; СПбГУ. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. С. 109–112.
190. Чертыкова М. Д. Семантика глаголов любви и доброжелательного отношения в хакасском языке // Научное обозрение: гуманитарные исследования. Научный журнал. № 7. М., 2013. С. 31–38.
191. Чертыкова М. Д. Функционально-семантическая характеристика глаголов со значением удивления в хакасском языке // Научное обозрение: гуманитарные исследования. Научный журнал. 2013. № 8. С. 43–49.
192. Чертыкова М. Д. Глаголы радости в хакасском языке (семантика и функционирование) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. Научный журнал. Тверь. 2013. № 5. С. 150–156.
193. Чертыкова М. Д. Способы выражения причины радости глаголом örin- в хакасском языке // Тюркская руника: язык, история, культура (к 120-летию дешифровки орхоно-

- енисейской письменности): материалы Международной научной конференции (г. Кызыл, 10–11 июля 2013 г.). Часть I. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2013. С. 138–141.
194. Чертыкова М. Д. Функционально-семантическая характеристика глаголов желания в хакасском языке // Хакасский этнос на рубеже XX–XXI веков: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (26–27 сентября 2013 г.). Абакан: Хакасское книжное издательство, 2013. С. 32–35.
 195. Чертыкова М. Д. Синтагматическая организация предложений с глаголами эмоций в хакасском языке // Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских языков: тезисы Международной научно-практической конференции (г. Якутск, 29–30 ноября 2012 г.) / Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова. Якутск, 2012. С. 112.
 196. Чертыкова М. Д. Фразеосочетания по типу кóчнн+глагол с семантикой эмоции в хакасском языке // Мир науки, культуры, образования. Научный журнал. 2013. № 2 (39). С. 230–233.
 197. Чертыкова М. Д. Антонимические и синонимические корреляции в структуре лексико-семантической группы глаголов эмоции в хакасском языке (на примере глаголов мимико-звуковых групп смеха и плача) // Урало-алтайские исследования. 2014. № 1 (12). С. 75–85.
 198. Чертыкова М. Д. Эмотивные фразеосочетания с соматизмами в хакасской языковой картине мира // Филологические науки: Вопросы теории и практики: научно-теоретический и прикладной журнал (Тамбов). 2014. № 3 (33). Часть II. С. 195–200.
 199. Чертыкова М. Д. О пограничных зонах лексико-семантической группы (на материале хакасского языка) // Мир языков: ракурс и перспектива: материалы 5-й Международной научно-практической конференции. Минск, 22 апреля 2014 г. Минск: БГУ, 2014. Том II. С. 64–66.
 200. Чертыкова М. Д. Языковые средства выражения эмоциональности в хакасском языке (на примере глаголов со значением зависти) // Центральная Азия в исследованиях XIX–XXI вв. К 175-летию со дня рождения Н. М. Пржевальского: материалы Международной научно-практической конференции. Бишкек, Каракол, 10–12 апреля 2014 г. Бишкек: Изд-во «Maxprint», 2014. С. 161–163.
 201. Чертыкова М. Д. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке (на примере глагола хын «любить») // Коренные народы Сибири: история, традиции и современность: Материалы региональной научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 28 февраля 2014 г.) / НРОФСКХ «Ал Хоорай» / науч. ред. Е. П. Баяртуева. Новосибирск, 2014. С. 183–185.
 202. Чертыкова М. Д. Семантика многозначного глагола в хакасском языке и ее представление в словаре // Учебник – основа изучения родного языка в образовательных учреждениях: материалы межрегиональной конференции. 29 ноября 2013 г., г. Абакан. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2013. С. 64–68.
 203. Чертыкова М. Д. Лексико-семантические группы хакасских глаголов: учебное пособие. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2014. 100 с.
 204. Чертыкова М. Д. Семантическая структура и коммуникативные особенности глаголов эмоции в хакасском языке // Коммуникативные исследования (Омск). 2014. №1. С. 276–284.
 205. Чертыкова М. Д. Глаголы отрицательной эмоционально-этической оценки в хакасском языке // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2014. № 2 (55). С. 117–121.

206. Чертыкова М. Д., Боргоякова И. Н. Фразеосочетания со значением ненависти в хакасском языке // Урал – Алтай: через века в будущее: материалы Всероссийской научной конференции (Горно-Алтайск, 2–5 июля 2014 г.) / БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова»; редкол.: Н. В. Екеев (отв. ред.), Э. В. Енчинов, А. А. Коцунов, А. Э. Чумакаев [и др.]. Горно-Алтайск: ОАО «Горно-Алтайская типография», 2014. С. 377–379.
207. Чертыкова М. Д., Каксин А. Д. О лексико-семантической группе глаголов эмоции (на примере хакасского и хантыйского языков) // Урал-Алтай: через века в будущее: материалы Всероссийской научной конференции (г. Уфа, 1–5 июня 2005 года). Уфа, 2005. С. 47–50.
208. Чертыкова М. Д., Каксин А. Д. К вопросу о глаголах восприятия в хакасском языке // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур: материалы международной конференции XXIV Дульзеновские чтения / Томский государственный педагогический университет. Томск, 2005. С. 189–191.
209. Чугунецова А. Н. Глаголы движения в хакасском языке: учебное пособие. Абакан. 2002. 100 с.
210. Чугунецова А. Н. Глаголы действия и деятельности в хакасском языке // Развитие языков и культур коренных народов Саяно-Алтая: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 19–20 апреля 2007 года. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007. С. 207–212.
211. Чугунецова А. Н. Глаголы проявления качества // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России: материалы II Международной научной конференции. 25–27 сентября 2008 года. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 20087. С. 145–149.
212. Чугунецова А. Н. Глаголы разрушения в хакасском языке // Урал-Алтай: через века в будущее: материалы Всероссийской научной конференции. Уфа: Гилем, 2005. С. 81–82.
213. Чугунецова А. Н. Глаголы становления качества в хакасском языке // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири: мат-лы Международной научно-практической конференции. Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2008. С. 166–170.
214. Шагдурова О. Ю. Семантика монгольских глаголов в тюркских языках Южной Сибири // Наследие хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда Николая Федоровича Катанова: материалы Межд. научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения ученого (16–19 мая 2012 г., Абакан). Том 2. Абакан. С. 51–56.
215. Шамина Л. А. Изъяснительные конструкции со крепой деп в тувинском языке // Предложение в языках Сибири. Сб. научн. трудов. Новосибирск, 1989. С. 131–140.
216. Шапилова Н. И. Глаголы чувства в современном русском языке: АДД. Куйбышев, 1966.
217. Шапилова Н. И. Из наблюдений над ЛСГ глаголов чувств в современном русском языке // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск. 1967. С. 61–64.
218. Шапилова Н. И. Обстоятельственная сочетаемость глаголов чувств // Ученые записки. Труды кафедр русского языка Кемеровского и Новокузнецкого пединститутов. Кемерово: Кемеровский пед. институт, 1970. Вып. 22. С. 35–51.
219. Швеллидзе Н. Б. Фразеологизмы со значением эмоций в современном русском языке: Дис. канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1997. 204 с.
220. Шаховский В. И. Парадигмы эмотивности // Языковые парадигмы и их функционирование: Сборник научных трудов ВГПУ. Волгоград: Перемена, 1992. С. 34–41.
221. Шаховский В. И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопросы языкознания. 1984. № 6. С. 97–103.

222. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1987. 190 с.
223. Шаховский В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М., 2010. 128 с.
224. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2, испр. и доп., 2008. 208 с.
225. Швелидзе Н. Б. Фразеологизмы со значением эмоции в современном русском языке. АКД. М., 1997.
226. Шведова Н. Ю. Глагол как доминанта русской лексики // Филологический сборник: к 100-летию со дня рождения академика В. А. Виноградова. М., 1995. С. 409–414.
227. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1977. 335 с.
228. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 279 с.
229. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Аспект Пресс, 2007. 257 с.
230. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1974. 255 с.
231. Юлдашев А. А. Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*) в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М.: АН СССР. 1961. С. 294–461.
232. Яковлюк А. Н. Лексико-семантический вариант как связующее звено между многозначным словом в языке и его реализацией в речи // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 156–162.
233. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1990. 685 с.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Источники иллюстрационного материала

- А – Халларов А. Акай. Повесть. Ағбан, 1986.
Ат – Татарова В. Аат табызы. Повесть. Ағбан, 1991
Ах – Алтын хыс. Хакаские сказки. Абакан, 1992.
Д – Айтматов Ч. Джамиля. Ағбан, 1992
О – Балтыжаков Т. Орис. Ағбан, 1975.
Ит – Иргенгі тан. Ағбан, 1986.
Кх – Нербышев К. Көгім хорымнарда. Роман. Ағбан, 1983.
Кч – М. Чебодаев, Күргенніг чазы. Чоохтар. Ағбан, 1967. 69 с.
П – Кильчичаков М. Е. Пьесалар. Ағбан, 1991.
По – Писательлер – олғаннарға. Көглер, чоохтар, нымахтар. Ағбан, 1988. 278 с.
Пт – Туран М. Пай тирек. Повесть. Ағбан, 1981.
Птн – Бурнаков Ф. Пора тай нанчым. Ағбан, 1987.
Сс – Шулубаева В. Сарналбаан сарын. Пьесалар. Ағбан, 1987. 120 с.
Сс МТ – Митхас Туран. Сайалбаан сүрместер. Аубан, 1978. 54 с.
Т – Казачинова Г., Халларов А. Той. Чоохтар. Ағбан, 1979.
Ткө – Тиников Н. Тіріг кізі өлбечен. Ағбан, 1982.
Тс – Баинов Б. Тас сом. Очерктер. Ағбан, 1967. 113 с.
Хо – Хакасия оттары. Альманах.
Хп – Хара паар. Нымахтар. Ағбан, 1985.
Хп – Хола пырғычах. Газета.
Хт – Хан тигір. Альманах. 1995. № 2. Ағбан. 133 с.
Хп – Хара паар. Нымахтар. Ағбан, 1985.
Хч – Хакас чирі. Газета.
Хч – Кобяков В., Топанов А. Хызыл чазы. Ағбан, 1982.
Хчк – Хакас чирінің кізілері. Очерктер. Ағбан, 1985.
Чт – Чирім тамырлары. Ағбан, 1982.
Чх – Костяков И. Чібек хур. Роман. Ағбан, 1989.
Чх – Чирім тамырлары. Ағбан, 1982.
Чхі – Кильчичаков М. Чүректе халған істер. Ағбан, 1964.
Ыа – Доможаков Н. Ыраххы аалда. Роман. Ағбан, 1987.

Общие

АДД – автореферат докторской диссертации.

АКД – автореферат кандидатской диссертации.

букв. – буквально.

вин. п. – винительный падеж

дат. п. – дательный падеж

им. п. – именительный падеж

ЛСВ – лексико-семантический вариант.

ЛСГ – лексико-семантическая группа.

местн. п. – местный падеж

напр. п. – направительный падеж

ХРС – Хакасско-русский словарь.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иерархическая структура ЛСГ глаголов со значением эмоции в хакасском языке

I. Глаголы, выражающие положительные эмоции

1.1. Глаголы со значением радости

õrín «радоваться».

чалахайлан «проявлять приветливость, радушие».

чары «1) светить, светиться; 2) *прям.* и *перен.* (о детенышах некоторых животных) прозреть; 3) *перен.* светлеть, просветлеть».

1.2. Глаголы со значением любви

и доброжелательного отношения

хын «1) чувствовать сердечную привязанность к какому-либо предмету, явлению; 2) испытывать сердечную страстную нежную привязанность к лицу другого пола; 3) испытывать спокойное и непрерывное чувство привязанности к кому-либо; 4) испытывать сердечное нежное спокойное уверенное чувство привязанности к кому-либо (любовь между близкими родственниками); 5) испытывать внутреннюю склонность к совершению каких-либо действий; 6) иметь психологическую поведенческую склонность к чему-л.; 7) проявлять желание к совершению какого-л. действия (хотеть)».

кõõлен «1) любить кого-л.; 2) испытывать чувство влюбленности к лицу противоположного пола».

кõңине кip букв. «входить в душу; нравиться».

чүрекке чат букв. «ложиться на сердце; нравиться».

айа «1) жалеть, чувствовать жалость, сострадание к кому-л.; 2) жалеть, чувствовать расположение, любовь, симпатию; 3) щадить; 4) сожалеть по поводу чего-л.; 5) скупиться, неохотно расходовать; 6) сочувствовать; 7) беречь».

ачын «1) жалеть; 2) щадить; 3) испытывать нежные сердечные чувства».

паарса «1) относиться доброжелательно к кому-л.; 2) относиться хорошо кому-л.; 3) проявлять хорошее расположение; 4) относиться к кому-л. с вниманием; 5) относиться с нежностью, лаской».

иркеле «1) ласкать; 2) нежить; 3) баловать».

1.3. Глаголы со значением удовлетворения

чөпсін «1) быть удовлетворенным, удовлетворяться; 2) удовольствоваться чем-л.; быть довольным».

морсын «1) быть довольным чем-л., удовлетворяться; 2) восхищаться».

1.4. Глаголы со значением желания

хын в ЛСВ «хотеть».

сағын в ЛСВ «хотеть».

«субстантив + **кил**» в значении «хотеть».

«субстантив + **тут**» в значении «хотеть».

II. Глаголы, выражающие отрицательные эмоции

2.1. Глаголы со значением злости

1) Синонимический ряд глаголов с общим значением «испытывать чувство злости, негодования»:

тарын «нервничать, сердиться, возмущаться, раздражаться, злиться, гневаться, обижаться».

тарых «нервничать, сердиться, раздражаться, возмущаться, расстраиваться».

хылыхтан «вспылить, сердиться, раздражаться».

тарлан «раздражаться, нервничать, сердиться».

өкпелен «гневаться, сердиться, горячиться, негодовать».

2) Синонимический ряд глаголов с общим значением «проявлять чувство гнева, злости, негодования»:

чабаллан «злиться, браниться».

хазырлан «свирепеть, злиться, браниться».

адайлан «злиться, браниться».

айналан «злоствовать, злиться».

хазыра «свирепеть, злиться».

3) Синонимический ряд глаголов с общим значением «внутренне переживать чувство злости, обиды»:

пуғлан «дуться, капризничать, привередничать, сердиться».

пултай «дуться, сердиться, обижаться».

пурдай «сердиться, дуться, надувать губы».

сіс перен. «дуться, сердиться».

4) Синонимический ряд фразеосочетаний с общим значением «злиться»:

тарынчағы тут букв. «[его] злость держит».

хылығы тут букв. «[его] характер держит».

айназы тут букв. «[его] черт держит».

чабалы тут букв. «[его] плохое держит».

істі тарлан букв. «[его] нутро теснится».
істі чарыл букв. «[его] нутро разрывается».
өкпезі тур букв. «[его] печень стоит».

2.2. Глаголы со значением раздражения

хыртыстан «проявлять ненависть, враждебность, недружелюбие, неприязнь, раздражение к кому-л.».

тыртыстан «раздражаться, злиться».

ыдырғахтан «раздражаться, злиться».

ідіргектен «раздражаться, злиться».

хыпчактан «раздражаться, злиться».

хырлан «раздражаться, злиться».

хыртаңна «раздражаться, злиться».

хырт көр букв. «смотреть с ненавистью; испытывать ненависть, неприязнь к кому-л.».

хырт тут букв. «держат ненависть; испытывать раздражение к кому-л., недолюбливать».

хырт хылын букв. «вести себя раздраженно; относиться к кому-л. с раздражением».

ідіргек тут букв. «раздражение держать; раздражаться на кого-л.».

2.3. Глаголы со значением страха

хорых «бояться».

чочы «бояться, испугаться».

чочын «опасаться, тревожиться, настораживаться».

ўрўк «сильно напугаться».

чалтан «1) бояться, робеть; 2) не решаться, не осмеливаться».

туртух «трусить, пятиться».

идінче соох чўгўр букв. «по телу холод пробегает; испытывать сильный страх».

сағыс сых букв. «мысли улетучились; испытывать сильный страх».

хут табанзар оила букв. «душа убежала в пятки; сильно напугаться».

изін сығар букв. «[его] мысли выводить»; «очень сильно напугать кого-л.».

2.4. Глаголы со значением печали

хомзын «1) печалиться, грустить; 2) переживать; 3) жалеть; 3) обижаться».

чобал «печалиться, переживать».

ачырған «1) сокрушаться, огорчаться; 2) расстраиваться; 3) раскai-ваться».

пичелен «тосковать, унывать, печалиться».

пичелге пастыр букв. «быть придавленным печалью; печалиться».

пичелге түс букв. «спускаться к печали; печалиться».

пузух «убиваться, переживать, унывать».

мөннiсiре «унывать, быть грустным».

2.5. Глаголы со значением страдания

иреелен «1) мучиться, страдать, испытывать горести жизни; 2) страдать; испытывать физические страдания в связи с какой-л. болезнью, страдать от болезней; 3) испытывать жизненные неудобства, невзгоды, лишения, мучиться; 4) все время думать, переживать о чем-либо; 5) стараться делать что-либо, но безрезультатно».

хыйаллан «1) испытывать физические страдания от какой-л. болезни; 2) испытывать жизненные неудобства, невзгоды, лишения, терпеть муки и горести жизни; 3) испытывать душевные страдания, страдать».

иле «1) мучиться; 2) испытывать лишения и трудности, бедствовать».

ирее кӧр «букв. смотреть страдания; испытывать страдания, лишения».

аар чух «букв. тяжело прилипать; испытывать трудности лишения»

2.6. Глаголы со значением зависти

iстi кӧй букв. «нутро горит», «завидовать, страдать от зависти».

iстi чоxtан букв. «оставаться без нутра», «завидовать».

артых кӧр букв. «смотреть лишним», «1) завидовать (черной завистью); 2) сглазить».

атарха «завидовать».

атанна «завидовать».

кӧйiрке «завидовать».

2.7. Глаголы отрицательной

эмоционально-этической оценки

уйат «1) стыдиться; 2) смущаться; 3) стесняться».

уйатха кiр букв. «войти в стыд; опозориться».

уйатха сух букв. «засунуть в стыд; позорить».

уйатха кир букв. «ввести в стыд; «позорить».

чалтан в ЛСВ «1) стесняться; 2) смущаться».

аарын «1) смущаться; 2) стесняться».

пырысын «1) чувствовать свою вину; 2) извиняться».

ачырған «1) сокрушаться, огорчаться; 2) расстраиваться; 3) жалеть о чем-л., сожалеть; 4) раскаиваться».

айных «смущаться».

туртух «трусить, бояться, не осмеливаться, не решаться, робеть, тетьаться».

омарар «устыдиться, смутиться».

отыйар «стесняться, смущаться».

III. Глаголы, обозначающие нейтральные эмоции

3.1. Глаголы со значением удивления

хайха «1) удивляться; 2) поражаться; 3) изумляться».

тацна «1) удивляться; 2) поражаться».

чапсы «1) удивляться, изумляться; 2) восхищаться, восторгаться».

чапсырха «1) лакомиться чем-л.; есть что-л. с удовольствием; 2) относиться к кому-чему л. с любопытством; 3) восторгаться, восхищаться, 4) проявлять интерес к чему-л.»

чапсыхтан «1) проявлять интерес к кому-чему-л.; 2) удивляться».

йрүк «1) удивляться; 2) поражаться».

3.2. Глаголы со значением беспокойства

сагысыра «1) беспокоиться; 2) волноваться».

чүрексі / чүрексін / чүрексіре «волноваться».

чилексі / чилексіре «волноваться в предчувствии чего-л., заранее возбуждаться, тревожиться, беспокоиться».

сууда «1) разг. неодобр. нуждаться, испытывать потребность, необходимость в ком-л., чем-л.; 2) задумываться, беспокоиться, тревожиться».

тал II «1) беспокоиться, заботиться; 2) в *отриц. форме* быть равнодушным, беззаботным; не обращать внимания на что-л.»

ййме «волноваться, тревожиться».

тыс пирбе «не давать покоя».

ирее «1) мучить, беспокоить; 2) постоянно быть занятым одной и той мыслью, желанием, стремлением».

IV. Глаголы, выражающие проявление эмоции.

Глаголы со значением смеха и плача

хатхыр «смеяться (громко), хохотать; насмехаться».

күлін «улыбаться».

күл «1) насмехаться; 2) улыбаться».

күлімзіре «улыбаться слегка, чуть заметно».

хатхыраңна «посмеиваться, насмехаться, посмеиваться над кем-л., чем-л.».

ырчай/ ырсай «разг., груб. 1) выступать, выдаваться, торчать (напр. о верхних зубах, о нитках при шитье); 2) оскалывать, скалить (зубы); 3) улыбаться, оскалывая зубы; оскалиться».

ээрe «1) закатываться (смехом, кашлем, слезами); 2) хохотать, смеяться».

талчых «обозначают высокую степень интенсивности смеха».

ырчанна «разг., груб. хихикать, смеяться (развязно, по поводу и без повода)».

кідіре «смеяться раскатисто, гоготать».

ниде «закатываться смехом, смеяться беззвучно».

кимзей «слегка улыбаться беззубым ртом».

кізеңне «чуть-чуть улыбаться».

а) плач высокой интенсивности:

марла «1) реветь (о животных); 2) разг. реветь; громко плакать (о людях)».

орла «реветь (о животных); разг. орать (о людях)».

б) плач обычной интенсивности:

ылға «плакать».

сыхта «горько плакать, рыдать, причитать».

в) плач низкой интенсивности:

сўркўңне «всхлипывать».

ылғамзыра «1) прослезиться; захныкать; 2) делать вид, что плачет, притворяется плачущим».

сығыдын «тихо, беззвучно плакать».

V. Соматические фразеосочетания с семантикой эмоции

5.1. Фразеосочетания по типу «кўңні «душа» + глагол».

5.1.1. Синонимический ряд

с общим значением «нравиться»:

кўңніне кір «(букв. входит в [его] душу), нравиться».

кўңніне чат «(букв. [его] лежать в душу), нравиться, быть по душе».

кўңніне ал «(букв. брать в [его] душу), нравиться, быть удовлетворенным, предпочитать».

кўңні тарт «(букв. тянуть [его] душу), симпатизировать к чему-кому-л.».

5.1.2. Синонимический ряд с общим значением

«быть в хорошем настроении»:

кўңні чазал «(букв. «[его] душа излечиваться»), «веселеть».

кўңні чары «(букв. «[его] душа светиться»), «быть в хорошем настроении, становиться веселым, бодрым».

кӧннӧн кӧдӧр (букв. «поднимать [его] душу»), «поднимать [его] настроение, дух, ободрить, развеселить».

5.1.3. Фразеосочетания

с различной эмоциональной семантикой:

кӧннӧ тол (букв. «[его] душа заполняется»), «удовлетворяются чем-л., быть довольным».

кӧннӧн толдыр (букв. «заполнять [его] душу»), «быть довольным удовлетверенным».

кӧннӧн часхар (букв. «успокаивать [его] душу»), «успокаивать, утешать».

5.1.4. Фразеосочетания

с отрицательной семантикой:

кӧннӧ тӱс (букв. «[его] душа упала»), «быть не в духе, портиться настроение».

кӧннӧ хал (букв. «[его] душа осталась»), «что-л. становится противным, надоест».

кӧннӧ хорылдыр (букв. «очищать [его] душу»), «задеть за живое», русск. «душу переворачивать».

5.2. Фразеосочетания со значением

«сильно бояться, пугаться»

хут сых (букв. «душа выходит»), «сильно напугаться, бояться».

хут чарыл (букв. «душа раскалывается»), «сильно напугаться».

хут табанзар тӱс (букв. «душа спускается к пяткам»), «сильно напугаться».

5.3. Фразеосочетания с соматизмом **чӱрек** «сердце»

5.3.1. Фразеосочетания с компонентом

чӱрек «сердце» с общим значением:

а) «переживать, страдать, чувствуя разъедающую боль в сердце»:

чӱрек ачы (букв. «сердце саднит») «сильно переживать».

чӱрек сыста (букв. «сердце ноет, болит, ломит»), «переживать».

чӱрек агыр (букв. «сердце болит»), «переживать».

б) «волноваться»:

чӱрек сӱртле букв. «сердце бьется».

чӱрек талбыра (букв. «сердце учащенно бьется, парит»).

в) «вдохновляться, быть в хорошем настроении»:

чӱрек кӧбӧре (букв. «сердце вдохновляет»).

чӱрек кӧдӧр (букв. «сердце поднимать»).

г) «надоест, становится противным»:

чӱрек ӧл букв. «сердце умирает».

д) «проявлять симпатию к кому-чему-л.»:

чўрекке чат (букв. «ложиться на сердце»), «нравиться».

чўрек нымза букв. «сердце смягчится».

5.3.2. Фразеосочетания,

нейтральные в объектном отношении:

чўрекке чағын ал «принимать близко к сердцу».

чўрек чар букв. «расколоть сердце».

чўрек хайна букв. «сердце кипит».

Устойчивые сочетания, характеризующие состояние сердца.

чўректе хайралла букв. «беречь в сердце».

чўрек чылыт букв. «греть сердце».

чўрек кўй букв. «горит сердце».

чўрек тибірет букв. «сердце шевелить».

чўректі хыза пас букв. «сердце сжимать».

чўрек аасха тол пар [тығыл пар] букв. «сердце в рот наполнилось; испытывать сильный страх, испуг».

чўрек ардат букв. «сердце портить расстраивать; заставлять завидовать, страдать».

чўрек кўй букв. «сердце горит; завидовать».

чўрек ўтіре пар букв. «проходить сквозь сердце; трогать душу, доходить до души».

чўрек хат букв. «сердцу затвердеть ожесточиться; наполняться решимостью».

чўрек хыс букв. «сердце сдавливает; испытывать острое чувство жалости, сострадания».

чўрек кўксіне сыңма букв. «сердце в грудь не входит; становится тоскливо, тяжело на душе».

чўрек чабырыл букв. «сердце придавить; быть в плохом расположении духа, в подавленном настроении».

чўрек ора-чара тарт букв. «сердце на части тянуть; вызывать душевные муки, заставлять страдать».

5.4. Фразеосочетания с соматизмом **ўкпе** «легкие»

5.4.1. Фразеосочетания с соматизмом **ўкпе** «легкие» со значением кратковременной злости и раздражения

ўкпе тур букв. «легкие стоят».

ўкпе чарыл букв. «легкие раскалываются».

ўкпе тазых букв. «легкие переливаются через край».

ўкпе сістір букв. «легкие набухают».

ўкпе тығыл букв. «легкие теснятся».

ўкпе хайна букв. «легкие кипят».

ўкпезін читтір букв. «доставить [свои] легкие».

5.4.2. Фразеосочетания с соматизмом **өкпе** «легкие»
с общим значением

«успокаиваться; подавить гнев, раздражение, обиду»:

өкпе түс (букв. «падать легкие»), «успокаиваться»,

өкпе пазын (букв. «легкое давить»), «сдерживаться, успокаиваться».

5.5. Фразеосочетания с соматизмом **паар** «печень»

5.5.1. Фразеосочетания с соматизмом **паар** «печень»

со значением «горевать, тосковать, испытывать тревогу»

паар түгел букв. «печень истощаться».

паар хуру букв. «печень сохнуть».

паар хайыл букв. «печень плавиться».

паар сыста букв. «печень ныть, саднить».

паары ачирға букв. «печень садни», «1) испытывать тревогу, беспокойство, душевные страдания; 2) жалеть (сочувствовать) кому-л.».

5.5.2. Фразеосочетания с соматизмом **паар** «печень»,

нейтральные к обозначению эмоции:

паары көс букв. «печень сдвинуться».

паарға сиип парарға (букв. «впитаться в печень»), «западать в душу».

паарға пазын (букв. «давить на печень»), «жалеть, сострадать».

5.6. Фразеосочетания

с компонентом **істі** «нутро, живот»:

істі көй (букв. «гореть живот»), «завидовать».

істі чоxtан (букв. «не быть нутру»), «завидовать».

істі тарлан (букв. «становиться тесно внутри»), «злиться, раздражаться».

істі чарыл (букв. «нутро раскалывается»), «злиться».

істі сістір (букв. «живот заставлять набухать»), «злиться, озлобляться».

істі кимір (букв. «грызть нутро»), «постоянно думать, переживать о чем-л.».

істі харасхы пол букв. «становиться темно в утробе; быть в подавленном состоянии, переживать, унывать».

істі ачы букв. «внутренность ноет; испытывать чувство тревоги, беспокойства, тоски».

істі-паарын хомзыныс кимір букв. «[его] нутро грызет печаль; испытывать острое чувство жалости».

істі хуру букв. «внутренность сохнет; тосковать, скучать».

істі чараба букв. «внутренность не подходит; что-л. кому-л. не по нраву, не по душе».

істі чарыл букв. «внутренность разрывается; сильно злиться».

істі чары букв. «внутренность светится; радоваться».

істіне толдыра (тарын) букв. «злиться на все нутро; разгневаться, рассердиться».

істінде харасхы түс букв. «внутри темнота падает; становится тяжело, горько на душе».

істіңче соох оила букв. «внутри холод бегаает; становится страшно, становится не по себе».

5.7. Фразеосочетания

со значением ненависти

пу харахнаң көрбеске (букв. «этими глазами не видеть»), «ненавидеть».

хырт көр (букв. «смотреть с ненавистью»), «испытывать ненависть, неприязнь к кому-либо».

VI. Единичные глаголы

кўнне «1) ревновать близкого человека в страхе потерять его любовь и внимание; 2) ревновать любимого человека в страхе потерять его».

өкерсін «любоваться: а) человеком или предметом, внешний вид которых вызывает симпатию реципиента; б) явлениями природы; в) чьими-л. действиями; г) чьими-л. творениями».

изі чоxtан «1) чувствовать себя плохо, не по себе; 2) расстраиваться; 3) недомогать; 4) не давать покоя».

чохсын «1) чувствовать, ощущать, замечать отсутствие кого-чего-л.; 2) чувствовать потерю кого-чего-л.; тужить о потере, тосковать о ком-чем-л.; 3) прибедняться».

кирексі «1) иметь потребность желание, нужду в чем-л.; 2) нуждаться в чем-л.; 3) требовать что-л.».

киректе «нуждаться, иметь нужду, надобность, потребность, желание чего-л.».

тўўл I «1) испытывать отвращение к кому-л. (напр., после его неприятных поступков); 2) разочароваться в ком-чем-л.».

чархан «тяготиться чем-л.».

чидік «употр. чаще в отриц. форме; быть в нетерпении».

Научное издание

Мария Дмитриевна **Чертыкова**

**ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЭМОЦИИ
В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ:
ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА**

Ответственный редактор Ю. В. Псянчин

Редактор – Т. М. Дудина.
Компьютерное обеспечение – Ю. С. Танбаевой

Подписано в печать 15.09.2015. Формат 60×84/16.
Печать – ризограф. Бумага офсетная.
Физ.печ.л. 10. Усл.печ.л. 9,3. Уч.-изд.л. 9,4.
Тираж 50 экз. Заказ № 119.

Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова».
Отпечатано в типографии ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова».
655017, г. Абакан, пр. Ленина, 90а. тел. 22-51-13; e-mail: izdat@khsu.ru

Научное издание

Мария Дмитриевна **Чертыхова**

**ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЭМОЦИИ
В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ:
ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА**

Ответственный редактор Ю. В. Псянчин

Редактор – Т. М. Дудина.
Компьютерное обеспечение – Ю. С. Танбаевой

Подписано в печать 15.09.2015. Формат 60×84/16.
Печать – ризограф. Бумага офсетная.
Физ.печ.л. 10. Усл.печ.л. 9,3. Уч.-изд.л. 9,4.
Дополнительный тираж 50 экз. Заказ № 120.

Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова».
Отпечатано в типографии ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова».
655017, г. Абакан, пр. Ленина, 90а. тел. 22-51-13; e-mail: izdat@khsu.ru